

Житие отца и учителя Иоанна Авильского

Луис де Гранада

Пер. с исп. по печатному изданию, воспроизведённому в цифровой форме:
[Luis de Granada, Vida del Padre Maestro Juan de Ávila / Biblioteca Virtual Miguel de Cervantes](#)

В переводе Константина Чарухина

Посвящение

**Дону Хуану де Рибере,
архиепископу Валенсийскому и патриарху Антиохийскому**

Вы, Ваша Светлость, без сомнения, уже замечали в деяниях апостольских, сколь неотделимо от сана епископского служение проповеди. Мы видим, что апостолы не желали обременять себя заботой о вдовах и бедных, дабы это занятие, сколь бы святым и необходимым оно ни было, не препятствовало делам более важным — возвещению слова Божия. Поручив сии заботы другим, они оставили за собой лишь молитву и проповедь.

Согласно этому апостольскому установлению, Четвертый Карфагенский собор предписал епископу вверять попечение о нуждающихся одному из главных духовных лиц, самому же посвящать себя тем двум делам, что избрали для себя апостолы. Впоследствии к этим делам добавилось и третье — чтение Священного Писания, дабы оно служило источником для проповеди (апостолы в нем не нуждались, ибо их наставником был сам Дух Святой).

Такой порядок долго сохранялся в Церкви. Во времена св. Августина в западных пределах был обычай, согласно которому никто не дерзал проповедовать в присутствии епископа. Однако святой епископ Валерий отступил от этого правила и вверил проповедь в храме св. Августина. Он не внял ропоту недовольных, ибо видел, что Августин исполняет это служение совершеннее, нежели он сам.

Так поступали в те времена, когда и сами верховные понтифики, такие, как св. Григорий, святой папа Лев и им подобные, обращались к пастве с проповедью, но как с течением веков меняется всё человеческое, так отчасти изменилось и это. Многие прелаты ныне довольствуются отправлением правосудия в своих судах, поручая слово Божие иным служителям. Между тем достоверно известно: овцы с гораздо большей радостью внимают голосу своего законного пастыря, и голос его приносит в их душах гораздо более обильные плоды, нежели речи всех прочих.

И все же Господь наш не оставил Церковь Свою без утешения. Есть и ныне многие прелаты, которые, помня о блаженных временах первоначальной Церкви и о долге своего звания, стремятся подражать древним первосвятителям и лично питают вверенных им овец здоровым учением. К числу их я не могу не причислить и Вашу Светлость. Ибо на протяжении долгих лет вашего пастырства вы всегда пеклись о том, чтобы паства получала это пропитание из ваших рук. Вы занимались этим столь ревностно и неустанно, что нередко, покидая исповедальню, сразу восходили на кафедру, дабы проповедовать. Вы не считали ниже своего достоинства исполнять то служение, которое нес на земле Сын Божий, чьими заместителями являются все проповедники.

Посему, описав жизнь отца и учителя Иоанна Авильского, в коем предстает нам совершенный образ евангельского проповедника, я не нашел никого, кому было бы достойнее посвятить этот труд, нежели вам. Ведь вы уже столько лет несете это служение не по человеческому побуждению, но из глубокого желания спасения людей и отвращения их от греха. Сие стремление проявлялось в ваших поучениях, когда вы с великим чувством произносили слова: «Братья, не будем же грешить ныне любви ради Божией». Эти слова, рожденные в самой глубине сердца, уязвляли сердца слушателей сильнее любых утонченных доводов, какие только можно было бы привести. Ибо истинно: ни одно слово не трогает души так глубоко, как то, что исходит из самого сердца; те же, что рождаются лишь на устах, не проникают далее слуха.

Подобные слова Ваша Светлость не раз встретит в наставлениях сего слуги Божия, изложенных в этой книге. Вместе с тем вы увидите здесь совершенный пример тех качеств, добродетелей и того духа, коими должен обладать проповедник Евангелия. И хотя в этом повествовании много назидательных мыслей, наиважнейшими я полагаю те суждения о духовных вещах, что сей человек Божий оставил в своих изданных письмах. Ибо свет Духа Святого, избравшего его слушателем Слова, наделил его знанием истинного достоинства духовных благ. Он ценил и взвешивал их не ложным весом Ханаана, то есть суетным судом мира сего, но мерилom Святилища, открывающим нам подлинную цену всех вещей.

Примите же, Ваша Светлость, сей скромный дар с той благостью и радушием, с коим вы обычно принимаете труды вашего слуги, а через Вашу Светлость да получат великое утешение и все те, кто обрел пользу в учении сего отца. Среди них я не могу не упомянуть госпожу графиню де Фериа, которая столь много почерпнула из его наставлений и усердно желала, чтобы я взял на себя труд описать его житие; сей труд по праву подобает ее благочестию и заслугам, как подобало бы и нечто несравненно большее.

Да пребудет всегда Господь наш в душе Вашей Светлости и да обогатит ее изобилием Своей благодати и дарами Духа Святого.

Слуга и капеллан Вашей Светлости,
брат Луис де Гранада

Христианскому читателю

Благочестивые люди, знавшие отца и учителя Иоанна Авильского и почерпнувшие пользу в его учении, не раз убеждали меня описать его житие, ибо я долгое время близко знал его и общался с ним. И хотя сия просьба была вполне справедливой, а я сам понимал, сколь великое назидание принесет этот труд почитателям сего отца, мне всё же казалось, что подобное дело превосходит мои скромные силы. Ибо когда я начал внимательно размышлять о высоте его добродетелей, то убедился: никто не сможет достойным образом описать его жизнь, кроме того, кто наделен тем же духом, что был у него. Его добродетели столь возвышенны, что я, признаюсь открыто, не в силах более объять их взором; и как нахожу я себя неспособным достичь их в жизни, так же чувствую бессилие и в том, чтобы запечатлеть их на письме. Тем более что для этого мне должно отвести взор от обычных добродетелей, кои мы видим в нынешние времена, и возвыситься до иного чина мужей — тех, в ком по причине полного умерщвления плоти всецело царствует Дух Божий. Сей Дух уподобляет человека Себе и делает его отличным от прочих людей, лишенных полноты духовной высоты.

Желая выразить свои чувства, я сравнивал жития древних святых с жизнью этого слуги Божия, коего Господь пожелал послать миру в наши дни. И хотя я признаю, что древние отцы обладали более высокими добродетелями, будучи поставлены в Церкви совершенными образцами для подражания, мне видится, что отец Иоанн стремился следовать им всеми своими силами. Ибо я видел в нем глубочайшее смирение, пламенную любовь, неутолимую жажду спасения душ, а также непрестанное учение и труд ради их обретения — наряду с иными его добродетелями, кои откроются далее.

Поскольку этот предмет столь превосходит мои силы, я, как уже говорил, желал бы уклониться от сего труда, но любовь и желание принести пользу братьям, особенно тем, кто посвятил себя проповедническому служению, победили мои сомнения. Ибо в этом евангельском проповеднике они ясно увидят, словно в чистом зеркале, все свойства и качества, коими должен обладать исполняющий сие служение.

Так как главным требованием к любому повествованию является истина, я укажу, из каких источников почерпнул всё здесь написанное. Прежде всего, я воспользовался записями, переданными мне двумя священниками, ближайшими учениками блаженного, кои и поныне живы: оо. Хуаном Диасом и Хуаном де Вильярасом. Последний оставался подле него на протяжении шестнадцати лет до самой его кончины. Слова сего отца, сказанные им о своем учителе, мне необходимо будет приводить здесь всякий раз, когда того потребует ход повествования.

Поможет мне и то, что я знаю сам, ибо, как было сказано, я общался с блаженным отцом весьма близко; одно время мы даже делили кров и трапезу. Благодаря этому я мог воочию наблюдать его добродетели, его уклад и образ жизни.

Также подспорьем послужат его собственные труды, кои упомянутые отцы явили свету, и прежде всего его письма. В них раскрывается дух и ревность, с коими он пекся о спасении душ. И так как в письмах сих затрагиваются самые разные предметы, в них еще ярче проступает разумение и опытность, коими он обладал во всем. А поскольку не у каждого читателя эти письма есть под рукой, мне будет необходимо вплетать сюда те их части, что послужат нашей задаче.

Наконец, я счел целесообразным не оставлять сию историю нагой, но сопроводить ее наставлениями, кои не привнесены извне, но рождаются из самого повествования. Ибо не всякому уму дано верно взвесить прочитанное и извлечь из него поучение для назидания души. Долг историка — позаботиться об этом, ибо он в долгу перед всеми людьми, как мудрыми, так и простыми.

Глава I. О начале его жизненного пути

Тот заботливый Домовладыка, что во всякий час дня призывает работников для возделывания Своего виноградника, никогда не попускает ни одному веку пройти без того, чтобы не пробудить в нем славных тружеников, кои своим рвением и старанием помогают в этом делании. Среди них Господу было угодно призвать и сего нового работника, чью жизнь мы начинаем описывать во славу самого Домовладыки и избранного Им слуги. Мы молим Господа о сем: ибо справедливо, чтобы прославлялся на земле тот, кто во всё время своего жития стремился прославить Царствующего на небесах.

И хотя происхождение родителей имеет малую цену для слуг Божиих на земле, ибо истинным Отцом своим они почитают Бога Небесного, всё же принято описывать и это — во славу земли, принесшей такой плод, и родителей, его породивших. Сей слуга Божий был уроженцем Альмодовар-дель-Кампо, что в архиепископстве Толедском. Родители его были из числа самых почтенных и богатых жителей того места, а что важнее всего — были они людьми богобоязненными. Ибо такими и подобало быть тем, от кого должно было произойти столь благородное древо. И не было у них иного дитяти, кроме этого единственного сына.

Когда исполнилось ему четырнадцать лет, отец отправил его в Саламанку для изучения законоведения. Вскоре после того, как он приступил к занятиям, Господу нашему было угодно призвать его особым призванием. Оставив изучение права, юноша вернулся в родительский дом. Будучи уже тронут Богом, он просил у родителей позволения поселиться в уединенном покое, что те и разрешили ему, ибо питали к сыну необычайную любовь. В том покое он устроил себе малую и убогую келью, где начал вести жизнь суровую и покаянную. Ложем ему служили виноградные лозы, пища его была совершенно постною, а ко всему тому добавлял он власяницу и бичевание. Родители взирали на это с глубоким состраданием, но, как люди

богобоязненные, не препятствовали ему, видя в том благодать от Господа. Почти три года пребывал он в таком подвиге.

Он часто исповедовался, и благоговение его пред Пресвятыми Дарами было столь велико, что он проводил пред ними долгие часы. Вид сего благочестия и то смирение, с коим он приступал к Святым Таинам, служили великим назиданием как для священства, так и для мирян того края.

Случилось в то время одному иноку из ордена св. Франциска проходить через ту местность. Дивясь столь великой добродетели в столь нежном возрасте, он посоветовал юноше и его родителям отправиться в Алькалу для продолжения учения, дабы приобретенными познаниями он мог лучше служить Господу в Его Церкви. Что и было исполнено.

Прибыв в Алькалу, юноша приступил к изучению свободных искусств. Наставником его был о. Доминго де Сото, который, видя тонкость его ума и великое благочестие, полюбил его всей душой; соученики же его назидались его примером. В то же время завязалась его дружба с о. Педро Герреро, будущим архиепископом Гранадским, который всегда оставался его преданным почитателем и покровителем.

Прежде чем он завершил обучение, родители его отошли в мир иной. Окончив курс и явив себя одним из самых выдающихся учеников благодаря остроте ума и не в меньшей мере прилежанию, он по достижении положенного возраста принял священство. Свою первую Мессу он пожелал совершить в родных местах, дабы почтить прах родителей. И в честь сего таинства вместо обычных в таких случаях пиршеств и празднеств он, как человек, устремленный к горнему, накормил двенадцать бедняков, причем сам прислуживал им за столом, оделил их одеждой и совершил иные дела милосердия.

Оставив же в стороне повествование о первых годах его жизни, мы обратимся теперь к тому, что касается самого его проповеднического служения. И так как Господь наш, избирая человека для некоего делания, всегда наделяет его всеми потребными для того дарованиями и добродетелями, мы опишем здесь те милости, что были ниспосланы сему Его слуге. В них христианский читатель узрит подлинный образ евангельского проповедника — тот самый образ, который я, с помощью Господа, даровавшего эти милости, намерен явить в сем жизнеописании.

Подобным образом поступали и иные писатели, хотя и в предметах совсем иного рода. Так, Ксенофонт, славнейший оратор и философ Греции, составил историю Кира Старшего — того самого, что возвратил иудеев в их земли после вавилонского пленения и чьи победы и триумфы были описаны не только Геродотом, но, что гораздо важнее, пророком Исаией за много лет до рождения греческого летописца. В своей истории Ксенофонт стремился запечатлеть добродетели, коими должен обладать совершенный и доблестный царь. И так как сей царь, при всей своей отваге, не обладал ими всеми, а те, что имел, были скорее притворными, нежели истинными, Ксенофонт восполнял недостающее и привносил от себя то, чего Киру не доставало.

Я же намерен здесь представить образ евангельского проповедника во всей полноте присущих ему качеств и добродетелей, не привнося при этом ничего от себя, но лишь являя их в житии и подвигах нашего проповедника.

Дабы соблюсти в сем повествовании должный порядок, я поведаю сначала о тех добродетелях и благодати, коими Господь наделил его для этого служения; затем — об особых качествах его

личности; и, наконец, о самом его проповедническом делании и о тех плодах, кои за сим последовали.

Часть первая. Добродетели и благодатные дары, ниспосланные Господом сему мужу для проповеднического служения

Глава II. О том, как наш проповедник стремился подражать апостолу Павлу, и о главных качествах, кои для сего служения потребны

Когда сей слуга Божий положил в сердце своем посвятить себя проповедническому служению — а ради него он долгие годы подвизался в науках, ища не почестей или сана, но единственно спасения душ, — он прежде всего попекся о запасах, необходимых для сего дела. Таковыми запасами были те, о коих Спаситель возвестил: «Кто не отрешится от всего, что имеет, не может быть Моим учеником» (Лк. 14:33). Повеление сие исполнил он столь полномерно, что по возвращении на родину раздал бедным всё достояние, оставшееся ему от родителей, не сохранив для себя ничего, кроме простого платья из грубого сукна. Тем самым он последовал слову Господа, сказанному ученикам при их послании на проповедь: не брать с собою ни мешка, ни сумы, но лишь веру и упование на Бога, ибо с таким приношением они ни в чем не будут иметь нужды (ср. Лк. 10:4). Сие исполнилось и на нашем проповеднике: всё время жизни он ничего не имел и ничего не желал, но ни в чем не терпел недостатка. Напротив, сам будучи нищим, он помогал многим нуждающимся, так что мог бы повторить вслед за Апостолом: «Мы нищи, но многих обогащаем; мы ничего не имеем, но всем обладаем» (2 Кор. 6:10).

Заложив сие основание, он решил избрать себе путеводителя, за коим мог бы следовать с полной уверенностью, и не нашел никого более достойного, нежели апостол Павел, призванный быть проповедником народов (ср. Деян. 9:15). Юноша не считал такое дерзновение гордынею, ибо и сам Апостол призывает к тому всех верных, говоря: «Подражайте мне, братья, как я Христу» (1 Кор. 11:1). И хотя образец сей столь высок, что никто не может вполне достичь его, всё же, по слову мудреца, выше поднимутся те, кто стремится к самым вершинам, нежели те, кто в унынии и безверии остается у подножия (ср. Квинтилиан. Наставления оратору, I, Prooem. 20). О том же, сколь благодатным делом оказалось для сего отца взирать на этот первообраз, будет сказано далее.

1. О любви к Богу, коей должен быть исполнен проповедник, и о том, как сия любовь пламенела в сердце сего отца

Обращаясь к главным свойствам и добродетелям совершенного проповедника, если только дано кому-либо достичь сего звания, должно сказать, что первым среди них является великая любовь к Богу. Мы разумеем это из слов и священного обряда, коими Спаситель вверил святому Петру попечение о Своих овцах, трижды вопрошая, любит ли тот Его более прочих учеников (ср. Ин. 21:15); и на каждый смиренный ответ Апостола Господь возглашал: «Паси овец Моих» (Ин. 21:17). Повторением сего вопроса о любви Господь дает нам понять: первым и наиважнейшим залогом спасения душ является любовь к Богу, когда она возжжена в сердце великою силою, ниспосылаемою для сего служения. Мы будем постепенно раскрывать это в ходе нашего повествования.

Именно поэтому Спаситель, избрав апостола Павла для сего таинства, исполнил его столь великого милосердия и любви, что, по слову самого Апостола, ничто из сотворенного не могло угасить пламя божественного горения в его сердце (ср. Рим. 8:38–39). Сия любовь помогла ему

выйти победителем из бесчисленных браней и противоборств мира сего; и даже узы и темница не могли заградить ему уст и связать язык, дабы перестал он проповедовать имя Христово.

Учение сие глубоко запечатлелось в сердце нашего проповедника. Когда один добродетельный богослов спросил его, какое наставление он мог бы дать для того, чтобы служение проповеди приносило плоды, Иоанн лаконично ответил: «Преискренне любить Господа нашего». Он произнес это как человек, на собственном опыте познавший, сколь великую помощь дарует сия любовь в исполнении этого долга. Ибо из такой любви прежде всего рождается неутолимая жажда славы Божией; а поскольку Господь прославляется святостью и чистотой жизни Своих созданий, то в душе проповедника пробуждается столь глубокое чаяние сей чистоты, что ни днем, ни ночью он не помышляет и не мечтает ни о чем ином. Нет такого труда или опасности, на которые он не пошел бы с радостью ради этой цели, полагая за великое приобретение отдать жизнь ради спасения хоть бы единственной души.

Сие явил нам Апостол не только своими безмерными трудами и перенесенными гонениями, но и особенно теми словами, что он писал верным в Коринфе: «Я же охотно буду тратить своё и сам буду расточаю за души ваши, хотя бы, любя вас чрезвычайно, я был менее любим вами» (2 Кор. 12:15). И в другом месте: «Но если я и соделываюсь жертвою за жертву и служение веры вашей, то радуюсь и сорадуюсь всем вам. О сем самом и вы радуйтесь и сорадуйтесь мне» (Флп. 2:17–18). Такова любовь к ближним, проистекающая из любви божественной, и таково желание их спасения, коего было довольно, чтобы Апостол был готов сам «быть отлученным от Христа» ради братьев своих (ср. Рим. 9:3). Сия любовь и ревность побуждали его обходить весь мир, пересекая моря и земли, и подвергаться любым опасностям, о чем он сам свидетельствует: «Посему я всё терплю ради избранных, дабы и они получили спасение во Христе Иисусе» (2 Тим. 2:10).

В этом и заключается главное орудие в сей деятельности. Подобно тому как любовь родителей к детям заставляет их трудиться в поте лица, дабы вскормить и обеспечить их, а порой и отправляться на край света, пересекая океаны в поисках средств для их жизни, так и сверхъестественная любовь, изливаемая Духом Святым в сердца тех, кому суждено стать духовными отцами, побуждает их обречь себя на еще большие труды и опасности ради блага ближних. Ибо любовь духовная в этом служении ничуть не слабее и не менее действенна, нежели любовь плотская. О том свидетельствует святитель Амвросий Медиоланский: «Любовь духовная, кою питаю я к чадам, порожденным мною словом Евангельским, не меньше той, что вела бы к их плотскому рождению; ибо благодать не менее властна, нежели природа» (ср. Амвросий Медиоланский. Об обязанностях священнослужителей, I, 34).

Все это ныне воочию открывается нам в образе нашего проповедника. Любовь к Господу и пламенное желание спасти души столь глубоко преобразили его естество, что всякое его дело, помысл или беседа неизменно служили лишь этой единой цели (ср. 1 Кор. 9:22). Ей посвящал он себя в непрестанных проповедях и исповедях, в наставлениях и публичных чтениях, помогая ближним своим живым словом, а отсутствующим — письмами. И делал он это не только сам, но и через учеников, коих вскормил он духовным млеком (ср. 1 Кор. 3:2) и посылал в разные края для того же служения.

Ради этого он положил воспитать служителей, кои в свое время принесли бы плод и напитали бы народ учением. С сею целью он радел о том, чтобы в главных городах Андалусии процветало изучение свободных искусств и богословия, и сам поставлял учителей там, где их недоставало. В иных же местах, где к тому обретались условия, он основывал для той же надобности коллегии для богословов. Но, не довольствуясь этим, он простирал свое попечение и на обучение детей, дабы вместе с годами росло в них благочестие и богопознание (ср. Лк. 2:52). Все сии труды и старания были живыми искрами, исходившими от того огня любви (ср.

Лк. 12:49), что пылал в его сердце и порождал в нем такое стремление. Обо всем этом далее будет сказано более подробно.

2. О рвении и духе, коими должно быть исполненному проповеднику, и о том, каков был в сем отец Иоанн

Из той же любви и чаяния спасения душ проистекало и великое рвение, и тот дух, с коим он проповедовал. Сам он говаривал, что, готовясь к выходу на кафедру, более всего заботился о том, дабы предстать пред народом «алчущим». Под этим словом он разумел следующее: подобно тому как ловчие следят, чтобы сокол или ястреб выходил на охоту голодным, ибо тогда он стремительнее преследует добычу, так и он старался восходить на кафедру не просто с благоговением, но с живым и острым голодом, с желанием обрести в этой проповеди хотя бы одну душу для Христа. Сей голод заставлял его говорить с великим порывом и воодушевлением. Подобное стремление есть особенный дар Духа Святого, и без Его благодати никто, сколь бы ни старался, не может стяжать его своими силами.

Сие горение духа являет нам образ таинственной Жены, которую святой Иоанн узрел в своем Откровении: сказано, что она кричала от болей и мук рождения (ср. Откр. 12:2). В этом мы видим образ того жара и страдания, кои претерпевают ревнители славы Божией, желая породить духовных чад, дабы те чтили и славили Создателя. Именно сие желание дарует им не только рвение и силу в слове, но и научает их уязвлять и покорять сердца слушателей.

Поскольку мы, будучи людьми плотскими, не всегда способны уразуметь достоинство и важность вещей духовных без примеров из жизни земной, вообразим, что сделала бы мать, узнав доподлинно, что единственный ее сын решился вызвать другого на поединок, дабы убить его или погибнуть самому. Вопрошаю вас, что бы она сделала в таком случае? Что бы сказала? Какими слезами, мольбами и доводами попыталась бы она отвратить сына от столь пагубного пути? Сколь изобретательной и красноречивой сделала бы ее любовь к нему? Из этого примера мы можем понять, на что движет великих ревнителей Бога жажда спасения душ и скорбь об их гибели, и сколь многие и действенные доводы приводит им на память эта самая любовь и сия скорбь.

Тот же, кто желает хоть немного постичь природу этого духа, пусть обратится к пророкам, тем проповедникам, коих сам Бог избрал для обличения грехов мира, и особенно к первым главам пророка Иеремии. Он найдет в них такое божественное красноречие, коего не знали ни Туллий, ни Демосфен; они не ведали такого многообразия оборотов, мыслей и восклицаний, к коим прибегает сей пророк, дабы явить неблагодарность и злобу людскую. Ибо негодование и чувство, кои Дух Святой рождал в сердцах пророков, влагали в их уста слова, способные привести в трепет людей, забывших Бога и восставших против Него.

Сим же духом и чувством был исполнен и славный наш отец святой Доминик, о коем сказано, что сердце его пылало, подобно зажженному светильнику, от скорби о гибнущих душах. Сия скорбь понуждала его произносить на проповедях слова чудесные, кои приводили в смятение и трогали сердца слушателей. Когда однажды его спросили, в каких книгах почерпнул он те высокие истины, что проповедовал, он кратко ответил, что прочел их в «книжице любви». Ибо пламенное желание обращения душ научило его вещать о чудесах, дабы привести людей к Богу.

В ту же книжицу, отверстую для всех, вглядывался по-своему и сей слуга Божий; она и наставляла его проповедовать с таким духом и рвением, что он глубоко волновал сердца слушателей. Слова его, подобные огненным стрелам, исходили из пылающего сердца и возжигали ответный огонь в душах других. Сила этого духа столь велика и столь превосходит

обычное искусство проповедников, что подобно тому, как волхвы фараоновы при виде знамений Моисеевых признали: «Это перст Божий» (Исх. 8:19), то есть Его сверхъестественная сила, так и люди, внимая нашему отцу, когда он говорил, движимый вдохновением Божиим, тотчас понимали, что слова сии исходят от духа иного, высшего, нежели человеческий.

Посему всякий, кто искренне и всем сердцем желает принести пользу и тронуть души других, пусть просит Господа даровать ему то самое чувство, которое он хочет пробудить в них. Этому учат нас и сами наставники красноречия, хотя и в предметах земных. Один из них, рассуждая о том, как оратору должно волновать сердца слушателей, в немногих словах заключает суть всего искусства: надобно, чтобы тот, кто хочет взволновать других, прежде сам был взволнован в самом себе (ср. Квинтилиан. Наставления оратору, VI, 2, 26). Сей учитель красноречия желает сказать, что слова должны исходить из того самого чувства, которое проповедник намерен запечатлеть в душах ближних. Ибо иначе — как сможет пробудить скорбь тот, кто сам не скорбит о сказанном? Как сможет вызвать негодование тот, в ком самом его нет? Как заставлю я плакать других, если у меня самого, стремящегося к тому, глаза останутся сухими? Сие невозможно. Ибо греет лишь огонь, и мочит лишь вода, и ничто не может сообщить другому тот цвет, коего само не имеет. Так пишут наставники, указуя путь к сердцам слушателей; без сего же чувства, по слову Квинтилиана, души никогда не будут тронуты.

Однако сей сердечный порыв не пробуждается в нас по правилам искусств, ибо он, как было сказано, есть высочайший дар Духа Святого, коего нельзя достичь никаким человеческим умением или предписанием. Ибо недостаточно всех сил и стараний людских, дабы совершить то, что творит Дух Божественный. И поскольку не все проповедники наделены сим Духом, они не трогают сердец и не отвращают людей от пороков. Мы видим на собственном опыте, что мир переполнен проповедниками, но не видим соразмерного преобразования жизни в их слушателях. Иное же мы явим далее, когда станем рассуждать о плодах, кои приносили слова сего отца.

Здесь должно заметить, что ничто так не возжигает ревность о спасении ближних, как явные плоды уже свершенного дела — будь то избавление душ от греха или их обращение от пути доброго к жизни еще более совершенной. Ибо нет дела более прибыльного, чем спасение души, и нет труда более благородного, чем тот, что служит довершению того, что совершила кровь Христова. Вкусивший сладость сего плода и ликующий при виде души, вырванной из челюстей адского змия и возвращенной Творцу (ср. Пс. 123:7), проповедник направляет всё свое красноречие к этой единой цели. Он обретает в душе новую радость и упование на свое спасение, веря, что Господь не попустит погибнуть тому, кто избавил других от гибели.

Жена патриарха Иакова, родив троих сыновей, радовалась премного, говоря: «Теперь-то прилепится ко мне муж мой, ибо я родила ему трех сыновей» (Быт. 29:34). Сколь же велика будет радость и уверенность того, кто в проповедническом служении породил для славы Христовой не троих, а множество духовных чад? Сия сладостная награда столь окрыляла нашего проповедника, что он день и ночь подвизался в этой духовной охоте; она же даровала ему то рвение и тот дух, с коими он проповедовал, понуждая направлять всякое слово и всякий довод к этой заветной цели.

3. О сострадании к впадающим в грех и о том, сколь глубоко сие чувство владело нашим отцом

Поскольку несомненно, что нет любви без сострадания, то любовь к ближним понуждает нас с томлением искать спасения их душ и радоваться их исцелению, а падения их становятся для любящих источником великой горести

И столь она велика, что не столько радует их здравие обратившихся, сколько удручает печаль о павших.

Сию скорбь Апостол являет, оплакивая падение некоторых из верных в Коринфе: «От великой скорби и стесненного сердца я писал вам со многими слезами, не для того, чтобы огорчить вас, но чтобы вы познали любовь, какую я имею к вам» (2 Кор. 2:4) — ту любовь, что стала причиной сей горести. Далее в том же послании он возобновляет сию жалобу: «Ибо я опасуюсь, чтобы мне, по пришествии моем, не найти вас такими, какими не желаю... чтобы опять, когда приду, не смирил меня у вас Бог мой и чтобы не оплакивать мне многих, которые согрешили прежде и не покаялись» (ср. 2 Кор. 12:20–21). Подобным образом и сей милосердный отец оплакивал падения своих чад, принимая их как свои собственные; посему и говорил он, что Бог смиряет и удручает его ими.

Но еще яснее обнаруживает он это состояние души в Послании к галатам, кои отпали от евангельской искренности. Для святого Апостола сие стало нестерпимым мучением; уязвленный в самое сердце, он, казалось, изнемогал, стремясь избавить их от сего заблуждения. Он пишет им: «Дети мои, для которых я снова в муках рождения, доколе не изобразится в вас Христос!» (Гал. 4:19). И поскольку в письме не мог он выразить всю глубину своей печали, то добавляет: «Желал бы я теперь быть у вас и изменить голос мой, потому что я в недоумении о вас» (Гал. 4:20). Сказать же «изменить голос» — значит: желал бы я принять тысячи образов и ликов, прибегнуть ко всем возможным доводам и путям, пытаюсь то мольбами, то слезами, то страхом перед правосудием Божиим спасти вас от столь великого зла. Одним словом, я желал бы весь истощиться пред вами, дабы избавить вас. Всё сие заключает в себе краткое речение «изменить голос».

Такова скорбь и сострадание, свойственные духовным отцам, когда видят они, что чада, порожденные ими во Христе, впали в прегрешение и падением своим опечалили ангелов и возрадовали бесов.

Сей подражатель и ученик святого Павла столь же глубоко сопереживал падениям своих духовных чад. О том он сам поведал в письме к одному проповеднику; слова сии столь достойны внимания, что я счел нужным привести их здесь. В этом послании, разъяснив прежде, сколь великих трудов стоит воспитание чад, дабы те не погибли, он пишет следующее:

«Ибо если они умирают, поверьте мне, отче, нет боли, равной этой; не думаю, чтобы Бог оставил в мире сем иного рода мученичество, столь же прискорбное, как мука о смерти сына, терзающая сердце истинного отца. Что сказать мне вам? Боль сию не утолить никаким земным утешением: ни тем, что на смену умершим рождаются иные; ни словами, коими обычно облегчают любое другое горе: "Господь дал, Господь и взял; да будет имя Его благословенно" (ср. Иов. 1:21). Ибо когда речь идет о гибели души, лишаящейся Бога, когда поношение наносится Самому Творцу и ширится царство греха — этого враждебного нам стана, — нет никого, кто мог бы утешить в столь праведной скорби. Если и есть здесь какое лекарство, то лишь забвение смерти чада; но оно недолговечно, ибо любовь заставляет нас при каждой малости, увиденной или услышанной, тотчас вспоминать об усопшем. Мы почитаем за предательство не оплакивать того, о ком по-своему плачут ангелы и о ком сам Владыка ангелов плакал бы и умер бы снова, будь то возможно. Истинно: смерть одного приносит больше скорби, чем радости — его рождение или благополучие всех прочих.

Посему тому, кто желает быть отцом, подобает иметь сердце сострадательное и плотяное (ср. Иез. 36:26), дабы сочувствовать детям, что само по себе есть великое мученичество; и в то же время — сердце железное, дабы сносить удары, наносимые смертью. Ибо нельзя допустить, чтобы сии удары сломили отца, или заставили его оставить служение, или ввергли в уныние,

или понудили проводить дни в одном лишь плаче. Подобное неуместно в делах Божиих, где надлежит всегда быть ревностным и бдительным. И хотя сердце будет пронзено этой болью, нельзя ослаблять рвения или искать покоя: порываясь плакать с одними, должно радоваться с другими. Не след поступать так, как Аарон, который после смерти двоих сыновей был укорен Моисеем за неисполнение священнического долга и ответил: "Если бы я совершил сегодня приношение... было бы это угодно Господу?" (ср. Лев. 10:19). Нам же, отче, заповедано всегда искать благоугождения Божия и поставлять его превыше желаний нашего сердца, дабы из-за нашей небрежности, вызванной оплакиванием одного, не подверглись опасности другие.

Так выходит, что если дети добры, они требуют от нас немалых забот, если же дурны — приносят глубочайшую печаль. И потому сердце отца — это лишь непрестанная тревога и неумолкающая молитва, в коей он вверяет спасение чад истинному Отцу Небесному, полагая свою жизнь в зависимость от их жизни, подобно тому как говорил святой Павел: "Теперь мы живы, когда вы стоите в Господе" (1 Фес. 3:8)».

Таковы слова сего письма — столь прочувствованные и достойные того, чтобы запечатлеть их в наших сердцах. Слова эти ясно свидетельствуют о том духе и ревности к спасению душ, что отличали сего слугу Божия, столь глубоко сокрушавшегося об их падениях.

4. О любви, которую должно питать к ближним и являть им, и о том, какой была сия любовь у нашего проповедника

Сей муж подражал Апостолу не только в описанном выше сострадании, но и в ином качестве, которое премного служит назиданию ближних: в той нежной любви, которую святой Павел питал к своим чадам и неизменно им обнаруживал. Этою любовью он похищал и пленял их сердца, располагая к приятию и почитанию учения, исходившего от человека столь любимого; ибо когда сам проповедник мил сердцу, то и слова его становятся любезны. Эту любовь Апостол являет во всех своих посланиях. Так, обращаясь к фессалоникийцам, он пишет: «Мы... были тихи среди вас, подобно кормилице, которая нежно заботится о детях своих. Так мы, из усердия к вам, хотели передать вам не только благовествование Божие, но и души наши, потому что вы стали нам любезны» (1 Фес. 2:7–8). И в другом послании к верным города Филиппы, воспламененный тем же чувством, он заключает: «Итак, братия мои возлюбленные и вожделенные, радость и венец мой, стойте так в Господе, возлюбленные» (Флп. 4:1). А коринфянам, после того как из его святых уст изошли драгоценные жемчужины поучений, он в конце говорит: «Уста наши отверсты к вам, Коринфяне, сердце наше расширено. Вам не тесно в нас; но в сердцах ваших тесно» (2 Кор. 6:11–12). Этими словами сей божественный ревнитель в святом негодовании сетует на то, что чада не отвечают любовью на величие его любви к ним; ибо в то время как все они просторно вмещались в его сердце, сам он не находил места в сердцах их. И во многих иных местах своих посланий, а более всего в их началах, сей благоразумный служитель Евангелия стремится расположить сердца верных к своей личности, дабы тем самым расположить их и к своему учению.

Поскольку сия приманка любви служит столь верным средством уловлять души, не могло статься, чтобы наш ловец, столь ревностный подражатель Апостола, не владел бы этой самою приманкой. Вкратце же скажу: затрудняюсь решить, чем он приобрел больше душ для Христа — словами ли своего учения или же величием милосердия и любви, подтверждаемых добрыми делами, кои он являл каждому. Ибо он так любил всех и так снисходил к нуждам каждого, словно был отцом всему миру, «для всех сделавшись всем», дабы спасти хотя бы некоторых (ср. 1 Кор. 9:22). Он утешал скорбящих, укреплял немощных, ободрял сильных, помогал искушаемым, наставлял невежд, пробуждал ленивых и стремился поднять падших — и всё сие делал не суровым словом, но любовным, не во гневе, но «в духе кротости» (Гал. 6:1), как и советует Апостол. Любую нужду ближних он принимал как свою собственную, глубоко ей

сопереживая и ища всякое возможное средство для помощи. К сему добавлялось исключительное смирение и кротость — те две добродетели, что делают человека наиболее достойным любви. А что превыше всего: он столь совершенно властвовал над гневом, что никто никогда не видел его сердитым, какие бы обстоятельства ни случались. Скорбным — да, при виде чужих бед, ибо он радовался с радующимися и плакал с плачущими (ср. Рим. 12:15).

Свою любовь и милосердие ко всем людям сей слуга Божий обнаруживает уже в самых зачинах своих писем: он свидетельствует о том, как любит тех, кому пишет, как помнит о них, как жаждет их преуспевания и с каким тщанием вверяет их Господу. Стяжал же он это не по правилам риториков, кои велят поступать так ради убеждения слушателей, но научился тому от духа милосердия, согревавшего его сердце; сей дух и высекал искры любви, ибо от избытка сердца говорят уста (ср. Мф. 12:34). В этом он также подражал учителю своему, святому Павлу, который, как мы уже говорили, неизменно открывал свои послания подобным образом. Ибо Дух Святой, научивший Апостола открывать послания словами любви и молитвенного памятования о братьях, наставил и сего его подражателя и ученика поступать так же (ср. Рим. 1:8–9; Флп. 1:3–4). В итоге сей Божий слуга являл всем — присутствующим устно, а отсутствующим письменно — ту глубокую любовь, которою был преисполнен. Близко же знавшие его были столь убеждены в этом, что каждый мнил себя его доверенным другом или же единственным любимцем. Ибо он любил всех так, словно для каждого имел отдельное сердце. Сие свойственно лишь той любви, что зиждется на Боге; ибо любовь корыстная угасает вместе с выгодой, любовь же ради Бога, стремящаяся лишь к исполнению Его воли, пребывает неизменной, пока жива сама воля Божия.

Сими свидетельствами и делами любви он располагал к себе души тех, с кем общался. Подобно тому как ничто так не усиливает пламя, как иной огонь, так и любовь сильнее всего пробуждается ответною любовью. Полюбив же проповедника всем сердцем, люди проникались любовью и ко всякому его слову и делу, и с сим чувством читали его письма. Тот, кто получал от него весточку, дорожил ею более великого сокровища. Так сей мудрый слуга сперва любовью размягчал воск людских сердец, а затем словом Божиим налагал на них печать своего учения.

5. О красноречии и языке нашего проповедника

Несмотря на всё сказанное выше, мы ещё не коснулись того, что в проповедническом служении имеет самое прямое значение — а именно познания и красноречия. Одно необходимо для того, чтобы ведать истины, кои должно возвещать, другое — чтобы уметь их изъяснить. И если мы скажем, что сии две способности также дарует любовь, подобно всему, о чём шла речь прежде, то не погрешим против истины. Ибо познанию, в некотором роде, также наставляет нас любовь, на что указывает Апостол в Послании к филиппийцам: «Молюсь о том, чтобы любовь ваша еще более и более возрастала в познании и всяком чувстве, чтобы, познавая лучшее, вы были чисты и непреткновенны» (Флп. 1:9–10). В этих словах мы видим, как Апостол приписывает любви разумение того, что служит нашему спасению.

Однако к добродетели любви я добавлю и то, что сей Божий слуга был наделён особым даром познания и красноречия для исполнения своего чина. Описывая же само его красноречие, я не стану долго медлить; достаточно будет сказать, что те, кто понимает суть истинного витийства, встретят его в творениях сего отца. Ведь сила этой способности состоит не в умножении слов, означающих одно и то же, и не в цветистых метафорах или изысканных речениях. Как говорит один великий наставник сего искусства: «Мужу подобает со всем пылом стремиться к красноречию; если тело его крепко и мужественно, он не станет заботиться о подстриженных ногтях и тщательно уложенных волосах» (ср. Квинтилиан. Наставления оратору, VIII, Prooem. 20). Сие подлинное и основательное красноречие обнаруживается во

многих трудах сего отца, а более всего — в его письмах. В них он то утешает скорбящих, то укрепляет малодушных, то увещевает терпеть ради Бога невзгоды, то склоняет души к презрению мира сего, к сокрушению о грехах, к полному упованию на Господа и к иным подобным добродетелям. Сила его доводов и обилие примеров из Священного Писания столь велики, что слова его неизменно даруют душе утешение, крепость и полную уверенность в истине его речей.

В подтверждение слов моих я не стану множить обещаний, но укажу читателю на второе письмо из первого тома его «Эпистолярия», в коем он призывает проповедника ни во что не ставить гонения нечестивцев.

Сии истины он доказывает доводами столь неоспоримыми, что ими можно было бы убедить и самое каменное сердце. В чем же ином и состоит венец истинного красноречия? Как цель врачевания — исцелять, так цель красноречия — убеждать. Отсюда следует: как тот врач почитается лучшим, кто исцеляет больше больных, так и тот вития более искусен, чье слово действует с наибольшей силой. Те же, кто тщится достичь сего одними лишь речами, лишенными опоры на разумные доводы, подобны деревьям, густо покрытым листвой и цветами, но не приносящим плода; такие речи могут усладить слух, но никогда не тронут сердца.

Не был сей отец обделен и тем искусством слова, коим облакаются мысли, хотя сие и почитается лишь малой частью красноречия. В подтверждение сошлюсь на пример Демосфена, первого из греческих ораторов. Его превозносят за то, что речи его, сколь бы тщательно ни были они обдуманы, не являли и тени искусственности; язык его был столь точен и естественен, что казалось, будто говорит сама природа. Именно такой слог — чуждый всякого притворства и ухищрений — служит проповеднику верным средством для изъяснения мыслей и покорения сердец. Если же наш отец и прибегал порой к метафорам, то черпал их из самой сути предмета, а не заимствовал извне. Ибо проповедники, поступающие иначе и стремящиеся выказать лишь изящество слога, пусть знают: труд их принесет мало плода. Слушатели рассудительные тотчас поймут, что говорящий любит себя и услаждается собственным велеречием, желая скорее прослыть искусным оратором, нежели послужить спасению ближних. И чем изысканнее будет его слог, тем меньше пользы он принесет, ибо истинно речение риторов: *iacent sensus in oratione, in qua verba laudantur* — смысл речи замирает там, где превозносят одни лишь слова. Внимая красоте выражений, люди теряют из виду суть сказанного, ибо смотрят не на то, *что* им говорят, а на то, *как* это делают.

Подобные проповедники достигают лишь того, к чему стремятся сами: услаждают слух, но не уязвляют сердца, ища похвалы народной более, нежели славы Христовой. Тот же, кто желает быть верен Спасителю и зависит не от мнения пристрастных судей, но от свидетельства Бога и собственной совести, пусть ищет слога, подобного языку сего отца — свободного от суетного любопытства, тщеславия и искусственности. Тогда здравые доводы совершат более, нежели изящные и отточенные словеса.

Тот же, кто пожелает встретить в его писаниях образцы высокого красноречия, пусть обратится к 32-й главе труда «Audi, Filia» (Внемли, дочь), что приложен к сему трактату. Там он увидит, с каким величием автор воспевает милосердие Божие и ту милость, с которою Господь простил царя Езекию, отменив уже объявленный ему приговор (ср. 4 Цар. 20). Пусть прочтет он и 68-ю главу той же книги, где толкуется стих из Песни Песней: «Пойдите и посмотрите, дочери Сионские, на царя Соломона в венце, которым увенчала его мать его...» (Песн. 3:11). Читатель не найдет более совершенного слова, нежели явленное там; рождено же оно не школьными правилами, хоть им и вполне сообразно, но любовью и глубочайшим состраданием, коими был преисполнен сей ревнитель Христов. Ибо всякому глубокому волнению души свойственно

наделять человека даром слова, а более всего — любви и скорби. Из сих двух источников и родилось вдохновенное красноречие тех глав, где перо начертало лишь то, что диктовали любовь и скорбь — или, вернее сказать, сам Дух Святой.

Глава III. Об особом просвещении и ведении, ниспосланных сему слуге Божию

До сих пор мы рассуждали о красноречии нашего проповедника; ныне же настало время коснуться того, что имеет еще большую важность — познания и особого духовного света, дарованных ему Господом для сего служения. И хотя мы не имеем о том явного свидетельства Свыше, мы можем судить об этом по явным признакам и примерам.

Первый из них — это дивные и превосходящие всякое описание плоды, кои приносили его проповеди в большей части Андалусии: он избавил множество душ от греха и многих побудил пременить жизнь к лучшему (о чем подробнее будет сказано далее). Подобно тому как слово Божие не возвращается к Нему тщетным, но благоуспешно совершает всё, ради чего было послано (ср. Ис. 55:11), так и слова сего слуги, имевшие столь преобразующее действие, несомненно были вдохновлены Самим Богом.

Но обратимся к иному, еще более вескому свидетельству этого благодатного дара — к той легкости и быстроте, с коими он готовил свои проповеди и писал письма. Сам он признавался мне, что для подготовки к проповеди ему бывало довольно ночи накануне. И хотя речи его были чрезвычайно глубоки и собирали невероятное множество слушателей, а длились порой по два часа, на их обдумывание у него уходила лишь одна ночь. Выходило так, что на само произнесение проповеди тратилось больше времени, нежели на ее подготовку, в то время как другим проповедникам требовались на то недели труда и часы за чтением книг. Но подобно тому, как о великом Антонии говорили, что память заменяла ему книги, так и наш отец носил в своем сердце свет Духа Святого, научившего его всему, что должно было сказать. В то же время, когда он решал сделать свои проповеди короче, он признавался, что для этого ему требовалось больше стараний. Из сего мы понимаем, сколь велико было богатство и обилие мыслей, кои благой Дух предлагал его уму: труд его состоял не в том, чтобы найти, что сказать, но в том, чтобы отобрать и сократить притекавшее к нему.

О силе его проповедей, как я уже обещал, мы поговорим впереди; теперь же обратимся к его письмам, в коих он был не менее дивен, нежели в речах.

1. О высоком достоинстве его писем

Как мы упоминали в самом начале, сей слуга Божий положил в сердце своем исполнить завет Апостола: «Будьте подражателями мне, как я Христу» (1 Кор. 11:1). Видя, что святой Павел стремился привести всех ко Христу не только живым словом в присутствии, но и письмами в отсутствии, сей смиренный его ученик и последователь прибегал к обоим сим средствам, дабы и вблизи, и вдали неизменно служить единому делу. Среди всех проповедников своего времени он один столь отличался усердием в этом деле, написав множество писем по самым разным поводам, которые ныне, как мы можем видеть, изданы. Сам он и помыслить не мог, что они увидят свет; то совершилось лишь благодаря стараниям его преданных учеников, собиравших их по разным краям. Будучи весь охвачен желанием спасти души, он посвящал себя этому во всякое время и на всяком месте: в доме и вне его, в публичных проповедях и в тайном писании.

В этих письмах мы воочию видим то особое дарование и благодать, коими наделил его Господь. Несмотря на великое множество и разнообразие предметов, о коих он писал, откликаясь на всякую нужду, он вникал в каждый случай столь глубоко, словно лишь им одним и был занят. Он утешает скорбящих, ободряет слабых, пробуждает равнодушных,

укрепляет малодушных, помогает искушаемым, оплакивает падших и смиряет горделивых. Достоинно изумления то, как он разоблачает хитрости и засады врага, какие дает предостережения против него и на какие указывает признаки, дабы человек мог распознать свое преуспеяние или же ослабление в духе. С какою силою он сокрушает притязания естества и возвышает действие благодати! Какими словами обличает он суету мира сего, злобу греха и опасности земной жизни! И сколь неустанно он призывает нас к упованию на отеческий Промысл Божий, на заступничество Христово и кровь Его.

Поскольку истинно слово Апостола о том, что всё Писание служит нашему научению, дабы терпением и утешением, кои оно нам дарует, укреплялось наше упование (ср. Рим. 15:4), достойно внимания то, сколь великую силу имеют слова сего отца, понуждая нас к терпению в трудах и принося отраду и утешение душам скорбящим. В этом он достиг такого совершенства, что мог бы в некотором роде повторить вслед за пророком: «Господь Бог дал Мне язык мудрых, чтобы Я мог словом подкреплять изнемогающего» (Ис. 50:4).

Не ограничиваясь сим, он, подобно Апостолу, также дает наставления людям всякого звания. Он указывает владетельным господам, как должно им исполнять обязанности своего сословия; дает советы священникам, дабы те с достоинством совершали Таинства, и проповедникам — дабы те проповедовали плодотворно; увещевает дев, уневестившихся Христу, со всяким тщанием хранить сокровище своей чистоты; и так же наставляет всех прочих. Душа сего отца уподоблялась духовной аптекарнице, в коей Дух Святой уготовал все необходимые лекарства для исцеления множества недугов, коими страдают наши души — а их, несомненно, гораздо больше, нежели болезней телесных.

И хотя сказанное выше само по себе примечательно, признаюсь, что по немощи моей меня еще более изумляет та легкость и быстрота, с коими писались сии письма. Ибо при всей их глубине и стройности доводов, коими они способны убедить читателя, автор создавал их столь непринужденно, что, не имея из-за множества дел времени для правки, отправлял их тотчас, как они выходили из-под его руки. Мужу проникательного ума, желая написать нечто достойное, многократно возвращаются к написанному, читая и перечитывая, убавляя и прибавляя, взвешивая каждое слово. От сего труда не был свободен и Демосфен, наставник красноречия, о коем говорили, что речи его «пахнут светильником». Но нашему отцу, при всем совершенстве его писем, они не стоили иных усилий, кроме тех, что требует движение пера. Посему и он мог бы на свой лад повторить слова пророка Давида: «Язык мой — трость скорописца» (Пс. 44:2). Сказано же это потому, что он, подобно пророкам, писавшим по вдохновению Духа Святого, не медлил в раздумьях и не взвешивал слова, но, будучи Его орудием, отверзал уста, а Господь направлял его язык по Своему изволению. Сие являет нам и слуга Божий, в чьих писаниях вдохновенный поток мыслей изливался невероятно изобильно и легко.

В этих же письмах должно приметить и то, что многие из них обращены к великим господам, иные — к особам среднего достатка, но есть и такие, что написаны простым и смиренным людям. К последним он обращался с такою же любовью, подолгу и обстоятельно разясняя всё необходимое, ибо почитал себя, вслед за Апостолом, «должником и мудрецам, и невеждам» (Рим. 1:14). И если людям просвещенным и благоразумным свойственно искать беседы с равными себе, избегая людей низкого звания и грубого ума, то сей слуга Божий писал им столь же ревностно и пространно, как и знатым особам. Ибо в людях он видел одного лишь Христа, искупившего их Своею кровью; в этом он находил истинное благородство, пред коим всякое земное величие — ничто.

Завершая же сие рассуждение, скажу: всякий муж рассудительный, кто прочтет эти письма и приметит всё нами указанное, а именно разнообразие предметов, высоту суждений, силу

доводов и свидетельства Писания, коими они подкреплены, а наипаче легкость и быстроту, с коими они писались, тотчас уразумеет, что здесь действовал перст Божий.

И что более всего изумляет нас: сей дар и благодать проявлялись не только в делах духовных, кои он познал на опыте, но и в том, что относится к благому правлению христианского общества. Сие явственно открывается в пространном письме к ассистенту Севильи¹, в коем он дает столько наставлений и правил для доброго управления городом, словно всю жизнь только и занимался делами общественными. Если бы правила те соблюдались, мы имели бы общество более благоустроенное, нежели то, что описал Платон. И пусть никто не дивится сему, ибо о духе, коим обладал сей отец, сказано, что он *unicus et multiplex* — то есть, будучи прост, многообразен, ибо по своей чистоте и тонкости всё проникает и понимает (ср. Прем. 7:22). Должно верить, что таковое дарование и знание он стяжал чрез утреннюю молитву, о коей мы скажем далее. Так видим мы исполнившимся на нем речение Книги Сираховой: «Сердце свое он направит к тому, чтобы с раннего утра обращаться к Господу, сотворившему его... и будет молиться о грехах своих». И тотчас добавляется плод сей молитвы: «Если Господу великому угодно будет, он исполнится духа разума, будет источать слова мудрости своей и в молитве славить Господа» (Сир. 39:6–7).

Мы же, ныне живущие, видим исполнение этих слов и милостей Божиих: при жизни его мы внимали его учению, ныне же беспредельно радостна и сладостна память о нем, хранимая сердцами тех, кто обрел пользу от его слов тогда и обретает или обретет ее впредь, читая его писания.

¹ Должность ассистента Севильи (*Asistente de Sevilla*) в Испании XVI века была крайне высокой и ответственной. Он назначался лично монархом и обладал всей полнотой исполнительной и судебной власти в Севилье и её округе. По статусу он был равен коррегидору в других городах, но в Севилье (которая была экономическим центром империи и «воротами в Индию») эта должность была уникальной и более престижной. Ассистент председательствовал в городском совете (*cabildo*), следил за правопорядком, снабжением продовольствием, состоянием тюрем и общественными работами.

2. О высоте его помышлений

Помимо уже упомянутых свидетельств, есть и иное, еще более веское и достойное внимания — необычайная высота его помышлений о добродетелях и всем строе духовной жизни. Один выдающийся богослов, читавший его труды, изумлялся тому, сколь глубоко сей муж Божий постиг самое существо христианского призвания. Размышляя о причине сего, я нахожу, что жизнь столь возвышенная и столь отличная от обычного пути иных добродетельных людей необходимо требует столь же высоких помышлений о предметах божественных; ибо должно быть соответствию между добродетелью и тем порывом ума, от которого она происходит. Подобно тому как образ, начертанный живописцем, сообразуется с формою, прежде зародившейся в его воображении, так и внешние дела проистекают из внутреннего прообраза как из своей первопричины.

Для уразумения сего, что для нас крайне важно, необходимо привести здесь некоторые его мысли, извлеченные из его же писаний, и особенно из писем, в коих открывается его подлинное чувство этих вещей. Сие, на мой взгляд, и есть один из драгоценнейших плодов, кои можно стяжать из этого жизнеописания — если только стремящийся к совершенству положит труд усвоить те же понятия и суждения о духовной жизни, коими обладал сей муж Божий. Посему пусть читатель-христианин не сетует на то, что я несколько

задержусь на этом месте, включая сюда пространные выдержки из его писем; ведь помимо указанной пользы, сии наставления сами по себе содержат мысли, в высшей степени достойные прочтения.

Для уразумения сего должно прежде всего принять, что одна из главнейших частей христианского любомудрия состоит в умении верно ценить и взвешивать достоинство каждого духовного предмета. Должно полагать их не на весы ханаанские (ср. Ос. 12:7), то есть на ложный суд людей мирских, кои называют добро злом, а зло добром, но на весы святилища, кои суть суд Божий и Его святых. Они воздают каждой вещи ее истинную меру, а согласно ей — и меру любви. Сею благодатью хвалится Невеста в Песни Песней, говоря, что Жених «устроил в ней любовь» (ср. Песн. 2:4); это значит, что Он научил ее соблюдать порядок в чувствах, дабы она любила каждую вещь в ту меру, в какой та того достойна. Сие знание столь важно для стяжания добродетели, что и Сенека вопрошал: «Что столь же необходимо, как полагать цену каждой вещи?» («*Quid est enim tam necessarium quam pretia rebus imponere?*»), *De Beneficiis*, III, 15, 3.

Возвращаясь же к нашему предмету, скажу: одно из величайших свидетельств особого просвещения от Духа Святого, коего удостоился сей слуга Божий, — это высота его помышлений и суждений как о добродетелях, так и о всем духовном строе. Мы увидим это со всей ясностью, если обратимся к некоторым его мыслям, изложенным теми самыми словами, кои мы встречаем в его писаниях и кои приведем далее.

3. О том, как он воспринимал проповедническое служение

Начнем же с того, сколь высоко он ценил проповедническое служение и каково было его понимание сего чина. Об этом можно судить по первому письму из первого тома его «Эпистолярия». В нем открывается то благоговение, коим он был преисполнен пред величием этого звания, а также его поучения о чистоте намерения, молитвах и слезах, коими проповедник должен предварять свой труд, испрашивая у Господа обращения душ и полагаясь на сии молитвы более, нежели на собственные слова. Там же говорится о заботе, трудах и терпении, необходимых для того, чтобы возвращать и оберегать духовных чад, рожденных семенем слова Божия, и о глубочайшей сердечной боли, которую должно испытывать при виде их падения. Всякий, кто прочтет и приметит содержание сего письма, увидит, сколь далеки от этого духа многие из тех, кто ныне несет сие служение. Ибо хотя они, готовясь взойти на кафедру, и творят молитву об успехе своего дела, одному Богу ведомо, от какого духа она исходит: от самолюбия ли и человекоугодия или же от любви к Богу и жажды спасения ближних. Самолюбие, таящееся в нашей груди, столь тонко, что проникает во всё, и столь скрытно, что едва ли кто его распознает; оно часто лжет и обманывает самого человека, как говорит св. Григорий Великий (cf, *Regula Pastoralis*, I, 9).

Проповедник, желающий до самого корня постичь высоту сего чина, служащего спасению душ, ради коего Бог сотворил мир, Сам вочеловечился и принял смерть, и коим Сам занимался, пребывая на земле, пусть прочтет это первое письмо и вникнет в него. В нем он найдет истинное суждение об этом высоком служении, наместником и своего рода преемником коего в земном делании выступает проповедник. Истинно: сие письмо в высшей степени достойно прочтения.

4. О том, как он разумел достоинство священнического сана

Перейдем теперь от достоинства проповедника к достоинству священника, и мы увидим, насколько возвышеннее обычных людей сей отец понимал священство и сколь глубокое благоговение к нему питал. Он весьма ясно изложил это в седьмом письме того же тома,

отвечая юноше, который просил совета, должно ли ему принимать священный сан. Вот слова, кои я счел нужным привести здесь:

«В прежние времена, когда священство почитали в ту высокую меру, которой оно заслуживает, никто не принимал его, разве только ради епископства, или попечения о душах, или если был человеком выдающимся в проповеди слова Божия. Прочие же церковнослужители довольствовались званием диакона, субдиакона или иными низшими степенями. И тогда, имея степени низшие, они вели жизнь высочайшую. Ныне же всё обернулось иначе: те, кто облечен высшим саном священства, не ведут жизни, достойной хотя бы добрых чтецов или остиариев. Верьте мне, брате, что не кто иной, как диавол, внушил людям нынешнего времени столь дерзновенную гордыню так безрассудно домогаться священства, дабы, возведя их на самую вершину храма, оттуда и низвергнуть. Ибо учение Христово велит не стремиться к достоинствам, но вести жизнь, их достойную; подобает искать святого и безопасного смирения, пребывая в малом звании, нежели возноситься ввысь, где свирепствуют самые сильные ветры.

О, если бы вы знали, брате, каков должен быть на земле священник и какой отчет с него взыщут, когда он отойдет отсюда! Невозможно выразить словами ту святость, что требуется для исполнения чина, призванного отверзать и затворять небеса словом; когда по сему призыву является Сам Творец всяческих, а человек становится ходатаем за всю вселенную, уподобляясь нашему Учителю и Искупителю Иисусу Христу на кресте. Брате, зачем желаете вы входить в столь бездонную пучину и обременять себя строгим ответом в день последний? Ведь при самом малом звании та ноша покажется вам тогда нестерпимой — что же будет, если вы возложите на себя бремя, пред коим затрепетали бы плечи самих ангелов?

Ищите такого образа жизни, который бы вернее послужил вашему спасению, а не того, что доставит вам больше чести в людском мнении. В конечном счете сей совет покажется верным и вам, и всем тем, кто ныне говорит вам обратное. Они же, не ведая, что значит быть священником, и взирая не на грядущий ответ пред Богом, а лишь на то, как бы их брат, кузен или друг стяжал толику мирской славы, влекут беднягу в сии пугающие сети. Им кажется, что сами они остаются в безопасности, а тот пусть уж сам разбирается в своих делах с Богом. Поверьте, брате, сей совет — плод чисто плотского мудрования. Оттого многие и решаются сами или понуждают других принимать сей пресвятой чин лишь ради того, чтобы иметь пропитание, уверяя себя притом, будто желают служить Господу. О, какое великое заблуждение: благовествовать и приносить Жертву ради куска хлеба, свершать небесное ради земного и стяжать хлеб духовный — ради насыщения чрева! На сие жалуются Искупитель наш Иисус Христос, говоря, что Его ищут не ради Него Самого, а ради собственного чрева (ср. Ин. 6:26); и Он покарает таковых как презирающих Божественное Величие. Поистине, лучше было бы обучиться какому-нибудь ремеслу, как поступали многие древние святые, или пойти в больницу служить немощным, или стать слугою при каком-либо священнике и тем кормиться, нежели с безрассудною дерзостью попить ради земного прибýtка, когда Господь и Бог наш заповедал нам обратное.

Вот, брате, что я советую вам исполнить, если желаете угодить Богу и пребыть в Его святом служении. Таково мое понимание святого священства; мне бы хотелось, чтобы вы скорее благоговели пред ним издали, нежели посягали на близость с ним; и чтобы сан сей был для вас скорее госпожою, коей служат, нежели супругою, коей обладают. Если же решитесь на что-либо, то примите чин субдиакона, а через два или три года — диакона, и на том остановитесь, пока не явятся неоспоримые знамения от Духа Святого, что Богу угодно возвести вас на высшую ступень. Вам весьма хорошо там, где вы находитесь ныне, не имея ни гроша дохода; сие много лучше, нежели пребывать в Риме со всем его богатством, коим вас туда заманивают. Умейте зреть достоинство тех недужных, коим вы служите, учитесь сносить нравы тех, с кем

имеете дело, и почитайте сие за училище терпения, смирения и любви — и вы выйдете оттуда более богатым, нежели со всем тем, что мог бы даровать вам сам Папа».

На сем оканчиваются слова письма; в них со всею очевидностью открывается, сколь отличалось понимание и почитание священнического достоинства сего отца от того, как понимают его люди ныне. Последние без зазрения совести и без должного приуготовления домогаются сего сана, словно некоего ремесла, ища в нем скорее пропитания для тела, нежели врачевства для души. А каков вход в сие святилище, таково и благоговение, с коим в нем пребывают.

Кому-то, быть может, сие суждение покажется чрезмерно суровым, если мерить его обычаями нынешних времен; однако сей отец взвешивает всё на упомянутых нами весах святилища (ср. Лев. 27:25) — то есть сообразно тому почитанию сего сана, коим отличались древние святые. Их суждениями он и руководствовался, а не тем, что внушает злоба или изменчивость времен. Святой Киприан в одном из своих посланий возвестил народу, что поставил некоего юношу чтецом за то, что тот явил великое твердодушие в исповедании веры посреди истязаний; при этом святитель оправдывался в том, что не испросил на то совета общины, как было принято, говоря, что не надобно свидетельства и одобрения человеческого там, где имело место свидетельство Божие.

И если для возведения в чин чтеца, что есть одна из низших степеней, требовалось такое рассмотрение, то каково же оно должно быть для достоинства священника? Ведь от него уклонился евангелист Марк, его страшился славный отец наш св. Франциск, а св. Августин принял его не по своей воле, но понуждаемый послушанием своему епископу. На суждения таких мужей и полагался сей отец, а не на мнения и нравы нынешнего века.

5. О приуготовлении к совершению Таинства

Узрев, сколь возвышенно сей слуга Божий разумел священническое достоинство, последуем далее, дабы узнать его помышления о приуготовлении к совершению Таинства. По сему мы уразумеем и то, как он сам приуготовлял себя к этому служению; ибо несомненно, что такой муж не стал бы учить других тому, чего не исполнял бы сам; напротив, должно верить, что в собственных делах он далеко превосходил то, что советовал ближним. Сие рассуждение неотделимо от истории добродетелей и жизни сего досточтимого отца, о коем мы повествуем; посему в тех самых словах, коими он наставлял других, мы увидим и то правило, коего держался сам. В этом примере священники, исполненные страха Божия, узрят образ того, как подобает им приуготовляться к совершению Мессы. В седьмом письме первого тома своего «Эпистолярия» он, среди прочего, поучает одного священника о приуготовлении к литургии следующими словами:

«Пусть первым правилом будет для вас следующее: когда вы пробуждаетесь ночью от сна, представьте, будто слышите вы голос: "Се, Жених грядет, выходите навстречу Ему" (ср. Мф. 25:6). И если ожидание друга, а наипаче знатного господина, держит человека в трепетном внимании, то кольми паче должно всему сердцу нашему быть занятым тем Посетителем, Коего мы имеем принять в день оный? Ибо Он столь велик и столь близок нам, что Ему поклоняются ангелы, и Он же — Брат наш. С сим помышлением прочтите положенные Часы, а затем предайтесь покою, по меньшей мере на час или полтора, дабы глубже поразмыслить о том, Кого вы имеете принять. Ужаснитесь тому, что зловонный червь дерзает столь просто и близко общаться с самим Богом, и вопрошайте Его: "Господи, кто привел Тебя в руки такого грешника? Кто вновь привел Тебя в вертеп и ясли Вифлеемские?" Вспомните святого Петра, который почел себя недостойным пребывать в одной лодке с Господом (ср. Лк. 5:8); вспомните сотника, не дерзнувшего впустить Его в дом свой (ср. Мф. 8:8) и подобные им примеры, коими

вы научитесь трепетать пред сим страшным часом и делом и благоговеть пред несравненным Величеством. Помышляйте о том, что сие есть отображение жизни и смерти Спасителя, а также того делания, когда Отец Вечный послал Сына Своего во чрево Девы ради спасения мира. Так и ныне Он приходит, дабы преподать нам врачевство и богатства, кои стяжал для нас на кресте. Затем молитесь Пречистую Деву — ради той радости, что была Ей в Благовещении, — да испросит Она вам благодать достойно принять Господа и обращаться с Тем, Кого Она носила во чреве Своем. По окончании же Литургии пребывайте в уединении полчаса или час, благодаря Господа за столь великую милость — за то, что Он пожелал войти в столь недостойное стойло. Просите у Него прощения за скудное ваше приуготовление и молитесь о новых милостях, ибо Он часто дарует благодать на благодать (ср. Ин. 1:16)».

На сем оканчиваются слова первого письма; однако в другом послании, предшествующем сему, он продолжает ту же тему, наставляя священника о самом образе приуготовления. Так, он говорит: прежде всего подобает обратить взор души на то, что Господь, с Коем мы вступаем в общение, есть Бог, и вместе с тем помышлять о причине, ради коей Он нисходит к алтарю. Истинно, отче, нет более действенного средства пробудить душу, нежели сие искреннее размышление: «Се, иду я совершить Таинство, дабы держать Бога в руках своих, беседовать с Ним и принять Его в сердце свое». Вникнем в это; и если сие чувствуется в духе Господнем, то того довольно и преизбыточно, дабы восполнить всё, в чем мы нуждаемся, и по немощи нашей исполнить долг сего служения. Кто не воспламенится любовью, помыслив: «Иду принять Благо Бесконечное»? Кто не вострепещет в любовном благоговении пред Тем, пред Кем трепещут Силы небесные, боясь не то чтобы оскорбить Его, но просто от дерзновения молвить слово Ему и служить? Кто не смутится и не вздохнет о том, что оскорбил Господа, Коего ныне зрит пред собою? Кто не обретет надежды при таком залоге? Кто не укрепитя в покаянном странствии по сей пустыне при таком напутствии? Наконец, когда в сем размышлении действует рука Божия, оно всецело пременяет и поглощает человека, восхищая его из самого себя — то благоговением, то любовью, то иными сильнейшими чувствами, рожденными от осознания Его присутствия. И хотя чувства сии не всегда необходимо следуют за размышлением, они служат нам крепчайшим подспорьем, если только человек не желает уподобиться камню. Посему уединитесь в сердце своем и откройте его для принятия того, что обычно нисходит вслед за подобным озарением. И молитесь Самого Господа, дабы по той же самой благости, по коей Он удостоил вас милости возлечь в ваши руки, даровал Он вам и разумение, чтобы уметь ценить Его, благоговеть пред Ним и любить Его, как подобает.

И далее он пишет:

«О, отче, что чувствует душа, когда видит, что держит в руках Своих Того же Самого, Кого держала Пречистая Дева, избранная и обогащенная небесными дарами ради служения вочеловечившемуся Богу! И когда священник сравнивает Ее руки и очи со своими собственными — какое смятение охватывает его! Каким должником почитает он себя за такое благодеяние! С каким тщанием должен он хранить всего себя для Того, Кто столь высоко почтил его, вверяясь его рукам и являясь в них по словам освящения! Сие, отче — не сухие слова и не мертвые раздумья, но стрелы, пущенные из могучего лука Божия; они уязвляют и преображают сердце, пробуждая в человеке желание по окончании Литургии погрузиться в размышление над словами Господа: «Знаете ли, что Я сделал вам?» (ср. Ин. 13:12). О, отче, если бы кто ведал, что сотворил нам Господь в сей час! Если бы кто ощутил сию сладость в самой глубине сердца! Если бы имел кто весы неложные, дабы взвесить это! Сколь блажен был бы он на земле! И как по окончании Мессы стало бы ему тошно взирать на земные творения и мучительно общаться с ними, и единственным отдохновением его было бы помышление о том, что сотворил ему Господь, и так до самого следующего дня, когда вновь предстоит ему совершать Таинство!

Завершим же сию столь душеполезную беседу, достойную того, чтобы следовать ей в делах и хранить её в сердце. Будем просить Господа, дабы Он к одной милости приложил и другую; ибо Его дары не послужат нам во благо, если мы не будем их ценить, благодарить за них и отвечать на них своим служением. Напротив, как говорит св. Бернард, неблагодарный становится тем хуже, чем более благоденствует (ср. Бернард Клервоский. Письма, 151). Будем же весь день следить за тем, как мы живем, дабы Господь не покарал нас в те мгновения, когда мы стоим у алтаря. Пусть на протяжении всего дня нас сопровождает мысль: "Я принял Господа, я восседал за Его трапезой, и завтра я вновь буду с Ним". С этим помышлением мы избежим всякого зла и укрепимся в добре».

На сем оканчиваются слова письма. Они являют нам, с одной стороны, то, как сей муж Божий разумел приуготовление к столь высокому Таинству, а с другой — дают нам повод для слез, когда мы видим, сколь иначе приуготовляется ныне большая часть священников. И если по причине небрежения и недостатка благоговения, как говорит Апостол, Бог наказывал верных в Коринфе немощами и смертью (ср. 1 Кор. 11:30), то не стоит удивляться, что за тот же грех Он ныне бичует христианский народ столь многими казнями. Ибо те, чье служение — умиловлять Бога и приносить жертвы за грехи народа, сами ныне живут так, что нуждаются в заступнике, который испросил бы милости Господней для них самих. Так исполняется угроза, изреченная Богом чрез пророка: «Искал Я у них человека, который поставил бы стену и стал бы предо Мною в проломе за сию землю, чтобы Я не погубил ее, но не нашел. И потому излил на них негодование Мое» (ср. Иез. 22:30–31).

6. О любви к Богу

Поскольку цель сего жизнеописания, равно как и всякого церковного писания, — побуждать людей к отвращению от пороков и стяжанию добродетелей, приступим теперь к рассмотрению некоторых из них. Мы раскроем те помышления, что питал о них сей слуга Божий, ибо он ценил добродетели куда глубже, нежели обычные люди. Мы говорим об этом не только ради того, чтобы уразуметь суждения сего отца, но дабы подражать ему, стремясь понять все так, как понимал он.

Он утверждает, что в любви заключается полнота всего закона (ср. Рим. 13:10). И дабы исполнить то, чего требует от нас сия добродетель, сей отец в книге «Audi, Filia» (Внемли, дочь) предлагает нам два размышления: одно из них возникает, когда человек взирает на самого себя (ср. гл. 94), а другое — когда он взирает на Христа.

Первое размышление основывается на слове Книги Сираховой: «По тому, что чувствуешь сам, суди о том, что должно делать ближнему» (ср. Сир. 31:18). Исходя из того, что испытывает человек сам — как в ощущении скорбей своих, так и в желании избавления от них, — да научится он понимать и чувства ближнего своего, ибо тот одной с ним природы. С тем же состраданием, с коим он взирает на себя и чает себе помощи, подобает ему взирать и на другого, помогая ему и терпя его немощи. Ибо что может быть более мерзко, нежели желать милости к своим прегрешениям и мщения за чужие? Что может быть недостойнее, чем требовать от всех безграничного терпения к своим проступкам, почитая их ничтожными, и притом не желать простить никого, превращая малую соринку в глазу ближнего в огромное бревно (ср. Мф. 7:3)? Тот, кто желает, чтобы все заботились о нем и утешали его, оставаясь притом суровым и безучастным к другим, едва ли достоин называться человеком, ибо не взирает на людей очами милосердными.

Писание говорит: «Неодинаковые весы, неодинаковая мера — и то и другое мерзость пред Господом» (ср. Притч. 20:10). Сие сказано в поучение тем, кто держит большую меру для принятия и малую для раздаяния, таковые неуютны пред Божественными очами. И карой им

будет то, что раз они не мерили ближнего милосердием, коего желали себе, то и Бог измерит их той же суровой мерой, какой они мерили других. Ибо иначе услышат они то, что говорит Писание: «Кто затыкает ухо свое от крика бедного, тот и сам будет вопить — и не будет услышан» (ср. Притч. 21:13). Беден же всякий человек, ибо нет никого, кто не имел бы какой-либо нужды; убоимся же стать глухими к нуждам других, дабы и Бог не стал глух к нашим.

Пусть никто не воображает, что Христос измерит его иной мерой, нежели той, которой он сам мерил ближнего своего. Не надейся получить прощение тот, кто не прощает сам. Бездушный встретит немилость, тягостный для других — тяготу, обидчик — поругание, а милосердный — любовь. Ибо невозможно сеять тернии для ближнего и чаять собрать смоквы от Бога (ср. Мф. 7:16). Оттого, что многие не помышляют о сем, мало тех, к кому Бог являет Свою кротость; многие же ропщут, будто Бог забыл об их бедах. Они дивятся, почему Господь посылает им скорби внутренние и внешние, хотя и называют Его Милосердным; они зовут, просят, ищут и не находят избавления, отчего и рождается ропот. Но если бы не были они глухи к закону, что Бог провозгласил в Своем Евангелии: «Какою мерой мерите, такую и вам будут мерить» (ср. Мф. 7:2), то увидели бы они, что это они неверны Богу, а не Бог им. Пусть же пеняют на себя за скудость любви к ближнему; у Бога любви в избытке, но Он не желает являть её тому, кто сам не являет её брату своему.

Вслед за сим побуждением к любви, корень коего во внимании человека к самому себе, он присовокупляет два глубоко христианских размышления, рождающихся в сердечном созерцании Христа; о них он рассуждает в девяносто пятой и девяносто шестой главах упомянутой книги («Audi, Filia»). О первом из этих размышлений он пишет следующее:

«Обратите взор души на Христа и помыслите, с каким милосердием Сын Божий ради любви к людям восприял человеческую плоть, сколь ревностно во все дни земной Своей жизни радел Он об их благе и с какою безмерною любовью и скорбию положил за них жизнь Свою на кресте. И подобно тому как, думая о себе, вы смотрели на ближних очами человеческими, так, думая о Христе, вы станете смотреть на них очами христианскими — то есть тем самым взглядом, коим Он Сам воззрел на вас» (ср. гл. 95).

После сего первого размышления, исходящего из созерцания Христа, он добавляет и второе, не менее дивное, почерпнутое из того же источника:

«Хотя и истинно, что Господь наш, благоволит человеку, не ищет и не желает воздаяния Себе — ибо Он ни в чем не имеет нужды и всё совершает по одной лишь Своей благодати, — однако то воздаяние, коего Он ждет, Он велит обращать на ближних, кои нуждаются в том, чтобы их ценили, любили и поддерживали».

Сие размышление он продолжает в девяносто шестой главе названной книги еще более возвышенно, как мне кажется, нежели предыдущее. К ней я и отсылаю благочестивого читателя; сама же она включена в сей трактат (в изд. 1588 г.), ибо признана нами достойнейшим свидетельством о духе нашего проповедника.

7. О добродетели покаяния и сокрушении о грехах

Вслед за любовью подобает нам рассуждать о сокрушении о грехах, ибо грех есть смерть для самой любви. Подобно тому как тень следует за телом, так и скорбь об оскорблении рождается из любви к Оскорбленному; она возрастает и умалется вместе с нею, ибо чем сильнее человек любит, тем тяжелее ему оттого, что он оскорбил Возлюбленного.

Многое побуждает нас к скорби и отвращению от грехов, но едва ли не главнейшее — это помышление о том, что именно они возвели Сына Божия на крест; ибо если бы не было греха,

не претерпел бы Он того, что претерпел. Дабы уразуметь сие, должно прежде принять, что Отец Вечный по Своей неизреченной благодати и милосердию мог бы исцелить мир многими иными способами, если бы пожелал, но избрал лучший из всех. Он определил, дабы Единородный Сын Его стал нашим Искупителем и совершеннейшим Врачевателем всех наших недугов, величайший из коих состоял в том, что мы пребывали во вражде с Богом (ср. Рим. 5:10).

Ибо первейшим и главным делом сего Искупителя было примирение наше с Его Отцом; примирение же сие должно было совершиться чрез принесение Ему полного удовлетворения по всей строгости правосудия Божия — жертвою Его Страстей за все наши долги. И поскольку грехи наши были тягчайшими — как по причине оскорбления бесконечного Величества, так и по неблагодарности человеческого рода, обязанного Господу за бесчисленные Его благодеяния, — Христос пожелал претерпеть неимоверные муки и поругания, дабы воздаяние сие было преизобильным. На сем основании зиждется и убедительность тех рассуждений, коими блаженный отец увещевал одного вельможу к сокрушению и покаянию в грехах:

«Если Ваша Светлость спросит: "О чем мне помышлять, дабы стяжать дар слез о грехах моих?", — отвечу вам: пусть главным для вас будет то, что за дела ваши предали смерти вашего Отца — Христа. Не знаю я сына, который, совершив некий проступок, стал бы причиною столь великих бед для своего родителя — когда у того отняли бы дом, имение и одежды, оставив нагим в одной лишь сорочке, а после предали бы крайнему поношению и бесчестию, и на том не остановились бы, но подвергли бичеванию, мукам и, наконец, самой смерти, — не знаю я сына, сколь бы дурен он ни был, чье сердце не сжималось бы от боли при мысли о содеянном; ведь он мог бы чрезвычайно легко уклониться от того, что стало причиною стольких страданий его отца.

Скажите мне, отче: кто обрек Христа на нищету? Кто предал Его бесчестию? Кто бичевал Его? Кто венчал Его тернием и распял? Разве сотворил сие кто-либо иной, кроме греха нашего? Это я огорчил и опечалил Его своими постыдными утехами; я обесчестил Его ради ложного собственного возвеличения; те наслаждения, коим я потворствовал плоти своей, стали причиною истязаний Его Тела, привязанного к столпу; и оттого, что я пожелал жить дурной жизнью, Он лишился жизни праведной. Как же можем мы предаваться веселью, когда столь злое дело было совершено против Того, Кто столько добра сотворил нам? Почему бы всей твари не восстать, дабы отомстить за те обиды, кои мы нанесли Творцу (ср. Прем. 5:17)?

Нет бремени более тяжкого, которое можно было бы возложить на наши плечи, дабы понудить нас к слезам и ненависти к греху, нежели весть о том, что Христос претерпел за них такие страдания. Ничто не способно так смирить нас и внушить нам такое презрение к самим себе, как сознание того, что именно мы стали причиною смерти Господа нашего. О, если бы кто уразумел сие прежде, чем впал в грех, — дабы скорее избрать смерть, нежели согрешить!

Мнилось неразумному сыну, будто в делах его нет ничего зазорного; но после грех сей обрел столь великую тяжесть, что Сам Бог взошел на крест, дабы уравновесить её Своим Страданием. Как смеем мы взирать на Отца, Коего своими безумствами обрели на столь лютые муки? И как сей Отец еще желает взирать на нас и не гнушается нами, как бесчестными отцеубийцами, достойными не просто наказания, но самых жестоких терзаний? О Божественная Благодать, до каких пределов Ты простираешься! Мы в благоговейном ужасе зрим, как Ты, вися на кресте, молил за тех, кто Тебя там распял, и желал блага тем, кто причинял Тебе столь великое зло. И я скажу, что Ты явил Свое милосердие не только к ним, но и ко всем людям в мире; ибо если Ты молил за распявших Тебя, то и мы все соучаствуем в сем распятии — и все мы обязаны Тебе той молитвой; быть может, иные из нас даже более, нежели те невежественные стражники, что стояли тогда у Твоего креста. Все мы, Господи, повинны в

Твоей смерти, и ко всем нам относятся слова Твои: «не ведают, что творят» (ср. Лк. 23:34). Кто был бы столь скуден в любви к Тебе, Господи, чтобы сердце его не разорвалось от боли прежде, чем ввергнуть Тебя в столь лютую муку, знай он, какой ценой Твоему Величеству придется платить за его греховные утехи? Прости, Господи, прости, ибо не ведали мы, что творили! И ныне, когда Ты открыл нам сие, научая чрез святую Свою Церковь, что Ты умер за наши грехи, и что за содеянное мною в шутку Ты платишь по-настоящему столь высокую цену, ныне мы, зная об этом, вновь и вновь становимся причиною Твоей крестной муки!

Не подобает нам, Господи, питать любовь к тому, кто умертвил нашего Отца; и раз грехи наши Его убили, надлежит нам ненавидеть их, если мы любим Тебя. Давид говорит: «Любящие Господа, ненавидьте зло» (ср. Пс. 96:10). И он прав, ибо грех и Бог — это враждующие стороны, и невозможно угодить обоим. Пусть же человек выберет, к какому стану он хочет примкнуть, ибо нельзя служить обоим: каждый из них требует верных слуг, готовых умереть за своего господина. Что же мы выберем? Тину ли разбитых водоемов или источник воды живой (ср. Иер. 2:13)? Что выберем: быть ли нам в дружбе с миром или в мире с Богом (ср. Иак. 4:4-5)? Искать ли благоволения тварей или Творца? Гореть ли с бесами в геенне или царствовать с Богом в небесах?

О сыны Адамовы! Доколе сердца ваши будут отягчены (ср. Пс. 4:3)? Бог зовет вас к истине, что пребывает вечно и дарует вечность Своим верным; неужели вы предпочтете следовать за суетою, что обращает своих последователей в ничто? Доколе вы будете колебаться, склоняясь то в одну, то в другую сторону, то к одному стану, то к другому (ср. 3 Цар. 18:21)? Последуйте за Единым, и да будет Он — Богом; ибо Его одного довольно, дабы соделать блаженными тех, кто Ему служит. Христос уже умер для греха; зачем же вы следуете за мертвым станом и пытаетесь оживить своего злейшего врага? Не любите грех, и он не будет жить; но трудитесь над тем, чтобы искоренить его скорбью и покаянием, дабы изгладилось то зло, что вы совершили, возлюбив его».

На сем оканчиваются слова письма, в коих истинно кающийся обретет мощное побуждение ненавидеть грех и глубоко о нем сокрушаться.

Об ином, не менее действенном средстве пишет он в письме к одному священнику. Он советует ему молить Господа, дабы Тот по милости Своей явил ему все беззакония прожитых лет и даровал разумение, чем был он пред Богом в жизни миновавшей и чем был Бог для него. Увещевает также воскресить в памяти все благодеяния, полученные от Господа с самого рождения, и помыслить, сколь горькою неблагодарностью он на них отвечал. Если сие помышление происходит лишь от духа человеческого, приносит оно только малую грусть; но когда проистекает оно от Духа Божия, преисполняется такого света и так обнажает ничтожество человека, что он почитает за великое чудо само то, что земля еще терпит его. Взвизывая на истины веры, он преисполняется великого изумления и ощущает в себе такую ярость против самого себя за прожитую жизнь, что если бы не страх вновь оскорбить Господа, он готов был бы наложить на себя руки; и потому жаждет, чтобы всякая тварь восстала и отмстила за поругание, нанесенное Творцу. Те чувства, что охватывают душу, когда Бог открывает человеку подлинную цену его деяний, невыразимы на языке человеческом, ибо познание сие даруется свыше.

На сем оканчиваются слова письма. Дóлжно, притом, отметить, что сие сокрушение и скорбь о грехах порою рождаются от духа человеческого, а порою — от Духа Божия. Ибо у сего отца есть излюбленное и во многих местах разъясняемое наставление о том, что благочестивые движения и чувства души порой происходят от нашего собственного доброго расположения, когда мы прилагаем к тому человеческие усилия; но в иные времена они проистекают от особенного вспоможения и благодатного прикосновения Духа Святого. Сие действие столь

могущественно и действенно, что оно бесконечно превосходит все иные чувства, и постичь его может лишь тот, кто познал его на собственном опыте.

8. Об истинном смирении и самопознании

Смирение и покаяние — сестры родные, а потому и пути смиренных и кающихся во многом сходны: смиренные признают свои грехи, кающиеся же оплакивают их; одни сокрушаются пред Богом в сознании своего падения, другие же смиренно молят Его о прощении. И по этой причине, хотя я и не связан в сем писании долгом строгого порядка в изложении предметов, но лишь стремлюсь открыть то, как понимал их сей слуга Божий, после слов о добродетели покаяния и сокорби о грехах я вкратце изложу и его мысли о смирении, кои мне удалось почерпнуть их из его трудов.

Смирение почитал он добродетелью столь существенной и необходимой для жизни нашей, что полагал едва ли не все искушения и духовное ослепление, равно как и часы богооставленности и даже некоторые падения, попускаемыми или направляемыми Господом ради единой цели — соделать нас истинно смиренными. Ибо Бог не считает зазорным купить сие сокровище столь высокой ценою.

Смирение — добродетель, столь неотделимая от христианского духа, что древним мудрецам она была неведома, и в их писаниях не найти даже самого её имени. Сей же слуга Божий, обладавший иным, горним просвещением, заповедывал её в своих трудах чаще всех прочих. Здесь мы видим совершенное противоречие между учениями философов и наставлениями сего отца. Ибо философы и ученики их, еретики-пелагиане, всячески возвеличивают силы человеческого естества; сей же отец, напротив, направляет все свои усилия к тому, чтобы сокрушить сию гордыню, обнажая немощь и нечестие человеческого сердца. Он называет его «глубочайшею бездною», которую ведаёт лишь Господь (ср. Пс. 63:7) — Тот, Кто, восседая на херувимах, взирает с высоты Своей на всё сотворенное и особенно на лукавство наших помышлений. О том Он Сам возвестил чрез пророка Иеремию: «Лукаво сердце человеческое более всего; кто узнает его? Я, Господь, проникаю сердце и испытываю внутренности» (ср. Иер. 17:9–10).

О том же говорит и Книга Сирахова, описывая неизмеримость Премудрости Божией: Господь «прозирает бездну и сердце» (ср. Сир. 42:18). Соединяя в одном речении бездну и человеческое сердце, Писание указывает на ту неисчерпаемую глубину лукавства и немощи, что в нем сокрыта. В ином месте, еще яснее обличая сие зло, автор вопрошает: «Что может быть порочнее помыслов плоти и крови?» (ср. Сир. 10:22). Иными словами: нет ничего хуже желаний сердца, оставленного Божественной благодатью и преданного лишь своим природным влечениям. И в продолжение сего сказано: «Что из всего сотворенного лукавее глаза человеческого?» (ср. Сир. 31:15). Так говорится потому, что глаз есть привратник нашего сердца; он поставляет ему пищу для всякого вожделения и нечестия, что в сердце зачинаются.

Возвращаясь же к нашему предмету, должно сказать, что на познании немощи и ничтожества нашего сердца зиждется добродетель смирения, которая, по слову св. Бернарда, «есть презрение к самому себе, рождающееся из истинного самопознания» (св. Берnard. О ступенях смирения и гордости, I, 2). Именно этой добродетели недостало тому ангелу, что был сотворен столь прекрасным, и о нем Спаситель наш говорит, что он «не устоял в истине» (Ин. 8:44) — то есть в истинной оценке и познании самого себя. За то он и низринулся столь глубоко, что из величайшего среди ангелов, по мнению св. Григория, сделался величайшим из бесов. Указуя на сей грозный пример, отец наш Иоанн увещевает нас пребывать в «духе истины»; каков же сей дух, он поясняет в одном из своих писем следующими словами:

«Что есть дух истины, как не то состояние, когда человек недоволен собою и сам себе кажется дурным? Когда он в самой глубине сердца видит себя безобразным и мерзким и ужасается тому, как Бог еще терпит его на земле? В этой истине и надлежит нам жить, ибо без нее жизнь наша — ложь. И порою, чем более благополучными мы кажемся, тем в худшем состоянии пребываем, если лишены этого духа. Ибо, полагаясь на свои мнимые достоинства, мы мним себя чем-то значительным, но это не так в очах Того, Кто зрит сердца и говорит: "Ты носишь имя, будто жив, но ты мертв" (Откр. 3:1). Носит имя живого тот, кто не впадает в грехи, осуждаемые миром; но если он падает в те грехи, что карает суд Божий, какая польза ему в том, что мир его оправдывает? Мир не умеет уличать во зле и не наказывает того, кто доволен собою и превозносится в гордыне; но на суде Божиим гордым и слепым почитается тот, кто не смердит самому себе, словно к ноздрям его поднесли дохлого пса, и не испытывает глубокого стыда пред лицом своего Творца, подобно преступнику, уличенному в постыдном деянии пред земным судьею».

На сем завершаются слова письма, в коем автор лишь мимоходом касается добродетели смирения. Однако из этих немногих строк, вкупе с предшествующими им рассуждениями о покаянии, христианский читатель узрит, сколь возвышенно мыслил сей муж Божий о подлинном совершенстве и чистоте сей добродетели.

Должно же ведать, что хотя суть смирения и состоит в том, чтобы человек презирал себя и почитал за ничто (ибо сам по себе он и есть ничто), однако сие презрение к самому себе, коим движима воля, рождается из познания собственной низости и ничтожества, ведомого разуму. И поскольку из этого корня произрастает прекраснейший цвет сей добродетели, нам надлежит увидеть, сколь глубоко постиг сей отец немощь и бедственность человека; ибо чем полнее будет сие знание, тем глубже окажутся корень и основание самого смирения.

В одном из своих писем он необычайным образом разъясняет необходимость такого самопознания. Надобно же оно, во-первых, ради благоговения, коим мы обязаны Богу: нам должно взирать на Него со стыдом, почитая себя того недостойными. Во-вторых, потому что человек, забывающий о своей слабости, тотчас превозносится; не видя своих изъянов, он теряет надежный груз священного страха и становится подобен кораблю, лишённому балласта, который в бурю теряет якоря и носится волнами туда и сюда, покуда не погибнет. «Никогда не видел я душу в безопасности, — пишет он, — если не радела она о познании своих недостатков». Никакое здание не устоит, если не возведено на глубоком фундаменте (ср. Лк. 6:48). И время, потраченное на обличение самого себя, есть время, употребленное с величайшей пользой; ибо нет ничего более благотворного для нашего исправления, нежели испытание собственных заблуждений.

Что есть человек, который не знает и не испытывает себя, как не дом без света? Он подобен дурно воспитанному сыну вдовы, который, не зная обличения, погрязает во зле; он — мерило без меры и правила, а потому ложное; и, наконец, он — человек, утративший человеческое естество. Ибо тот, кому неведомы слабости свои, не может и управлять собою как человек, ибо не знает правды о себе и не владеет собою; и как может он рассудить о делах иных, если в своем собственном естестве совершенно ничего не смыслит? Таковы те, кто, забывая о своих недостатках, со всяким тщанием высматривают их чужих жизнях, оставляя в небрежении свою; и поскольку на чужое зло они взирают беспрестанно и вблизи, оно кажется им огромным, на свое же смотрят издалека, и потому свои прегрешения, сколь бы велики они ни были, кажутся им ничтожными. Отсюда рождаются суровость и нетерпимость: не видя собственной немощи, они не имеют сострадания к чужой. Никогда не встречал я человека, внимательного к себе, которому не было бы легко сносить любой изъян ближнего. Тот, кто сурово обходится с падшим, делом свидетельствует, что не взирает на собственные падения.

Посему, если желаем мы избежать столь пагубного ослепления, надлежит нам взирать и вновь всматриваться в то, что мы есть. Дабы, узрев свое ничтожество, поспешили мы за исцелением к милосердному Иисусу; ибо Он зовется Иисусом — Спасителем не иных кого, а именно тех, кто познал свою бедственность, сокрушается о ней и принимает (а не имея возможности — пламенно желает принять) святые таинства; так они стяжает ему врачевство и спасение.

И хотя о познании самих себя многое изрекли Бог и святые, всякий, кто захочет взглядеться в жизнь свою, обретет столько поводов к самоуничтожению, что в ужасе пред открывшейся бездной воскликнет: «Бедам моим нет конца» (ср. Пс. 39:13). Ибо разве есть тот, кто не претыкался бы именно там, где более всего желал устоять? Кто не просил у Господа и не искал того, что мнилось ему полезным, а после не убеждался, что оно послужило ему во вред? Кто дерзнет похвалиться знанием, если он бесчисленное множество раз обманывался? Кто может быть слепее человека, который не ведаёт даже того, о чем ему должно просить Бога? Подобно это св. Павлу: прося Господа избавить его от некоей тяготы и полагая, что просит о благом, он получил вразумление, что не знал, о чем молил и что было ему во спасение (ср. 2 Кор. 12:7–9). Кто же после сего посмеет довериться своим желаниям или суждениям, если даже тот, в ком обитал Дух Святой, просил о том, чего не следовало ему добиваться? Поистине, велико невежество наше, ибо бесчисленное множество раз мы заблуждаемся в том, в чем подобало бы нам быть правыми.

Даже когда Бог открывает нам путь к благу, кто не узрит, сколь немощна немощь наша и как падаем мы лицом оземь там, где, казалось бы, имели все причины стоять твердо? Кто не давал многократно обетов добродетели, но оказывался побежден и повержен именно там, где мнил себя непоколебимым? Сегодня мы оплакиваем грехи свои, намереваясь впредь избегать их; но едва слезы высохли на наших щеках, как при первом же искушении мы вновь совершаем то, о чем только что плакали. Принимая Тело Господа нашего Иисуса Христа с великим стыдом за прежние бесчинства, мы порой изгоняем Его благодать из души своей спустя лишь мгновение после того, как приняли Его в свое сердце.

О, трость пустая, колеблемая всяким ветром! То радостен, то печален; то благочестив, то хладен; то жаждет неба, то мирской суеты; то ненавидит, то вновь любит ненавидимое. Человек изрыгает съеденное, ибо оно тяготило его желудок, и тотчас вновь принимается за ту же пищу, словно никогда и не чувствовал к ней отвращения (ср. 2 Пет. 2:22). Какое существо может быть столь многоликим, как подобный человек? Какой живописец сможет изобразить лик с таким множеством обликов и языков? Сколь истинно сказал Иов, что человек «никогда не остается в одном состоянии» (ср. Иов 14:2). А причина в том, что самого человека называют прахом, а жизнь его — ветром (ср. Иов 7:7). Великим безумцем был бы тот, кто искал бы покоя меж ветром и прахом. Нет, мнится мне, зрелища более ужасающего, нежели видеть, если бы только то было нам дано, сколь многие личины принимает душа человека за один лишь день. Вся жизнь его — лишь изменчивость и немощь, и к нему вполне относятся слова Писания: «Безумный изменчив, как луна» (Сир. 27:11). Какое же нам спасение? Признать себя «лунатиками»; и как в былые времена привели к Господу нашему Иисусу Христу лунатика, дабы Он исцелил его, так и нам должно идти к тому же Иисусу за исцелением. О том болящем Писание говорит, что дух нечистый мучил его, бросая то в огонь, то в воду (ср. Мф. 17:14–15) — в огонь вожделения, в холод равнодушия и в пучину нечестия».

И если взглядемся мы, сколь многими долгами обременены пред Богом за жизнь минувшую и сколь мало исправления в жизни нынешней, то скажем, и скажем по правде: "Окружили меня муки смертные, и опасности ада объяли меня" (ср. Пс. 114:3). О, сколь должно трепетать пред сей опасностью вечной гибели! Кто не станет бдеть со всею неусыпностью, дабы не поскользнуться и не пасть в то бездонное озеро, где придется вечно оплакивать то, над чем в жизни временной он смеялся? Кто не поспешит выпрямить пути свои, дабы не сочли его

вконец заблудшим и лишенным всякого блага? Где очи того, кто сего не видит? Где уши того, кто сего не слышит? Где вкус того, кто не чувствует горечи сего состояния? Истинно: отсутствие дел жизни есть верный признак смерти. Грехи наши многочисленны, немощь велика, враги сильны, лукавы и многочисленны и желают нам лишь зла. На кону же — обретение или вечная потеря Бога. Почему же мы пребываем в беспечности посреди столь многих опасностей и не чувствуем боли от столь многих язв своих? Почему не ищем врачевства, доколе не наступила ночь (ср. Ин. 9:4) и не затворились двери спасения — когда неразумные девы возопят, но услышат в ответ: "Не знаю вас" (Мф. 25:12)? Познаем же себя — и будем познаны Богом. Станем судить и осуждать самих себя — и будем оправданы Богом. Обратим взор на собственные изъяны — и тогда всего прочего нам будет в избытке. Помыслим о нищете своей — и научимся быть милосердными к чужой. Ибо, по слову Писания: "По тому, что в тебе самом, научись разуместь и ближнего своего" (ср. Сир. 31:18)».

На сем оканчиваются слова писем; в них всякий человек увидит, словно в чистом зеркале, свои изъяны и ничтожество, дабы чрез то познать себя, а познав — смириться. Смирившись же, да воззовет он о помощи к Тому, Кто дает силы смиренным — ко Христу Иисусу.

9. Об уповании и о величии дела нашего Искупления, на коем оно зиждется

После упомянутых добродетелей мы скажем также о надежде и уповании на Бога — одной из трех богословских добродетелей (ср. 1 Кор. 13:13). Должно признать: хотя сей муж Божий высоко чтит все добродетели и обладал особым даром наставлять в них, однако в его письмах более всего выделяется именно восхваление упования на Бога и ревностный призыв к оному. Сие ясно видно в его посланиях; поскольку по большей части они писались ради утешения, автору необходимо было прибегать к сей добродетели, дабы укреплять слабых и изнемогающих под бременем страстей и грехов, а также в часы духовной сухости и богооставленности — состояний, коими Господь испытывает твердость веры и постоянство человека.

И хотя в Священном Писании обретается множество побуждений к стяжанию сей добродетели (ибо, по слову Апостола, всё оно служит основанием нашей надежды (ср. Рим. 15:4)), главным из них является благодеяние Страстей нашего Искупителя. Мы твердо ведаем: всё, что Он претерпел и чего удостоился, было совершено ради нас, ибо Сам Он ни в чем не имел нужды. Лишь труды и скорби были Его собственными; плод же их всецело принадлежит нам. Имея столь верный залог, мы можем с полным доверием ожидать исцеления всех наших недугов. Сим весомейшим доводом блаженный отец пользуется во всех своих утешительных письмах, приводя столь сильные и действенные доводы для ободрения малодушных сердец, что и он мог бы на свой лад повторить слова пророка: «Господь Бог дал Мне язык мудрых, чтобы Я мог словом подкреплять изнемогающего» (Ис. 50:4).

С особенной силой это явлено в одном письме, которое я почел за благо включить сюда целиком. Ибо такова в нем сила подлинного красноречия и столь обилен и богат источник открываемых в нем тайн, пробуждающих нас к упованию, что не найдется человека столь малодушного — будь он бесчувствен даже как камень, — который бы не ободрился и не воспрянул духом, прочтя его. В нем христианский читатель узрит также и тот особый свет, коим Господь наделил сего отца для уразумения величия благодеяния и тайны нашего Искупления, о чем мы скажем далее.

Примечательно, что сие столь славное и утешительное письмо было написано не для утешения какого-либо вельможи (в каком случае мы могли бы заподозрить автора в излишнем старании и изысканности слога), но было обращено к лицу самого скромного звания. Ради утешения сего человека Господь и даровал отцу Иоанну эти драгоценные жемчужины; перо же

его бежало по бумаге с такою быстротою и легкостью, словно Иной диктовал, а он лишь записывал. Здесь мы видим явное исполнение изречения Соломона: «Помышления прилежного мужа всегда ведут к изобилию, а всякий ленивый терпит нужду» (ср. Притч. 21:5). Сии слова дают нам понять, что тем, кто с ревностью и усердием идет по пути совершенства, по мере их преуспевания даруется всё больший свет и знание. О том свидетельствует и сие письмо, содержащее в себе великое множество наставлений и благочестивых размышлений ради нашего укрепления и назидания.

Начинается же оно так:

«Не принимайте за гнев то, что в действительности есть истинная любовь; ибо как недоброжелательство склонно лстить, так и любовь — обличать и наказывать. Ибо лучше, говорит Писание, «искренние укоризны от любящего, нежели лживые поцелуи ненавидящего» (ср. Притч. 27:6). Мы наносим великую обиду тому, кто из самой глубины любящего сердца укоряет нас, если думаем, будто он преследует нас из неприязни.

Не забывайте, что между Отцом Предвечным и нами — Ходатай, Господь наш Иисус Христос (ср. 1 Тим. 2:5), чрез Которого мы [Отцом] возлюблены и связаны [с Ним] столь крепкими узами любви, что ничто не в силах расторгнуть их, если только сам человек не разорвет их виною смертного греха. Неужели вы так скоро забыли, что кровь Иисуса Христа взывает о милосердии к нам (ср. Евр. 12:24), и глас ее столь громок, что пред ним крик грехов наших умолкает и становится неслышим? Разве не ведаете вы: если бы грехи наши остались живы, в то время как Иисус Христос умер ради их истребления, то смерть Его была бы малоценна, коль скоро не смогла их умертвить?

Посему пусть никто не ценит дешево то, что Бог оценил столь высоко (ср. 1 Кор. 6:20), признав содеянное Им за достаточную и преизобильную цену за все грехи мира — и даже тысячи миров, если бы они существовали. И гибнущие гибнут не от недостатка выкупа, но от нежелания воспользоваться этой платою чрез веру, покаяние и святыя таинства Церкви.

Утвердите же раз и навсегда в сердце вашем, что Христос взял на Себя дело нашего исцеления, будто Свое собственное. Устами Давида Он объявил наши грехи Своими, возглашая: "Далеки от спасения Моего слова грехов Моих" (ср. Пс. 21:2); и Он молил о прощении за них, хотя Сам не совершил ни единого. В Своей безграничной любви Он просил Отца возлюбить каждого, кто придет к Нему, точно так же, как Тот любит Его Самого (ср. Ин. 17:23). И Он достиг желаемого; ибо по Божьему установлению мы стали столь едины с Ним, что Отец должен либо любить нас вместе, либо вместе отвергнуть. Но поелику Бог не может отринуть Сына Своего, то не отринет Он и нас, покуда мы верою и любовью соединены с Ним в единое Тело; напротив, ради любви к Нему Отец любит и нас. И это глубоко правосудно: ведь Его достоинство, ради которого Он нас милует, весит несравненно больше, чем наши грехи, из-за которых Он мог бы нас отринуть; и Отец сильнее любит Своего Сына, нежели ненавидит обращающихся к Нему грешников. Вспомните, как Возлюбленный взывал к Отцу: "Отче! хочу, чтобы там, где Я, и они были со Мною" (ср. Ин. 17:24), — ведь Я приношу Себя в жертву, дабы простить их грехи и сделать их частью Меня Самого. Так великая любовь одолела малый гнев, и ныне мы обрели любовь, прощение и оправдание; и мы твердо уповаем, что Бог не оставит нас там, где завязан столь крепкий узел любви.

Если же наша немощь, подобно вашей, томится в чрезмерных страхах, мня, будто Бог забыл её, Господь посылает нам утешение чрез пророка Исаяю: «Забудет ли женщина грудное дитя свое, чтобы не пожалеть сына чрева своего? Но если бы и она забыла, то Я не забуду тебя. Вот, Я начертал тебя на дланях Моих» (ср. Ис. 49:15–16). О, сколь незыблемо сие писание, где перьями служат острые гвозди, чернилами — сама кровь Пишущего, а бумагою — Его

собственная плоть! Глаголет же сие письмо: «Любовью вечною Я возлюбил тебя и потому милосердно привлек тебя к Себе» (ср. Иер. 31:3). Не подобает пренебрегать таким свидетельством, особенно когда душа чувствует, как благая решимость с нежностью влечет её к Богу; ведь это — верный знак вечной любви, коей Господь избрал и возлюбил её. Посему не смущайтесь и не трепещите от приключаящихся с вами бед, ибо всё нисходит из рук Того, Кто ради вас и в залог любви к вам позволил пригвоздить Себя к кресту».

Несколькими строками ниже он пишет:

«Поскольку Бог заповедал нам никогда не унывать, пойдем же к Нему с полным доверием к Его слову и будем просить Его о помощи, и Он непременно подаст её нам. О сестра, если бы только мы видели, сколь дороги и ценны мы в очах Божиих! Если бы знали, как глубоко Он хранит нас в Своем сердце! И в те самые мгновения, когда нам кажется, будто мы отвержены, сколь мы на самом деле близки к Нему! Да будет вовеки благословен Иисус Христос, ибо Он и есть наше упование, о коем мы возвещаем во всеуслышание! Ничто не может меня так напугать, как Он — ободрить. Пусть из ревностного я стану хладным; пусть путь мой к небу сменится тьмой и адской бездной; пусть окружают меня прошлые грехи и страх пред грядущим; пусть демоны обвиняют меня и расставляют сети, а люди пугают и преследуют; пусть мне грозят геенной и множат предо мною опасности — но пока я сокрушаюсь о грехах и возвожу очи к Иисусу Христу, ища у Него спасения, я не могу отчаяться. Ибо Он кроток, благ и преисполнен милосердия (ср. Мф. 11:29; Пс. 102:8); Он любит меня и предан мне до смерти (ср. Песн. 8:6); и я вижу, как высоко Он оценил меня, отдав за меня Самого Себя — Бога (ср. Гал. 2:20).

О Христос, надежное пристанище для тех, кто, гонимый бурными волнами своего сердца, прибегает к Тебе! О источник живой воды для израненных оленей, преследуемых духовными псами — бесами и грехами (ср. Пс. 41:2)! Ты — сердечный покой и упование, которое никогда не обманывало верных; Ты — заступник сирот и защитник вдов (ср. Пс. 67:6), крепкая каменная твердыня для ежей, обросших колючками грехов, что со стонами и жаждой прощения бегут к Тебе (ср. Вульг. Пс. 103:18: *petra refugium herinacis* — «скала прибежища ежам»). Ты защищаешь от гнева Божия всякого, кто вверяет себя Тебе. И хотя порой Ты велишь ученикам Своим выйти в море без Тебя, лишая их сладости Своего присутствия, и в Твое отсутствие на море поднимаются бури, грозящие погибелью души, Ты всё же не забываешь их. Ты велишь им отчалить, а Сам восходишь на гору молиться за них; они же мнят себя забытыми или думают, что Ты спишь, а Ты, преклонив колена, молишься о них (ср. Мф. 14:23). И когда минуют уже четыре стражи ночи, когда Твое бесконечное ведение судит, что довольно с них Твоего тягостного отсутствия и бури, Ты сходишь с горы и, как Владыка зыбких вод, шествуешь по ним — ибо для Тебя всё незыблемо (ср. Мф. 14:25). Ты приближаешься к Своим в тот самый миг, когда им кажется, что они дальше всего от Тебя, и говоришь им слова упования: "Это Я; не бойтесь" (Мф. 14:27).

О Христос, Пастырь прилежный и радетельный! Сколь глубоко заблуждается тот, кто, искренне желая исправиться и служить Тебе, всё же не вверяет Тебе самых глубин своего сердца! О, если бы Ты открыл людям, сколь мало у них причин для уныния под началом такого Вождя! Ведь никакая весть не может напугать или опечалить Твоего воина так сильно, как способна утешить одна лишь весть о Тебе — о том, Кто Ты есть. Если бы Тебя, Господи, знали истинно и совершенно, то не нашлось бы человека (кроме окончательно погрязшего во зле), который не любил бы Тебя и не уповал на Тебя. И потому Ты глаголешь: "Это Я; не бойтесь" (Мф. 14:27). Я — Тот, Кто умерщвляет и оживляет, низводит в преисподнюю и выводит из нее (ср. Вульг. 1 Цар. 2:6; *Dominus mortificat et vivificat, deducit ad inferos et reducit*). Сие значит: Я подвергаю человека скорби до тех пор, пока ему не почудится, что он умирает; а после — дарую ему облегчение, отраду и жизнь. Я повергаю его в безутешность, подобную аду, но и

там не забываю его, но вывожу оттуда. И умерщвляю Я Своих верных лишь для того, чтобы оживить их; и в бездну ввожу их не для того, чтобы они там остались, но чтобы прохождение чрез сию тень ада стало средством, благодаря которому они по смерти попадут не в геенну, а в небеса.

Я — Тот, Кто властен избавить вас от любой скорби, ибо Я всемогущ; Я желаю спасти вас, ибо Я бесконечно благ; и Я знаю, как это сделать, ибо Мне ведомо всё. Я — ваш Заступник, принявший ваше дело как Свое; Я — ваш Поручитель, взявшийся уплатить ваши долги; Я — ваш Господь, купивший вас Своею Кровью, не для того, чтобы забыть вас, но чтобы возвеличить, если только вы пожелаете служить Мне; ибо вы «куплены дорогою ценою» (1 Кор. 6:20). Я — Тот, Кто столь сильно возлюбил вас, что любовь к вам заставила Меня уподобиться вам, соделав Меня смертным и подверженным страданию — Меня, Кому всё это было бесконечно чуждо. Я предал Себя ради вас на бесчисленные муки телесные и еще большие — душевные, дабы и вы решились претерпеть нечто ради Меня и хранили надежду на спасение, ибо во Мне обрели вы истинного Избавителя.

Я — ваш Отец, поелику Я Бог; и ваш Брат-Первенец, поелику Я Человек (ср. Рим. 8:29). Я — ваша плата и ваш выкуп; к чему страшиться долгов, если покаянием и исповедью вы просите об их отпущении? Я — ваше примирение: зачем бояться гнева? Я — узел вашей дружбы: зачем страшиться негодования Божия? Я — ваш защитник: чего ради опасаться врагов? Я — ваш друг; как может вам недоставать чего-либо из того, чем владею Я, если только вы сами не отступитесь от Меня?

Вам принадлежат Мои Тело и Кровь — к чему бояться голода (ср. Ин. 6:55)? Вам принадлежит Мое Сердце — к чему бояться забвения? Вам принадлежит Мое Божество — к чему бояться нищеты? Сверх того, ваши — Мои ангелы, дабы защищать вас; ваши — Мои святые, дабы молиться о вас; ваша — Моя Пречистая Мать, дабы быть вам Матерью заботливой и милосердной. Ваша — земля, дабы на ней вы служили Мне; ваше — небо, куда вы придете; ваши — бесы и преисподняя, дабы вы попирали их как рабов и темницу. Ваша — жизнь, ибо ею вы стяжаете жизнь бесконечную; ваши — благие радости, ибо их вы воссылаете ко Мне; ваши — скорби, ибо их вы терпите ради любви ко Мне. Ваши — искушения, ибо они приносят вам заслуги и становятся залогом вашего венца (ср. Иак. 1:12); ваша — смерть, ибо она станет для вас ближайшим порогом жизни.

И всё это вы имеете во Мне и чрез Меня; ибо не для Себя одного Я всё это стяжал. Когда Я соединился с вами плотью, Я сделал вас сопричастниками Своих трудов, постов, пота и слез, Своих страданий и смерти, если только вы сами не воспрепятствуете сему. Владея столькими богатствами, вы не останетесь нищими, если только не пожелаете умышленно расточить их своей нечестивой жизнью».

Не унывайте: Я не оставлю вас, даже если и подвергаю испытанию. Вы — хрупкий сосуд, но Моя рука удержит вас. Ваша немощь лишь ярче являет Мою силу (ср. 2 Кор. 12:9); из ваших грехов и нищеты Я извлекаю свидетельство Моей благости и милосердия. Ничто не может повредить вам, если вы любите Меня и на Меня уповаете. Не судите обо Мне по-человечески, полагаясь на свой ум, но взирайте живую верою и любовью; смотрите не на внешние знаки, но на Сердце, отверстое на Кресте ради вас (ср. Ин. 19:34). Не сомневайтесь в Моей любви к вам: ибо пред очами вашими — явленные дела сей любви, а в сокровенной глубине — Сердце, любовь к вам уязвленное.

Как могу Я отказать тем, кто ищет Меня, дабы почтить, если Я Сам вышел навстречу тем, кто искал Меня, дабы истязать (ср. Ин. 18:4)? Я добровольно предался узам и цепям, ранившим Меня, неужели же Я откажусь от объятий и сердец христианских, в коих обретаю покой? Я

отдал Себя на бичевание у сурового столпа — неужели Я отвергну душу, которая Мне покорна? Я не отвратил лица от тех, кто бил Меня (ср. Ис. 50:6) — неужели Я отвернусь от тех, кто почитает за счастье взирать на Меня с благоговением?

Отчего так мало в вас доверия? Видя, как Я добровольно отдал Себя на растерзание псам ради любви к детям Своим (ср. Пс. 21:17), как могут дети сомневаться в Моей любви, если сами Меня любят? Взгляните, сыны человеческие, и скажите: кого Я презрел, когда он возжелал Меня? Кого Я оставил, когда он звал Меня? От кого Я бежал, когда он искал Меня (ср. Сир. 2:10)? Я делил трапезу с грешниками (ср. Мф. 9:10); Я призывал и оправдывал отверженных и нечистых; Я настойчиво взываю даже к тем, кто Меня не хочет; Я молю всех прийти ко Мне. Как же можно подозревать Меня в забвении Своих, когда Я с таким усердием люблю вас и учу вас любить?»

Если же Я порой скрываю Свою любовь, это не значит, что Я лишаю её души; Я лишь утаиваю её ради блага Своего создания. Ведь ничто так не полезно человеку, как забыть о себе и во всём препоручить себя Мне. В этом неведении — его мудрость; в этой зависимости — его стойкость; в этой покорности — его истинное владычество. И довольно ему знать, что он — в Моих руках, а не в чьих-либо иных. Эти руки по праву принадлежат и ему, ибо ради него Я отдал их на распятие; более того, они принадлежат ему больше, чем собственные, ибо сотворили для его блага то, чего не смогли бы его руки. Чтобы избавить душу от власти собственного мнения и научить следовать за Мной, Я погружаю её во тьму, где она ничего не ведаёт о себе. Но если она доверится Мне и не оставит служения Моего, Я избавлю её и прославлю, исполнив Своё слово: "Будь верен до смерти, и дам тебе венец жизни" (Откр. 2:10)».

На этом завершаются слова письма, которые со всей очевидностью подтверждают сказанное нами выше.

10. Об особенном познании тайны Христовой, коим обладал сей отец

Во всём сказанном выше мы видим те суждения, кои сей слуга Божий имел как об уповании на Господа нашего, так и о великом благодеянии нашего Искупления, на коем оно зиждется, в чем мы только что убедились, читая его письмо. И как во многом ином сей человек Божий стремился подражать апостолу Павлу, коего избрал себе за образец и наставника, так и в познании тайны Христовой он старался следовать ему. Сим познанием Апостол дорожил столь высоко, что, как сам засвидетельствовал, рассудил не знать ничего, кроме Иисуса Христа, и притом распятого (ср. 1 Кор. 2:2). И хотя ведал он чудеса и тайны третьего неба, и слышал там неизреченные слова, которых человеку нельзя пересказать (ср. 2 Кор. 12:2–4), всё же заявил, что не знал ничего, кроме Христа распятого. Не потому, что он не ведал более, но поелику всё прочее знание было ничтожно в сравнении с сей премудростью; или, вернее сказать, в этой Тайне он познал всё, что необходимо знать для нашего спасения и что составляет существо всего христианского богословия.

Богословие сие разделяется на две части: умозрительную, чья главная цель — познание Бога, и ту, что именуют деятельной, указующую путь добродетели и обличающую пороки. Всеми, что объедают обе эти части, Тайна Креста наставляет нас совершеннее, нежели любые написанные доселе книги. Ведь что может дать более глубокое понимание Божией благодати и иных Его совершенств, нежели Его воля принять смерть на кресте ради спасения людей? И если истинно слово Апостола, что Христос предал Себя на смерть, дабы избавить нас от всякого беззакония и соделать Своим народ избранный, ревностный к добрым делам (ср. Тит. 2:14) — а это и значит быть врагом греха и поборником добродетели, — то можно ли написать нечто более действенное, побуждающее гнущаться пороков и любить добродетели, нежели весть о том, как

Сам Бог сошел с небес на землю и пострадал на кресте ради этого? Посему Апостол по праву свидетельствовал, что не знает ничего, кроме Христа распятого, ибо в этой Тайне он во всей полноте постиг всё необходимое для нашего спасения и освящения.

Я не нахожу слов, дабы выразить, сколь велик был свет и познание сей тайны, коими обладал человек Божий. Однако всякий, кто внимательно вникнет в содержание благодать, любовь и милосердие Господни, что сияют в ней, а также величие дарованного нам исцеления, утешения и спасения. Он узрит в ней и те высокие побуждения, что даны нам, дабы любить Господа, служить Ему и на Него уповать.

Но есть свидетельство еще более разительное: среди всех изданных к настоящему времени писем — а их более ста сорока — едва ли найдется хоть одно, в коем эта Тайна не служила бы главным доводом и основанием. Посему и сей отец мог бы на свой лад повторить вслед за Апостолом, что не желал он знать ничего, кроме Христа распятого (ср. 1 Кор. 2:2). И коль скоро истинно, что от избытка сердца говорят уста (ср. Мф. 12:34), сие служит верным доказательством того, что сердце его было преисполнено Христом, раз имя Его столь часто исходило из его уст.

Посему я не раз слышал от него, что он нанят для двух дел: смирять человека и прославлять Христа. Ибо в действительности всё его устремление, его дух и мудрость заключались в том, чтобы смирять человека, открывая ему глубочайшую бездну его ничтожества, и, напротив, превозносить и возвышать до самых небес благодать, исцеление и те великие блага, что дарованы нам чрез Христа. И потому часто, сокрушив и почти повергнув человека в уныние познанием его нищеты, он тотчас вновь обращался к нему и словно воскрешал из мертвых к жизни, укрепляя его упование возвещением сего высочайшего благодеяния; он показывал ему, что в заслугах Христовых у него гораздо больше причин для радости и надежды, нежели во всех грехах мира — для отчаяния.

О том же, когда именно Господь даровал ему свет и познание сей тайны, мы упомянем далее в свое время.

11. О даре совета и распознавания духов, коим он обладал

Совершенному проповеднику, образ коего мы здесь живописуем, помимо всего уже сказанного, причисляется обладать даром совета и распознавания духов, ибо в его служении беспрестанно встречаются дела, требующие таковых способностей. И этими дарами наш проповедник владел во всей полноте; посему со всех сторон стекались к нему люди, прося совета и разрешения сомнений, терзавших их совесть.

Чтобы справляться с обилием писем по этим вопросам, он завел в своей келье такой порядок: на стене висел моток бечевы, к которому в разных местах были прикреплены записки с именами отправителей и названиями городов; так он трудился, стараясь ответить каждому. Иные же приходили к нему лично, дабы услышать слово назидания. Глядя на это непрекращающееся стечение народа, один проницательный муж заметил, что среди слуг Господних сей отец был подобен «наставнику спасения» — столь многие вверяли ему свои нужды и во всем полагались на его совет. За сотни лиг стекались к нему люди, желая с его помощью избрать свое призвание и будущий образ жизни: одним он советовал стать иноками того или иного ордена, другим — вступить в брак, иным — принять священный сан; и так наставлял он каждого, сообразуясь со сведениями, кои ему поверяли. И при всем этом докучливом многолюдстве он не только не изнемогал, но, напротив, как ревностный делатель, говорил, что слава проповедника в том и состоит, чтобы всегда иметь случай принести пользу. Бывало, он вставал из-за стола прямо во время трапезы, едва к нему приходил проситель, пусть

и самого низкого звания. Тем же, кто дивился этому, он отвечал, что принадлежит не себе, но тем, кто в нем нуждается.

Должно также заметить, что при всяком важном вопросе он неизменно прибегал к молитве и просил о том же человека, искавшего у него совета. Как муж благоразумный и сведущий в Священном Писании, он помнил слова о том, что помышления смертных боязливы, а предначертания наши ненадежны (ср. Прем. 9:14). Помнил он и речение Соломона о том, что велико бедствие человека, ибо он не ведает грядущего, и нет вестника, который открыл бы ему будущее (ср. Еккл. 8:7). Понимая это и зная, что исход любого дела сокрыт в будущем, ведомом одному лишь Богу, он почитал за опасное давать советы, прежде не вверив дело Господу — как со своей стороны, так и со стороны просящего.

В подтверждение сего он часто приводил знаменитые слова царя Иосафата, который в тесноте своей взывал к Богу: «Поелику нет в нас силы... и мы не знаем, что делать, но к Тебе очи наши!» (ср. 2 Пар. 20:12). Вспоминал он и ошибку Иисуса Навина и старейшин народа, когда те приняли в своей земле гаваонитян; Писание прямо указывает, что причиной их заблуждения стало доверие собственному суду, ибо они не спросили Господа (ср. Нав. 9:14). Посему сей слуга Божий всегда стремился к тому, чтобы в делах важных молитва предваряла всякое решение.

Случилось так, что некий человек обратился к нему за советом в одном деле, но ответ отца Иоанна пришелся ему не по нраву. На следующий день этот человек исповедался и причастился; и по причащении, пребывая в глубокой сосредоточенности, ощутил он, как некий внутренний голос изрек ему: «Мне — волю твою, а слуге Моему — суждение твое; и в этом нет обмана». Уразумев сие, человек тот на другой же день пришел к отцу Иоанну и просил его решить, как ему поступить, ибо он исполнился твердой решимости во всем последовать его совету. О том внутреннем движении, что испытал он в сердце своем, он поначалу ничего не сказал, но поведал об этом лишь много позже.

Наряду с даром совета Господь наделил нашего проповедника и распознаванием духов. Я мог бы привести здесь немало примеров того, как он объявлял чуждыми Богу те вещи, кои иными почитались за божественные. Так, он сразу понял, что всё явленное Магдалиной Креста исходит от лукавого; и суждение это он вынес в то самое время, когда слава её гремела по всему миру. Пребывая в Кордове, он так и не поддался ни на чьи уговоры пойти и повидать её.

Случилось также, что одна великая монахиня, именем Тереза Иисусова — ныне в наш век широко известная как великая слуга Божия, — в начале своего пути подверглась преследованиям со стороны многих, не знавших её духа. Видя столь ярое к себе недоброжелательство, она обратилась к одному из господ инквизиторов, дабы тот испытал её дела. Он же ответил ей, что Святая инквизиция призвана прежде всего карать за представленные ей ереси, однако сообщил ей, что в Андалусии пребывает великий человек Божий, отец Иоанн Авильский, обладающий огромным опытом в вещах духовных. Он советовал ей письменно изложить ему всю свою жизнь и успокоиться на том, что тот ответит. Она так и поступила; он же, будучи в точности извещен о её деле, ответил ей письмом, в коем убеждал её пребывать в мире и верить, что в делах её нет никакого обмана, ибо все они — от Бога. Письмо сие я видел сам, но не привожу его здесь по причине его пространности, а также потому, что в нем разбираются предметы столь духовные и тонкие, что они не предназначены для всякого взора.

Часть вторая сей истории, в коей повествуется о личных и частных добродетелях сего отца

Доселе мы рассуждали, по мере нашего скудоумия, о добродетелях и дарованиях, кои Господь ниспослал сему слуге для проповеднического служения. Ныне же пришло время обратиться к личным добродетелям его самого. Я вполне сознаю, что сию вторую часть следовало бы поставить первой; ибо порядок вещей требует прежде говорить о добродетелях человека, а после — о тех, что относятся к его чину. Ибо так поступает и сама природа при порождении растений, кои не приносят плода, покуда сами не вырастут и не окрепнут; равно и животные не дают потомства тотчас по рождении, но лишь достигнув совершенного возраста. Однако же мы не стали придерживаться здесь сего порядка, видя, что личные добродетели, о коих мы намерены рассуждать, во многом зависят от качеств, потребных для его служения; хотя, по правде сказать, они и сами по-своему составляют часть сего служения.

1. О его молитве

Среди благодатных даров, коими Господь наделяет Своих слуг, почетное место занимает дар молитвы. Об этом возвестил Сам Господь через пророка Захарию, обещав излить на дом Давида и на жителей Иерусалима — то есть на Церковь Свою — дух благодати и умиления (ср. Зах. 12:10). И сей дар наш проповедник стяжал в избытке; он был не только учителем и глашатаем этой добродетели, но и всячески превозносил её необходимость. Он почитал молитву столь же нужной для стяжания добродетелей, сколь нужна вода земле для плодоношения. Подобно пророку, он чувствовал свое бессилие в её отсутствие, взывая к Богу: «Душа моя, Господи, как бесплодная пустыня пред Тобою; посему услышь меня скорее, ибо изнемогает дух мой» (ср. Пс. 142:6–7). Желаящий же уразуметь, с каким рвением наш проповедник наставлял в сей добродетели, пусть обратится к семидесятой главе его труда «*Audi, Filia*», дабы узреть, сколь глубокое чувство он к ней питал.

Ибо воистину молитва есть основание всякой духовной жизни, ведь задача её — непрестанно испрашивать Божественную благодать, коей наша жизнь живится. И хотя святые таинства, а наипаче Таинство Алтаря, обладают великой силой подавать благодать, совершается сие лишь в положенное время при их принятии. Молитве же открыты всякое время и всякий час, и день, и ночь, и всякое место. По сей причине, а равно и ради многих иных плодов, кои приносит сия добродетель, отец Иоанн со всяким тщанием и усердием заповедовал её и в своих проповедях, и в письмах.

То, в чем он наставлял других, он с еще большим тщанием исполнял сам. Когда мне доводилось беседовать с ним доверительно на эту тему, он признавался, что даже в пору самого ревностного проповедничества, будучи обременен бесчисленными делами, он ежедневно посвящал молитве два часа утром и два часа вечером. Сие время он урывал у сна: ложился в одиннадцать часов ночи, а пробуждался в три пополуночи, дабы предаться богомыслию. Позже, когда из-за многих недугов, о коих мы поведаем в своем месте, он не мог более столь часто выходить на проповедь, время, прежде отданное служению словом, он стал посвящать молитве. Распорядок его был таков: всё утро до двух часов пополудни он пребывал с Богом и совершал Мессу, когда позволяло здоровье; в эти часы он не принимал никого, сколь бы важным ни было дело. С двух же до шести часов он принимал приходящих. С этого часа и до десяти вечера он вновь уединялся, дабы в молитвенном предстоянии пред Богом пешись о своей душе и о душах ближних. Бдения его были непрестанны и полны стенаний о грехах мира. Часто он говорил, и даже плакал, сокрушаясь о том, как мало ныне «вдов Наинских», кои оплакивали бы своих умерших чад (ср. Лк. 7:12), сиречь как мало иереев, кои сокрушались бы о множестве душ, умерщвленных грехом.

Особое же место в его бдениях занимали ночи на пятницу и на субботу. Ибо он утверждал: тот, кто позволяет себе проспать всю ночь на пятницу, в которую Спаситель наш был взят под стражу, или на субботу, когда Он пребывал мертвым, не воздаст должного величию сего благодеяния. Он также призывал к глубокому размышлению над святыми Страстями, о коих дивно рассуждал в упомянутой книге «Audi, Filia», начертав там мысли, полные нежности и благоговения, и открыв те неисчислимыя плоды, что приносит сие святое созерцание.

Стекались к нему и многие иноки, а также люди всякого иного звания, дабы советоваться о сокровенных плодах сей добродетели. И было дивно видеть ту великую отраду, с которой они покидали его, славя Господа за столь дивный свет и рассудительность, коими Он наделил Своего слугу; ибо отец Иоанн давал им советы и указывал пути наинадежнейшие, предостерегая от опасностей, кои могут на них встретиться.

Его обычным наставлением и правилом было то, что к молитве должно приступать скорее для того, чтобы внимать, нежели чтобы говорить, и более ради упражнения воли в любви, нежели ради рассудочного умозрения. Однажды он даже признался мне, что связывает свой разум, точно безумца, дабы тот не был многословен в молитвенном делании. В письме к одному священнику он поясняет сию мысль чрез сравнение, говоря, что одно дело — говорить с царем, и совсем иное — предстоять пред ним с почтением и благоговением. Так же и в молитве: одно дело — обращаться к Богу со словом, и иное — пребывать пред Ним в священном страхе и любящем внимании. Сей путь прост и исполнен преданности; он уготовляет душу к принятию особых милостей от Господа, когда человек поставляет себя пред Спасителем подобно тому страждущему водянкую из Евангелия (ср. Лк. 14:2), смиренно ожидая от Него исцеления.

2. О его скромности и благочинии в обхождении

Как пороки не ходят поодиночке, так и всякая добродетель неизменно влечет за собой иную. Непрестанная молитва сего отца была источником его внешней сдержанности и того неизменного благообразия, что запечатлелось во всем его облике. Трудно было бы сыскать часы более точные и верные в своем ходе, нежели сама его жизнь; мне же мнится, что в этом он достиг некоторого сопричастия бесстрастию блаженных. Среди бесчисленных забот и при общении с самыми разными людьми лик его никогда не утрачивал безмятежной ясности. Сие было плодом глубокой внутренней сосредоточенности, которая изливалась и на человека внешнего: не будь в нем такой духовной укорененности, любое из множества дел легко бы выводило его из равновесия.

Случилось ему однажды провести около двенадцати дней в коллегии Общества Иисуса в Монтилье, и за всё это время он ни разу не утратил привычной степенности и спокойствия. В этом он подражал благочинию праведного Иова, говорившего, что свет лица его не падал наземь (ср. Вульг. Иов. 29:24) — сим он желал показать, что никогда не терял достоинства и собранности, что бы ни приключалось. Один из отцов той коллегии, заметив это, помыслил, будто отец Иоанн хранит такую строгость лишь ради доброго примера инокам, о чем и сказал одному из его близких учеников. Тот же разуверил его, ответив, что сие было неизменной чертою отца Иоанна: и в пути, и при посещении домов, и даже — что еще удивительнее — в болезни, будучи прикован к постели, он всегда сохранял ту же безмятежность. Столь глубоко эта добродетель вошла в его естество!

Что же сказать о степенности его взора? Св. Викентий¹ в трактате о духовной жизни наставляет инок не устремлять взор далее, нежели на высоту Распятия. Казалось, сей отец неизменно хранил это правило, ибо обычно не поднимал глаз выше сего предела.

Случилось ему однажды в Кордове войти в прекрасный сад вместе с другом своим, священником. В саду было много красот, достойных созерцания, но лик отца Иоанна оставался столь же невозмутимым и покойным, как и всегда. Друг же его сказал: «Взгляните на это, отче, и на то». На что тот ответил с привычной своей кротостью: «Мне сие не потребно». Он сказал так потому, что, желая вознести сердце к Богу, не нуждался в созерцании тварей, почитая Тайну Христову за высшее к тому побуждение. Ибо если в земной жизни мы не можем познать Бога иначе, как чрез Его дела, то какое дело может быть величественнее Его Святого Человечества, дабы чрез него прийти к познанию Верховного Божества? Те же, кто еще не сподобился света для познания высоты сей Тайны, прибегают к красоте творений, дабы возвысить сердца свои к любви и познанию Творца. Посему он и советовал тем, кто предается чтению Священного Писания, особо вникать в те его части, где говорится о сей Божественной Тайне, поелику она имеет великое превосходство над всеми иными.

Возвращаясь же к нашему предмету: я размышлял о том, как бы выразить словами то благообразие и достоинство, кои сияли в лике сего отца, и на ум мне пришло сравнение с искусством живописцев. Они, держа в руках дощечку с разными красками, порой смешивают три или четыре цвета, дабы получить новый оттенок, в точности отвечающий их замыслу. Так и облик, и степенность сего отца являли собою не одну лишь отдельную добродетель, но некое дивное созвучие многих из них: в нем виделось благообразие, но не суровое, а смягченное смирением, кротостью и природною мягкостью. Всякий пронизательный муж, взирая на него, мог бы подметить сие, ибо сказано в Писании: «По виду познается человек, и по выражению лица познается мудрый» (ср. Сир. 19:26). И в ином месте говорит Соломон: «Как в воде отражаются лики смотрящих в неё, так сердца людей открыты взору мудрых» (ср. Вульг. Притч. 27:19). Ибо очи наши суть некие прозрачные стекла, сквозь кои явственно проступают сокровенные движения нашего сердца.

Сей степенности он придерживался в словах своих не меньше, чем во всем прочем. Ни единого праздного или шутивного слова никогда не исходило из его уст. Так понимал он речение Апостола о пустословии, которое не приличествует (ср. Еф. 5:4); он толковал сии слова так: шутовство и остроты не сообразны со строгостью христианского звания. Смех же его был таков, что, как пишут о св. Бернарде, он более нуждался в шпорах, нежели в узде.

Всему сказанному я — верный свидетель; ибо, знай я его лишь по кратким встречам, я мог бы обмануться видимым. Но поскольку общение наше, как я сказал вначале, длилось многие дни и мы делили один кров и трапезу, я не мог не дивиться тому, что он в любой час оставался неизменным. Обычно люди, закончив трапезу, дают волю языку в веселых речах или смехе; его же я никогда не видел с иным выражением лица, нежели то, что бывает у человека, только что вышедшего из долгой и пламенной молитвы. Сие не могло бы сохраняться постоянно, если бы не его внутренняя сосредоточенность и непрестанное единение с Богом. Он радел о том, чтобы горнило его сердца всегда оставалось раскаленным; тогда в часы уединения ему не требовалось много «дров» — долгих размышлений, — дабы вновь возжечь в себе пламя.

Благодаря такой степенности и собранности внешнего человека все, кто имел с ним дело, проникались к нему глубоким почтением и благоговением. Не только они, но и все вельможи и прелаты, с коими он общался, питали к нему великое уважение. Лик его был подобен надписи на свитке, открывавшей сокровенную тайну человека внутреннего; потому и говорили иные: «Один вид этого мужа назидает нас».

¹ Речь идет о святом Викентии Феррере (исп. *San Vicente Ferrer*, 1350–1419) — знаменитом доминиканском проповеднике из Валенсии. Книга, на которую ссылается Луис де Гранада,

называется «Трактат о духовной жизни» (лат. *Tractatus de vita spirituali*). Этот труд был чрезвычайно популярен в аскетической литературе XVI века.

3. О добродетели нищеты

Сколь неотъемлема от евангельского проповедничества добродетель нищеты, ясно явил Спаситель, когда посылал учеников Своих на проповедь (ср. Мф. 10:9–10). Посему, как мы упоминали в начале, первым делом нашего проповедника, когда он посвятил себя сему служению, был отказ от всего имения, унаследованного от родителей, — он раздал его бедным. И во всё время жизни он ничем не владел и не принимал ничего, кроме немногих книг и церковной утвари для совершения Литургии. Памятуя же о том, что возлюбленный им Господь умер на кресте нагим, он даже и это малое достояние передал в дар одному из своих учеников, указав это в официальном письме за шесть лет до своей кончины. Ему предлагали доходные должности каноника и настойчиво звали к королевскому двору, ибо слава о его жизни и учении гремела повсюду, но он всегда со смирением уклонялся. И хотя он понимал, что при дворе мог бы принести больше плода, поскольку там находится источник правосудия и средоточие всякого правления, однако он желал служить общему благу так, чтобы шум бесчисленных дел, неизбежных при дворе, не нарушал его внутренней сосредоточенности. Он следовал в этом совету, который сам давал проповедникам: «Не имей более чад, нежели молока, и не более дел, нежели сил».

Единственным достоянием, на которое он полагался, были вера и непоколебимое упование на отеческий Промысл Господень. Как-то раз в Кордове, наставляя священников, он показал свою малую Библию и, дойдя до места в Евангелии, где Господь говорит: «Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам» (Мф. 6:33), признался, что подчеркнул эти строки. Доверившись сему обещанию Спасителя, он во всю свою жизнь ни разу не претерпел нужды в необходимом. В подтверждение тому он однажды сказал мне: если бы какой-нибудь геноуэзский купец выдал ему вексель с таким обещанием, он почел бы себя вполне обеспеченным и не сомневался бы, что ни в чем не будет иметь недостатка; насколько же больше должно доверять слову и обещанию Самого Сына Божия, кои столь незыблемы, что, по Его же глаголу, скорее небо и земля прейдут, нежели малейшее из слов Его (ср. Мф. 24:35).

Говорил он также одному из близких учеников, что Господь исполнил на нем буквально то слово, в коем обещает оставившему ради Него имение сторицу уже в жизни сей (ср. Мк. 10:30); ибо не только сам он ни в чем не нуждался, но Господь давал ему много сверх того для помощи и облегчения нужд других. Так мог он повторить вслед за Апостолом: «Мы нищи, но многих обогащаем» (2 Кор. 6:10). С великим усердием радел он о нуждах бедных и приютах; именно он был тем, кто вдохнул жизнь в строительство знаменитого странноприимного дома в Гранаде, что подле монастыря св. Иеронима. Кроме того, всякий, кто желал обратиться или посвятить себя служению Господу, находил в нем прибежище и помощь не только для души, но, когда требовалось, и для тела. Помню, как я сам направил к нему в Гранаду человека, желавшего оставить путь греха, и отец Иоанн принял его со всею благостью и снабдил всем нужным; ибо во всем Господь споспешествовал ему, обогащая ту добровольную нищету, которую он избрал ради Него.

Не довольствуясь лишь нищетою духа, он желал быть нищим и плотью. Посему он радовался бедному и ветхому платью, новое же было ему в тягость. Дошло до того, что архиепископ Гранадский, владыка Гаспар, приказывал своим слугам то и дело выкрадывать у него старый бонет или изношенный плащ, подкладывая взамен новые. Одна благочестивая дама, почитательница отца Иоанна, также устроила, чтобы у него похитили старый плащ и оставили новый. Поднявшись утром и не найдя своего плаща, он стал просить: «Верните мне мой плащ, верните мой плащ!» Никто не желал ему повиноваться, надеясь, что нужда заставит его

смириться с обновой; но и это не помогло. В канун Рождества, когда пришло время идти на вечерню, он надел стихарь прямо поверх своей старой потертой сутаны и в таком виде отправился на праздник. Видя это, ему в конце концов вернули его прежний плащ.

Один из близких учеников спросил его однажды, как он справлялся с нуждою в Севилье в ту пору, когда только начинал проповедовать и не был еще столь известен. Он ответил, что жил в простом домишке вместе с одним священником, не имея никого для услужения; когда же шел совершать Мессу, то просил кого-нибудь из присутствующих помочь ему при алтаре. Что же до пропитания, он говорил, что ел лишь то, что продавали на улицах: молоко, гранаты и иные плоды, — не вкушая ничего, что требовало бы огня; изредка же благочестивые люди подавали ему милостыню, на которую он и покупал сию снедь.

Келья его, постель и всякая вещь, служившая ему, — всё дышало нищетой. Он столь возлюбил сию добродетель, памятуя о бедности, в которой Спаситель, им столь возлюбленный, родился, жил и умер, что всем сердцем желал бы ходить с сумою от двери к двери, подобно истинному нищему, и непременно делал бы так, если бы ученики не удерживали его от того.

Однажды я заметил ему, что блаженный святой Франциск высоко чтит нищету и столь ревностно заповедал её ради двух великих благ: во-первых, дабы пресечь корень всех зол — стяжательство; а во-вторых, дабы инок, довольствуясь лишь самым необходимым, что обрести не составляет труда, оставался свободен от земных уз и мог всецело посвятить себя созерцанию небесного, не имея более никаких дел и связей с миром сим.

На это отец Иоанн ответил мне, что не в том заключалось главное побуждение сего славного подвижника, но в великой и нежной любви, которую он питал ко Христу. Видя, что Господь родился и жил в крайней скудости, что Ему негде было преклонить главу (ср. Мф. 8:20), а прежде всего — созерцая Его нагим на кресте, Франциск не мог примириться с мыслью о том, чтобы жить и умирать иначе, нежели жил и умер его дорогой и возлюбленный Господь.

4. О добродетели воздержания

Воздержание — верная и неразлучная спутница нищеты. Ведь если бедняку изысканные яства недоступны по его скудости, то воздержание не допускает их по своему уставу; так эти две добродетели взаимно поддерживают друг друга. Сей отец хранил то же воздержание, какое Апостол избрал для самого себя, сказав: «Имея пропитание и одежду, будем довольны тем» (1 Тим. 6:8). И Слуга Божий действительно принимал лишь необходимое для поддержания жизни, но никогда ничего лишнего для услаждения чрева. Будучи же зван на трапезу вне своего дома, он, завидев какое-либо изысканное блюдо, тотчас говорил: «Принесите простую еду, принесите простую еду», ибо не желал он ничего, кроме самого обычного кушанья, коего было бы довольно для поддержания сил, потребных для проповеди. Но и в этом он часто терпел лишения, уповая более на силу Промысла Господня, нежели на человеческие средства.

По сей причине, когда он пребывал в Гранаде, будучи весьма слаб и нуждаясь в мясной пище, маркиза де Мондехар, видя, с одной стороны, сколь обильные плоды приносят его проповеди, а с другой — как сильно препятствует им его телесная немощь, говорила, что его следовало бы обязать вкушать мясо в Великий пост, дабы не погубить большее ради меньшего. На что он ответил в моем присутствии так: «Проповедник возвещает и проповедует, что Господь дарует сверхъестественную помощь и милость; посему справедливо, чтобы он свидетельствовал делом о том, что говорит словом, во многих случаях доверяясь Богу, особенно когда земные средства несут в себе некую видимость зла. А именно такую предосудительную видимость было бы для проповедника вкушение мяса в Великий пост, когда сам он призывает от него воздерживаться».

За обычными трапезами он никогда не говорил: «хочу того или этого», но принимал всё, что ставили перед ним, если только то не было каким-либо изыском, о чем мы уже упоминали. Случилось однажды, когда он ужинал в одном из наших монастырей, что ему подали сперва некое блюдо, а вместе с ним сардины, коими он не прочь был бы подкрепиться по окончании первого яства. Но отрок, прислуживавший за столом, по неразумению своему унес это блюдо. Тогда отец Иоанн с обычною своею кротостью сказал ему: «Будь по-твоему».

Сии столь простые слова дают обильную пищу для размышлений; ибо они являют, сколь отрешен был сей отец и сколь свободен от собственной воли, будучи совершенно чужд всякого «хочу» или «не хочу». Ведь он не дерзнул даже ребенку сказать: «Оставь блюдо». Будь на месте отрока взрослый муж, я не столь бы дивился, что отец Иоанн не пожелал обнаружить свое пристрастие к чему-либо; но хранить такое бесстрастие с ребенком — вот что вызывает наибольшее восхищение.

Вино он пил сильно разбавленным водой и всегда сперва пробовал его, дабы убедиться, что оно достаточно разведено. Он памятовал о св. Августине, который в глубоком своем смирении винил себя в том, что, будучи совершенно чужд всякого опьянения, порой всё же преступал меру совершенной трезвости. Посему сей слуга Божий строго следил за тем, что вкушал и пил, дабы сохранить полное самообладание и не иметь препятствий в ученых занятиях и духовном делании. Ведь, по наставлению св. Иеронима, человек и после трапезы должен быть способен к чтению и молитве. На это время он советовал также налагать на себя молчание, ибо ведал, что после еды люди часто распускаются в словах или вступают в споры от разгорячения пищею.

5. О терпении в недугах

От вышеописанных добродетелей перейдем к иным, стяжание коих сопряжено с большим трудом и заслугою, а именно к терпению в скорбях и испытаниях, ибо в них познается истинная проба всякой добродетели. Господь наш не пожелал, чтобы слуга Его отошел из мира сего без венца терпения, и не допустил, чтобы шел он иным путем, нежели тот, коим прошел Сам Спаситель, — путем крестным. Посему мы прежде поведаем о его терпении в недугах, а после о том, как сносил он обиды, что требует еще большего совершенства.

Болезни его начались вскоре после того, как миновало ему пятьдесят лет. Одним из плодов его неустанного проповеднического труда — а наипаче тех долгих речей, кои он произносил с таким жаром и воодушевлением, что заставлял трепетать сердца слушателей, — стало крайнее изнурение всех внутренних органов, правящих нашим телом. Желудок его был совершенно расстроен; к сему добавились боли в боку и почках, а также суставная подагра, причинявшая страшные муки в сочленениях рук и ног; всё же это сопровождалось жестокою лихорадкою.

Близкому ученику, который ухаживал за ним, он признавался, что боли, сколь бы жестоки они ни были, переносить ему легче, нежели лихорадку. Во-первых, и это было главным, потому что Спаситель наш претерпел телесные муки; а во-вторых, потому что жар лихорадки на многие часы затуманивал разум, тогда как самые сильные боли длились около шести часов, и по их миновании он мог молиться, читать и принимать ближних, приходивших к нему за советом. Посему лихорадку он называл не иначе как «преградой» или «помехой» и сокрушался не о страданиях, кои она несла, а о времени, которое она отнимала, препятствуя духовным занятиям; сие он почитал за большее зло, нежели саму боль. В самые же тяжкие минуты недуга он обыкновенно взывал: «Господи, умножь муку мою, но умножь и терпение!»

Однажды он пребывал в крайнем стеснении и тоске от жесточайших болей. В духовном порыве он воскликнул: «О Господи, не могу более!» В то время как врачи применяли свои средства, а присутствующие читали литанию, боль не утихала. Он же говорил стоявшим подле

него: «Братья, так должно быть до тех пор, пока Господу угодно». Позже, когда приступ миновал, он поведал одному из учеников, что и прежде как-то ночью его постигло подобное испытание. Братья, служившие ему, были вконец изнурены и спали; светильник погас, а мука всё росла. Не желая будить учеников, он сносил страдание в одиночестве, но, наконец побежденный силою боли, взмолился Господу, дабы Тот избавил его. Тотчас он забылся коротким сном, а пробудившись, не чувствовал более ни боли, ни тоски. И тогда сказал он ученику: «О, какую пощечину дал мне Господь в эту ночь!»

Сии слова весьма достойны внимания; язык этот неведом «плоти и крови», но его хорошо понимал сей человек Божий. Он ведал цену и заслугу терпения в скорбях и видел, что своей просьбой лишил себя части этого венца; вместе с тем он признавал, что Господь смирил его, дав познать его немощь — ведь он, как человек слабый, отказался нести возложенное на него бремя. Рассуждая об этом, он как-то произнес в разгаре болезни: «Бог столь же дивно [присутствует в участи] болящего в углу, как и в [славе] проповедника на кафедре».

Желающему же узнать, сколь долго длились сии тяжкие недуги, да будет ведомо, что продолжались они в течение семнадцати лет. Сие исполнило меня великого удивления и дало уразуметь, сколь благоугодны Господу нашему скорби, переносимые с терпением. Ибо сей Его слуга многие годы трудился на поприще, столь любезном Богу, как проповедь; он приобрел множество душ, воспитал и наставил бесчисленных учеников, основал школы, трудясь день и ночь и стяжая столько венцов, сколько душ извел он из греха. И вот после стольких заслуг, когда на закате дней ему подобало бы почтить от трудов, Господь наш уготовал ему иные испытания, несравненно более тяжкие, нежели прежние. Ибо в тех трудах обретались радость и утешение, в этих же — лишь жесточайшие скорби.

Это помогло мне понять, сколь велика цена страданий, раз Господь наш столь изобильно наделил ими Своего слугу. Сенека полагает, что напасти и несчастья сей жизни не суть зло, поелику претерпел их Катон, коего он почитал мужем добродетельным. Насколько же с большим основанием скажем мы то же самое, видя, сколь великую долю тягот Господь наш уделил сему великому Своему слуге?

Бог не попускает, чтобы Его благодать и дары оставались праздными. Подобно тому как купцы не желают держать свое золото мертвым грузом в ларце, где оно не принесет прибыли, но пускают его в дело, дабы преумножить, так и Господь наш, видя обильное достояние благодати, стремится дать ей поприще, на коем она могла бы проявиться. И нет поприща более прибыльного, нежели скорби, претерпеваемые с терпением; ибо, по слову Апостола, кратковременные тяготы сей жизни уготовали нам вечное и неизреченное воздаяние (ср. 2 Кор. 4:17).

Среди бесчисленных тому примеров едва ли не самым ярким является подвиг святого мученика Лаврентия. Когда после трехкратного бичевания жесточайшими и многообразными плетями он возвал: «О, благой Иисусе, приими дух мой!», то услышал глас свыше, вещавший: «Еще многие битвы предстоит тебе выдержать». Господь изрек сие, ибо ведал, что святой мученик обладает крепостью и благодатью для еще больших страданий, и дабы не лишился Лаврентий сего приумножения своего венца, Бог даровал ему поприще для еще большего терпения.

Доводом же и доказательством того, что именно в этом кроется причина скорбей, ниспосылаемых Богом Его слугам, служит само их терпение и радость, с кою они их сносят. Ибо милосердный Господь, посылающий испытание, дарует и силы для его преодоления, что мы и видим на примере сего слуги Его.

Сверх всего сказанного должно заметить, что и посреди столь тяжких недугов он по мере сил не оставлял попечения о душах. Он наставлял инокинь в их обителях, о коих радел с особенной заботой как о невестах Господних; многих людей утешал и учил тому, что потребно для спасения. Часто писал он духовные письма, и Господь исполнял их такой благодати и духовного разумения, что строки, вышедшие из-под его пера, становились исключительным врачевством во всякой духовной нужде и скорби. Благодать и сила его слова были столь велики, что он умел утешить и ободрить каждого, кто в том нуждался.

Таковы были его труды среди недугов и скорбей. Но и этим он не ограничивался: всякий раз, когда наступал какой-либо великий праздник, в особенности Тела и Крови Христовых или Божией Матери — к каковым торжествам он питал величайшее благоговение, — он тотчас поднимался с постели, укрепляемый Тем Самым Господом, Который посылал ему болезнь.

Обыкновенно он произносил восемь проповедей, по одной в каждый день октавы Тела и Крови Христовых, и делал это с такой телесной бодростью, что казался совершенно здоровым. Однако затем, по прошествии восьми дней, он вновь возвращался к прежнему недугу. Так продолжалось многие годы; особенно же примечательны были его ревность и сила слова в проповедях, произнесенных на закате жизни.

6. О терпении в поношениях

Хотя терпение в недугах, о коем мы говорили, весьма многоценно, существует и иной его род, стяжание коего требует еще больших заслуг, а именно терпение в обидах и поношениях. Посему Господь не пожелал, чтобы сей Его слуга лишился этого второго, высшего венца терпения. Он пожелал запечатлеть его Своей собственной печатью, дав испить из той же чаши, из которой пил Сам, когда сказал: «Раб не больше господина своего. Если Меня гнали, будут гнать и вас; если Мое слово соблюдали, будут соблюдать и ваше» (Ин. 15:20).

Так и случилось с сим отцом: слова его были клеветнически искажены, и на него был подан донос в Священную канцелярию инквизиции. Его обвиняли в том, будто он затворяет врата спасения перед богатыми, и в иных подобных проступках. Посему инквизиторы Севильи распорядились, чтобы он пребывал под стражей до тех пор, пока дело его не будет расследовано. В ту пору жив был магистр Паррага, ректор нашей коллегии св. Фомы, муж, облеченный великим авторитетом благодаря своей учености, возрасту и святости. Зная добродетель отца Иоанна и те обильные плоды, кои приносило его учение, Паррага — как он сам мне позже рассказывал — настойчиво советовал ему оспорить показания свидетелей, подавших против него донос. Он приводил тот довод, что подобно тому, как человек, защищая свою жизнь, вправе поразить нападающего, так же вправе и он отвести лжесвидетелей, порочащих его имя.

Однако ни этим доводом, ни какими-либо иными магистру не удалось убедить отца Иоанна. Тот отвечал, что всецело уповает на Бога и на свою невиновность, которая и станет ему спасением. Ибо Господь наш, по слову св. Августина, не может полюбить человека, а затем оставить его, наипаче же в час скорби; напротив, в псалме Он говорит, обращаясь к праведнику: «С ним Я в скорби; избавлю его и прославлю его» (Пс. 90:15).

И Господь буквально исполнил Свое обещание на сем Своем слуге: он вышел из горнила клеветы еще более испытанным и оправданным. Инквизиторы распорядились, чтобы в один из праздничных дней он произнес проповедь в той самой церкви, где проповедовал прежде, — в храме Спасителя, величественном соборном храме Севильи.

Едва он взошел на кафедру, как зазвучали трубы под ликование всего города и к великому утешению жителей его. Он же, стремясь исполнить заповедь Спасителя, начал свою проповедь с призыва к слушателям помолиться о тех, кто возвел на него напраслину.

Однако во время сего заточения ни отец Иоанн не пребывал в праздности, ни Господь не оставлял его; ибо в обычае Господнем — утешать тех, кто ради любви к Нему претерпевает скорби, и наделять их утешениями соразмерно перенесенным тяготам, о чем свидетельствует и Псалмопевец (ср. Пс. 93:19). Так, в доверительной беседе со мною об этом времени отец Иоанн признавался, что Господь удостоил его милости, кою он почитал за величайшее сокровище: Творец даровал ему особенное познание тайны Христовой (*misterio de Cristo*). Он открыл ему величие благодати нашего искупления и те безмерные богатства, коими мы обладаем во Христе, дабы иметь надежду, повод для любви, причины для радости в Боге и силы для того, чтобы с ликованием сносить любые испытания ради Него. Посему отец Иоанн почитал сии узы за истинное благо, ибо в них он за немногие дни познал больше, нежели за все годы своих ученых занятий.

В этом мы видим милость, подобную той, что Господь явил пророку Иеремии. Когда тот за проповедь истины был брошен в темницу, Господь утешил его там преславным и радостным откровением, сказав: «Воззови ко Мне — и Я услышу тебя, и открою тебе великое и сокровенное, чего ты не знаешь» (ср. Иер. 33:3). Ибо там Бог открыл ему грядущее восстановление Иерусалима после вавилонского пленения и обновление мира с приходом Христа, о чем величественно и торжественно поведено в тридцать третьей главе книги пророка. Подобным же образом и Господь наш утешил Своего слугу в темнице, даровав ему особенный свет и разумение тайны нашего искупления, которая и есть высшее любомудрие христианской веры.

И после сего не прекращались иные гонения и соперничество; ибо не зря сказал Спаситель: «Если хозяина дома назвали Веельзевулом, не тем ли более домашних его?» (Мф. 10:25). И если зависть столь яростно гнала Самого Господа, что привела Его к смерти, как то уразумел и Пилат, то что удивительного в том, что она преследует и Его учеников? Не напрасно сказал Сенека: «Если ты не нажил врагов, нанося обиды, их создаст тебе зависть» (ср. О средствах против превратностей судьбы, 10).

Так случилось и с сим слугой Божиим: видя его славу и наблюдая великое стечение народа на его проповедях и чувствуя себя в сравнении с ним забытыми, иные проповедники почитали чужое преуспевание за личную обиду. Сердца их грыз червь зависти, пожирающий породившее его чрево, подобно ехидне, что разрывает утробу матери своей. Много подобных противоборств претерпел отец Иоанн, особенно в начале своего служения, пока, наконец, чистотою и подлинностью своей добродетели не победил зависть.

Но никогда из-за сих нападков не терял он мира и ясности душевной; притом не только не говорил худого слова о своих соперниках, но, напротив, всеми силами старался умирить их и вынуть сии терния из их сердец. То же, что враги замыслили ему во вред, становилось для него поприщем для стяжания высших заслуг. Ибо он ведал (о чем не раз писал и проповедовал), что детям Божиим свойственно творить из камней хлеб, а из яда — врачевство, и возрастать в добре там, где другие падают. О том же, сколь великую пользу принесли его душе сии испытания, он сам поведал одному из близких учеников.

7. О его почитании Пречистой Девы

Как сей отец был преданнейшим другом Агнца, так был он другом и той Овцы, что Его породила и вскормила. Я хочу сказать: сколь сильно любил он Сына, столь же сильно любил и

Мать. Ибо столь велико единение и связь между Сыном и Матерью, что любящий одного не может не любить и другую; ведь плоть Сына была воспринята от самого естества и плоти Матери.

Размышляя о достоинстве Сына, он находил в нем доводы для уразумения высоты Владычицы, дабы через величие Рожденного постичь совершенство Породившей. Ибо католическое вероучение и всё богословие превозносят человечество Господа нашего превыше всего, что могут объять умом люди и ангелы. Раз Бог пожелал снизойти и воспринять наше человеческое естество, то оно должно было быть таковым, чтобы стать для Него не унижением, но величайшею славой. Отсюда же мы понимаем достоинство и превосходство Матери: раз Господь пожелал иметь Мать, от Коей Ему надлежало родиться, то и Мать сия должна была обладать такими качествами, что родиться от Нее оказалось для Него не бесчестьем, но величайшею славой.

Особое благоговение питал он и к славному святому Иосифу, Обручнику Пресвятой Девы, празднуя день его памяти с исключительным торжеством. Посему он обыкновенно вверял покровительству святого Иосифа большинство основанных им церквей; так, первый храм, воздвигнутый в нашей коллегии св. Фомы в Севилье, был посвящен именно ему. В коллегии же Общества Иисуса в Монтилье, где ныне покоится прах отца Иоанна, соборный храм также освящен во имя святого Иосифа; так же поступал он и во многих других местах.

Своими заступниками он почитал также славного евангелиста Иоанна и апостола Павла, чьим учением и духом был весьма глубоко преисполнен, о чем мы упоминали прежде. И, наконец, всех святых любил он великою любовью, ибо в каждом из них созерцал сияние славы Божией и со всеми пребывал в союзе духовной любви.

Сей отец всегда с необычайным воодушевлением наставлял верных в этом благочестии. Девам он заповедовал хранить чистоту и девство; и многие из них по его слову оставляя мир (даже те, кто принадлежал к знатнейшим родам), давали обет целомудрия или уходили в монастыри.

Случилось в Севилье, что один знатный человек, терзаемый лютою ревностью, возымел намерение убить свою жену. В великой тревоге пришел он к сему человеку Божию за советом. Они удалились в ближний храм, где отец Иоанн выслушал всё, что тот имел поведать. Однако и после долгих увещаний человек этот не обрел покоя. Тогда отец Иоанн сказал ему: «Глубоко скорблю я о том, что советы мои приносят вам столь мало пользы. Раз вы всё еще пребываете в таком смятении, прошу вас: пойдите к тому образу Пречистой Девы и молитесь Её, дабы Она исцелила вас в этой великой скорби».

Человек тот исполнил совет и тотчас ощутил в сердце своем отраду и избавление от тяготы. Он поспешил поведать об этом отцу Иоанну, и оба они прославили Господа за явленную милость — за то, что Он избавил его от столь великого бедствия и от пагубного ослепления, коим тот был охвачен в отношении супруги.

8. О его благоговении перед Святейшим Таинством Алтаря

Ранее мы упоминали об особенном свете и разумении, коими обладал сей отец в отношении тайны Христовой. Тот же свет и ту же благодать даровал ему Господь и для познания Святейшего Таинства Алтаря. В том нет ничего удивительного, ибо сии две Тайны неразрывно связаны: ведь Тот Самый Господь, Что был принесен в жертву на горе Голгофе, приносит Себя в жертву и во время Мессы.

Благоговение и трепет человека Божия пред сим Божественным Таинством были удивительны; они возрастали вместе с теми утешениями и сладостью, кои он обретал в этом небесном Хлебе.

И хотя обе сии тайны служили ему источником великого назидания и отрады, в отношении первой он обладал верой, пусть и весьма живой, в отношении же второй он, помимо веры, обладал вкусом и опытом (*gusto y experiencia*), почерпнутыми из великих и частых милостей, кои Господь уделял ему в этом Таинстве.

Милости сии были столь велики, что однажды в проповеди он признался: благодаря глубочайшему опыту познания той силы и тех плодов, кои сие Божественное Таинство творит в душах, вера в эту Тайну не только не кажется ему трудной, но, напротив, представляется в высшей степени легкой и отрадной. И как гласит народная мудрость, «всяк о ярмарке судит по своей прибыли», так и он, обретая в сем Таинстве столь великое благо, проповедовал о нем с великим воодушевлением и возвышенно.

Не ограничиваясь устным прославлением, он составил более ста листов рукописи с толкованием на евангельское чтение сего преславного торжества; ныне они хранятся у одного из его близких учеников. Однако не желал он в одиночестве вкушать свой хлеб (ср. Вульг. Иов 31:17), но разделял его со всеми братьями. Я хочу сказать, что он многократно проповедовал, заповедуя частое причащение Святых Таин, и делал это в те времена, когда оно не было в обычае.

Из-за этого претерпел он многие гонения и прекословия как от прелатов, так и от иных особ, коим обычай сей казался странным. А не потому он был странным, что новым — ибо родился вместе с самим Евангелием во времена апостолов, — но потому, что по злобе и небрежению человеческому древнейшее и полезнейшее установление христианской веры стало казаться новшеством. Однако Слуга Божий, движимый не мудрованием мира сего, но живущим в его сердце Духом Истины (ср. Ин. 14:17) и уповая на Него, восстал против всего мирского потока, почитая за благо те бури, что поднялись против него ради этого дела.

Дабы пробудить благочестие в сердцах верных, он, как мы уже упоминали, проповедовал во все восемь дней октавы торжества Тела и Крови Христовых и радел о том, чтобы процессия в сей день совершалась с великим благолепием.

Более того, пребывая в Гранаде, он каждый четверг проповедовал в капелле Святых Даров соборного храма, куда, невзирая на будний день, стекалось множество народа. Желая же еще более укрепить сей благочестивый обычай, он направлял письма Верховным Понтификам, умоляя их постановить, дабы во все четверги года совершалось богослужение в честь Святейшего Таинства. Священникам же он предлагал дружеские поучения, изъясняя им то глубокое смирение и трепет, с коими надлежит приготавливаться к совершению литургии.

Своим же ученикам и тем из них, кто был проповедником, он советовал в поучениях призывать народ к частому приобщению сего Таинства; и этим путем было обретено для Бога и исцелено множество душ. И Господь наш явил великие милости как самому отцу Иоанну, так и всем его последователям в этом деле.

Однако он наставлял призывать к частому причащению с такою осмотрительностью, чтобы при этом принимались во внимание образ жизни, нравы и духовное преуспеяние причастников. Соответственно, благоразумному духовнику надлежало либо чаще дозволять причащение, либо ограничивать его, о чем свидетельствуют и письма, написанные отцом Иоанном некоторым проповедникам по сему предмету. Письма эти исполнены мудрости и духовного рассуждения, коим обладал он благодаря обширному опыту в подобных делах.

Мессу служил он с таким благоговением и слезами, что сообщал сие чувство всем молящимся с ним. И при всем том, что совершал он её столь дивно, признавался однажды своему ученику:

«Лишь одного я желаю: хотя бы в единый из дней совершить литургию как должно». В другой раз он сказал тому же ученику, что, приняв Господа во время мессы, хотел бы более не отверзать уст.

Сие каждый волен истолковать по своему разумению. Св. Бернард говорит, что «уста — это орган, весьма способный к тому, чтобы опустошать сердце»; и, быть может, отец Иоанн выразил теми словами желание закрыть устье печи, дабы огонь любви, возжженный Таинством, не выходил наружу. Или же молвил он так, почитая себя по благоговению своему недостойным, чтобы нечто иное входило в те уста, в кои вошел Сам Бог.

Он также признавался, что всю жизнь желал обитать в доме, где было бы окно, обращенное к Святейшему Таинству. Желание это было плодом любви, которая ни в чем не находит большего отдохновения, чем в присутствии Возлюбленного. Ныне же Господь исполнил это его желание в призывке, ибо он зрит Его лицом к лицу (ср. 1 Кор. 13:12).

И если он так радовался, взирая на Господа, скрытого завесою, под коей Он здесь нам является, то каково же будет созерцать Его без покрова, в самой Его славе и лепоте?

Однажды один из его близких учеников сказал ему: «Отче, о, если бы Иерусалим принадлежал христианам, дабы мы могли со временем переселиться туда, дабы жить и умереть в тех святых местах, где Спаситель совершил наше искупление!» Услышав сие, отец Иоанн с обычною своею безмятежностью ответил: «Разве нет у вас здесь Святейшего Таинства? Когда я помышляю о Нем, всякое желание того, что есть на земле, оставляет меня».

Сии глаголы внятны не всякому, но лишь тем, кому Господь даровал особенный вкус к сему Небесному Хлебу и особое озарение для познания величия любви, явленной нам в нем Спасителем. Ибо Его державное Величество, дарующее блаженство ангелам на небесах, пожелало обитать с грешниками на земле и вселяться в тела и души наши, дабы освятить их и уподобить Себе — сперва в чистоте жизни, а после в высоте славы. И когда человек познает сие не только живою верою, но и на опыте, по особому просвещению от Духа Святого, не удивительно слышать от него, что при одном лишь помышлении о сем Божественном Таинстве всякое земное желание оставляет его.

Жажда ежедневного вкушения сего Ангельского Хлеба была в нем столь велика, что когда из-за тяжких недугов и слабости у него возникла необходимость принимать пищу в два или три часа пополуночи, он исходатайствовал бреше от Его Святейшества, дабы иметь возможность причащаться до этого часа. Сие разрешение было получено для него отцом Сальмероном от Папы Павла IV в 1558 году, коего известили о заслугах и немощах сего слуги Божия. В сем послании Папа дозволил ему совершать Литургию или причащаться из рук иного священника сразу после полуночи.

Наконец, столь велико было его благоговение перед Святейшим Таинством, что само описание его он почитал за род душевного отдохновения и облегчения в своих недугах. И как питал он исключительную преданность сему Таинству, так же был он привержен Тайне Христа и Его Пречистой Матери, о чем мы уже упоминали; он говаривал, что, пожелай он и всю жизнь писать об этих трех тайнах, ему никогда не недостало бы при этом тем для рассуждений.

То же самое утверждал он и о Духе Святом: поскольку непрестанно познавал на опыте Его действие и влияние на свою душу, это рождало в нем великое к Нему благоговение, даровавшее повод никогда не умолкать как о самом Божественном Духе, так и о прочих вышеназванных тайнах. Ибо благоговение, по слову святых отцов, есть язык души; и мы видим, когда она согрета сим чувством, то обретает дар изливать пред Господом движения

сердца глубокие и искренние, к коим остается нема во всякое иное время. Посему нет ничего удивительного в том, что столь великое благоговение святого отца к этим святыням неизменно давало ему обильную пищу для слова.

Часть третья. О плодах его проповеди и средствах, коими они были достигнуты

Глава IV. О проповеди слуги Божия и о плодах, кои она принесла

О муже праведном написано, что будет он как древо, посаженное при потоках вод, которое принесит плод свой в свое время и лист которого не вянет; и во всем, что он ни делает, преуспеет (ср. Пс. 1:3).

Посмотрим же ныне, какой плод принесло наше древо, посаженное при потоках вод Священного Писания, напоенное дождем благодати, оживляемое веянием и дуновением Духа Святого и возделанное трудом и деланием добродетелей. Ибо по достижении столь высокой меры и преуспеяния в сокровенном делании подобало ему отныне приносить плод и служить ко благу ближних.

Обращаясь же к самому началу его проповеднического пути, должно ведать, что блаженный отец, желая посвятить силы и познания служению Господу и назиданию душ, вознамерился избрать для сего место, где было бы более всего трудов и нужды и менее всего мирской чести и рукоплесканий; посему и решил он отплыть в Индии. К тому представился и удобный случай: он сблизился с епископом Тласкалы¹, который пожелал взять его с собою. Посему Иоанн прибыл в Севилью и ожидал там попутного ветра, готовясь к плаванию.

Но Господь наш, избравший его для иного поприща и часто являющий Свою волю чрез преграды, полагаемые воле нашей, воспрепятствовал сему странствию особенным образом. Ибо в те дни, когда слуга Божий ожидал отплытия, он ежедневно совершал литургию в одном из храмов и творил сие с таким благоговением, трепетом и слезами, что отец Контрерас — муж великой чести и добродетели, — приметив то, начал общаться с ним, желая узнать о его намерениях. Проведав же о его намерениях, он стал отговаривать его, убеждая, что и в Андалусии довольно дел и без того, чтобы пересекать океан.

Однако, поскольку он не желал ни отступать от своего намерения, ни оставлять своих спутников, вышеупомянутый отец Контрерас поспешил к владыке Алонсо Манрике, архиепископу Севильи и Великому инквизитору. Он поведал ему о достоинствах сего мужа и о тех плодах, коих можно было ожидать от него в епархии, убеждая архиепископа призвать его и ради святого послушания обязать остаться в ней.

Когда же отца Иоанна призвали к архиепископу, он вновь привел все свои доводы и всячески пытался уклониться, сколько было в его силах. Но в конце концов Святой Дух, нередко открывающий волю Свою чрез святителей, столь расположил к нему архиепископа, что тот повелел ему в силу святого послушания остаться в его архиепископстве; и так он остался. Вслед за тем архиепископ велел ему выйти на проповедь; и хотя Иоанн оправдывался тем, что в этом деле он еще новичок, ему всё же пришлось повиноваться. Первая его проповедь была произнесена в храме Спасителя в день святой Марии Магдалины в присутствии архиепископа и иных знатных мужей.

Позже отец Иоанн признался одному из учеников, что перед тем как взойти на кафедру, он пребывал в великом стеснении и был снедаем сильным смущением. В таком состоянии он возвел очи к Распятию, что находилось пред ним, и молвил: «Господи мой, ради того

бесчестия, которое претерпел Ты, будучи обнажен пред распятием на Кресте, молю Тебя: избавь меня от чрезмерной робости и даруй мне слово Твое, дабы этой проповедью обрел я хотя бы одну душу во славу Твою».

И Господь внял его молению. Позже отец Иоанн говорил ученику, что то была одна из самых сильных и плодотворных его проповедей; слушатели же были глубоко поражены тем огненным воодушевлением, с коим он обращался к ним.

Итак, начал он проповедовать с прежним своим пылом, и слово его глубоко уязвляло сердца слушавших его. Тогда к нему присоединился вышеупомянутый отец Контрерас, а равно и некоторые добродетельные клирики, кои в дружеском общении с ним почерпнули великую пользу из его учения.

Проповедовал он также и в приютах, и множество народа следовало за ним. Вместе с тем он начал наводить порядок в школах для детей и возвещать на площадях основы христианского учения; в сем служении пребывал он в Севилье на протяжении некоторого времени.

Поелику же проповедники суть облака, как называет их Исаия (ср. Ис. 60:8), кои орошают разные земли всюду, куда направляет их воля Верховного Правителя — о чем написано в Книге Иова (ср. Иов. 37:11–12), — то из Севильи отец Иоанн направился в иные пределы того же архиепископства: в Алькалу-де-Гуадаиру, Херес, Пальму и Эсиху. В этих местах провел он около девяти лет, начав свое проповедническое поприще в возрасте двадцати восьми или тридцати лет; и повсюду приносил он дивные плоды, обращая ко Господу многих, сколь бы черствы и ожесточенны ни были их сердца.

Однажды я сам слышал, как в проповеди он обличал нечестие тех, кто ради скотского наслаждения не колеблясь оскорбляет Господа нашего, приводя для сего слова пророка Иеремии: «Подивитесь сему, небеса, содрогнитесь и ужаснитесь» (Иер. 2:12). И истинно говорю: произнес он сие с такой грозной силою духа, что, казалось мне, сами стены храма содрогались. Описать же все плоды, кои приносили его проповеди, было бы делом долгим, хотя далее мы еще коснемся некоторых из них особо.

Миновав оные края, прибыл он в Кордову в те годы, когда епископскую кафедру занимал владыка Хуан де Толедо; там он на протяжении многих дней продолжал проповедническое служение при огромном стечении народа и к общему назиданию. И когда закинута была мрежа Евангельская, вошло в нее множество «рыб» из людей всякого звания — как благородных мужей и клириков, так и иных лиц меньшего чина.

Пребывал он там и во времена епископа Кристобаля де Рохаса, по чьему совету устроил в том городе коллегия добродетельных священнослужителей, дабы оттуда они могли исходить на проповедь в окрестные селения.

В то время в городе состоялся собор, на котором отец Иоанн проповедовал отдельно лишь для клириков; им желал он послужить более, нежели кому-либо иному, поелику они суть служители таинств и слова Божия. И с такою ревностью и порывом проповедовал он им, вкладывал в слово столько пыла и духовной силы, что многие сердца тогда сокрушились и преобразились. Ибо одни положили твердое намерение исправить свою жизнь, другие же решили последовать за ним и вверить себя ему в ученичество.

Тех же, в ком он приметил особую остроту ума, он отправлял на учение в Саламанку. По окончании же наук они возвращались к отцу и, еще более преуспев подле него в познании истины и в благочестии, направлялись им в разные края для проповеди и исповеди. И было их много, и великую пользу принесли они Церкви.

В это же время он устроил в достославном граде Кордове, издавна славном великими умами, преподавание свободных искусств и богословия; лекторами же поставил своих учеников. Сие продолжалось до тех пор, пока отцы Общества Иисуса не основали там свою коллегия, и это служение перешло к ним. Сам же он ежедневно пополудни читал лекции по Священному Писанию при великом стечении народа и к вящей пользе слушателей. Поистине примечательно было видеть, как много трудился он в этом городе и сколь дивно просияли дела его.

¹ *Тласкала (в тексте — Tascala, старинное написание) — город и провинция в центральной части Мексики, к востоку от Мехико. В XVI веке, когда происходит действие этой главы, Тласкала была одним из ключевых центров Новой Испании. Индейцы-тласкальтеки были главными союзниками Эрнана Кортеса в завоевании империи ацтеков. За это Тласкала получила от испанской короны особые привилегии и статус самоуправляемой провинции. Там была основана одна из первых католических епархий в Америке. Епископ, о котором идет речь в тексте (вероятно, Хулиан Гарсес), искал образованных и ревностных священников для евангелизации новых земель. Св. Иоанн Авильский хотел отправиться именно туда, потому что это была «передовая» миссии — место, где требовалось огромное самоотречение и труд, но где не было мирской славы.*

1. О том, как он проповедовал в Гранаде

Из Кордовы он отправился в Гранаду и оказался там как раз в те годы, когда архиепископскую кафедру занимал владыка Гаспар де Авалос — великий святитель и слуга Божий. В сем граде Господь словно обновил дух его; ибо, воодушевленный плодами, кои принесла его проповедь в Кордове и иных местах, и обретя новую надежду при виде добродетели и благочестия местного прелата, он с новыми силами посвятил себя труду проповеди.

В самом начале сего поприща добрый пастырь, уразумев превосходство и действенность его учения, радовался, что Бог даровал ему такого помощника в несении его собственного епископского бремени. Вскоре он поселил отца Иоанна в отдельных покоях своего дома и прибегал к его совету во всяком важном деле.

Здесь начал сей отец проповедовать с обновленным пламенем и силою духа, и плоды соответствовали понесенным трудам; ибо многие пожелали стать его учениками. Особенную же пользу принесло его слово учителям и докторам городской коллегии, из коих многие вступили с ним в доверительное общение, почерпывая благо в его учении и полагая начало новой жизни. Поскольку же град Гранада весьма обширен и в нем обретается множество духовенства и школяров, многие из них преуспели в духе чрез его наставления. Тому споспешествовала и ревность владыки, чье благочестие во всем покровительствовало добродетели; помогал и пример многих особ, кои, внимая его слову, явили образцы высокого совершенства. Благодаря всему этому в народе утвердился обычай частого причащения Святых Таин. Наиболее же близкие ученики разделяли с отцом Иоанном стол в его малой трапезной.

Также была здесь устроена коллегия для клириков, преданных молитвенному сосредоточению, дабы несли они свое служение во всем архиепископстве, и иная — для детей, коих обучали там началам христианского учения. Я мог бы перечислить здесь имена многих выдающихся мужей, чьих сердец коснулся Господь и кои стали впоследствии докторами богословия, принеся великую пользу Церкви своим примером и учением; но поскольку многие из них еще живы, я почел за лучшее не называть их поименно. А из-за того, что в этом городе сии и подобные начинания совершались столь благоуспешно, отец Иоанн, радуясь плодам своих трудов, называл сей град не иначе как «моя Гранада» — столь дивно просияло в нем его делание. Видно было, что сама десница Божия зримо направляла сие дело, покровительствуя верному

слуге Господню, который день и ночь не помышлял и не говорил ни о чем ином, кроме как о преумножении славы Его.

Видя, какие плоды приносит Церкви учение сего отца, благочестивейший архиепископ настойчиво желал всегда иметь его подле себя. как ради мудрых советов, так и ради блага душ. Он увещевал его: «Брат Учитель, оставайтесь с нами; да будет вам ведомо, что здесь вы премного послужите Господу нашему». На что тот отвечал: «Преосвященный владыка, я со всею готовностью исполню волю Господню, как и подобает». Но архиепископ, не удовлетворившись столь общим ответом, всячески давил на него, дабы тот дал ему твердое слово. Однако ни настойчивость, ни предложение занять место магистра-каноника, коего тогда недоставало собору, не могли понудить его распорядиться собственной участью, ибо он сознавал, что не принадлежит себе, но всецело — Господу, избравшему его для сего служения.

Он разумел: облеченным сим званием надлежит внимать лишь воле Господней и сообразно ей определять свое местопребывание и пути. Посему сей слуга Божий не желал связывать себя ни обязательствами, ни обещанием оставаться на одном месте, как поступают многие, отчего проповедь их приносит мало плода. Ведь случается так, что в одном месте учение избыточествует, в других же его недостает; при этом одни пресыщаются от излишества, другие же гибнут от духовного голода. Помимо же любви к ближнему, побуждать проповедника к перемене мест должна и та свежесть восприятия, и те плоды, кои рождаются у новых слушателей при встрече с новым наставником.

2. О том, как он проповедовал в Баэсе

Когда сей виноградник Господень в Гранаде был, в меру сил его, уже возделан, отправился отец Иоанн в Баэсу, дабы проповедовать там и основать знаменательную коллегия, для коей один знатный и богатый человек оставил достаточные средства. И видя, что в том городе издавна свирепствовала кровавая вражда между родами Бенавидесов и Карвахалей, приведшая к многим смертям и кровопролитию, Господь наделил слово Своего слуги, столь горько сокрушавшегося о погибели душ, такой благодатью и силой, что он сумел во многом умирить враждующие стороны. И то, чего не могла дотоле свершить десница короля, совершила рука сего бедного клирика с помощью Божией.

Наряду с сим столь дивным плодом, последовало и обращение многих рыцарей, знатных господ и простых горожан, ибо слово Божие в устах сего слуги Его, где бы он ни проповедовал, было огнем, воспламеняющим сердца, и молотом, сокрушающим твердыню ожесточения — ведь именно эти два имени Бог дал слову Своему чрез пророка Иеремию (ср. Иер. 23:29).

И свершилось здесь нечто достославное: в одном из знатных домов, где прежде собирались сторонники враждующих сторон и затевались раздоры, была основана процветающая коллегия, ставшая со временем университетом с правом присвоения ученых степеней. Поелику же блаженный отец всегда ревностно желал, чтобы дети в нежном возрасте — прежде чем в них пробудится лукавство — наставлялись в основах веры и добрых нравах, он распорядился устроить там для этой цели школу.

Дабы же университет сей стал училищем не только наук, но и добродетелей, без коих познания малополезны, отец Иоанн призвал на помощь в устройении сего училища тех выдающихся своих учеников, кого оставил прежде в Гранаде. Подобно тому как Спаситель уподобляет Царство Небесное зерну горчичному, которое, будучи малейшим из семян, становится деревом (ср. Мф. 13:31–32), — то же явлено было и при основании сего заведения: возникнув как частная коллегия, он возрос в университет, куда ныне из всех пределов многолюдного нашего

края стекается великое множество школяров. Важнее же всего то, что учителя, основавшие университет, были духовными чадами и ближайшими сподвижниками отца Авила; вскормленные его учением и перенявшие его образ проповеди, они принесли в оном краю обильные плоды и стремились воспитать своих учеников в том же духе. Посему из университета вышли мужи, славные и в науках, и в добродетели, кои своим учением и примером послужили ко благу многих мест в Хаэнском епископстве. Так зерно горчичное, бывшее столь малым, стало деревом и простерло свои ветви во все пределы оные.

К устройению сего дела блаженный отец стремился с великим рвением, ибо с первых шагов своего проповеднического пути он понимал: правое наставление необходимо как для обучения юношества, так и для воспитания добродетельного клира. Размышляя о сем и видя, что от мира не приходится ждать содействия в таком благе, он говаривал: «Видно, суждено мне унести сию мечту с собою в могилу». Однако же, когда в ту пору до него дошли вести об уставе отцов Общества Иисуса, который во всем отвечал его чаяниям, дух его преисполнился великой радости. Он узрел, что Господь наш чудесно устроил в совершенстве, незыблемости и твердости то самое дело, которое сам он мог совершить лишь на краткое время и со многими несовершенствами.

3. О том, как он проповедовал в Монтилье

В одну из Четыредесятниц отец Иоанн проповедовал в Монтилье столь пламенно и плодотворно, что, по свидетельству доньи Тересы, сестры маркизы, последовало более пятисот общих исповедей. Подтверждая свои слова, она добавляла, что доподлинно знала о сем, ибо многие обращались к ней с просьбою подыскать им духовников: так велико было рвение к покаянию, и вызвано оно было не юбилейным годом, но тем глубоким действием, которое слова сего слуги Божия возымели в сердцах людских.

Оттуда он вернулся в Кордову, а в 1546 году отправился в Сафру, где проповедовал, стяжая, как и всегда ранее, духовные плоды как среди простого народа, так и среди владельцев тех земель. Хотя сии вельможи и были людьми благочестивыми, они обрели великое назидание от учения и примера святого отца. Граф дон Педро, ныне пребывающий в небесной славе, общался с ним весьма близко и остался столь высокого мнения о его рассудительности и уме, что не раз говаривал: за какое бы общественное поприще ни взялся сей отец, он достиг бы в нем совершенства, ибо разум его наделен всеобъемлющей пронизательностью. И это было закономерно, ибо таковым и надлежало быть сосуду, который Господь пожелал наполнить сокровищами Своих милостей.

Сей знатный господин так пекся о спасении души, что когда ему предложили высокую должность старшего мажордома при принце, ставшем впоследствии и ныне являющемся нашим королем, он отклонил это предложение, вопреки настояниям друзей и близких. К слову, этот почетный пост занимал некогда герцог Альба. Граф же поступил так не только из-за слабого здоровья, но и страшась искушений, коими придворная жизнь и столь высокое положение грозят душе.

Не меньшую пользу обрела и госпожа графиня де Фериа, внимая учению слуги Божия. Он часто наставлял её как на исповеди, так и в беседах, преподавая ей правила и советы, что потребны для жизни совершенной. Так, ещё пребывая в супружестве, она была направляема Господом к тому совершенному пути, коего чаяла в иночестве на случай, если бы Богу было угодно призвать графа прежде неё. К сему вели её и постоянные недуги супруга, из-за коих сия дама в годы замужества была более сиделкой, нежели женою.

Святой отец задержался в оном городе еще некоторое время, видя, сколь глубоким почтением прониклись к нему господа тех земель и с какой готовностью вверяли они его суждению и совету как управление своими владениями, так и попечение о душах. Посему он неизменно проповедовал по всем воскресным и праздничным дням. Здесь же он позаботился о наставлении детей в началах веры, ибо во всяком месте, где только мог, он заводил подобный порядок и строго заповедовал то же самое своим ученикам, когда посылал их в разные края проповедовать и исповедовать.

Овдовев в возрасте двадцати четырех лет и томясь в ту пору от непрерывной горячки, госпожа графиня осталась неколебима в своем прежнем решении принять постриг в обители св. Клары в Монтилье, монастыре весьма славном и строгом. Она приняла сей новый чин и иноческое облачение с такой готовностью и благоговением, что позже призналась мне: «Сама душа моя облеклась в сие одеяние». Вот с какой искренней радостью приняла она этот образ, ликуя, что окончательно простилась с миром и обрела приют среди невест Христовых.

Когда же госпожа маркиза увидела её в иноческом облачении, она пришла в великое волнение: представшая картина вновь воскресила в её памяти кончину горячо любимого сына и напомнила о переменах в жизни не менее дорогой её сердцу графини, так что она не могла более сдерживать слез. Тотчас поспешила она к отцу Авиле, умоляя его отменить содеянное. Но святой отец, которого не могли поколебать плотские слезы и который доподлинно ведал о подлинном призвании графини, переговорив с нею, утвердил её в святом намерении, маркизу же утешил, сколько было в его силах.

Здесь мне представляется повод сказать несколько слов об этой преподобной инокине — не ради неё самой, но ради отца Авилы, чье житие я описываю, и ради того участия, коим он определил её намерения и жизнь. Сенека писал своему близкому другу Луцилию, коего он наставлял в добре: «Я заявляю на тебя права: ты — моё творение» (Нравственные письма к Луцилию, 34). Этими словами он давал понять, что добродетель друга была плодом его собственных трудов, ибо его учение наделило того высоким достоинством мужа добродетельного.

Сообразно сему я скажу: хотя величие рода и благородство сословия сия дама унаследовала от своих предков, однако же её духовное естество, сверхъестественное и божественное, в великой мере — плод учения и наставлений блаженного слуги Божия. Видя, сколь предуготовлена была почва её сердца для сеяния слова Божия, он исполнил здесь долг доброго делателя; и жатва добродетелей оказалась столь обильной, что ныне она ведома каждому.

Сознавая, что всё её духовное естество, все милости и утешения, коими Дух Святой посещал её, были ниспосланы чрез наставления сего отца, она питала к нему столь глубокое почтение, что в каждом письме ко мне прежде всего молила Господа сохранить его жизнь. Ибо родичей своих она любила как сродников по плоти, его же — как отца своего духа. Первых она любила умеренно и с оглядкой, сего же — как слугителя Божия — со всею преданностью. Общение с близкими она ограничивала, дабы не обременять сердца, кое желала хранить лишь для Господа; беседы же с наставником искала, ибо в нем любила Самого Бога.

Оттого, когда у дочери госпожи маркизы родился сын, и все ликовали о новом наследнике, дарованном Богом сему дому, она написала мне в письме: «Малый сей кумир уже явился на свет; молитесь же Господа, дабы не занял он слишком много места в моем сердце».

На сем примере благочестивый читатель может уразуметь, сколь высоко и достославно духовное естество человека. Дабы постичь сие, должно знать, что в праведном муже сокрыты два рода бытия: природное и сверхъестественное. Одно проистекает от природы, другое — от

благодати; первое мы наследуем от родителей, второе же приемлем от Духа Святого. Одно соделывает нас сынами человеческими, подобными отцам в земной жизни и наследниками их тленных благ; другое же делает нас чадами Божиими (ср. Ин. 1:12; Рим. 8:16), подобными Ему в чистоте жизни (ср. 1 Ин. 3:2–3) и наследниками Его вечной славы (ср. Рим. 8:17; Гал. 4:7).

Здесь со всей ясностью открывается превосходство одного бытия над другим, ибо одно — человеческое, а другое — божественное. Посему не стоит дивиться, что душа, обретшая сие духовное естество чрез учение, пример и молитвы наставника, питает к нему более глубокое благоговение, нежели к родителю по плоти. Ибо от духовного отца она получила благодеяние неизмеримо более великое, и потому справедливо, что она отвечает ему куда большей преданностью и благодарностью.

Об этой госпоже я не могу сказать более того, что относится к жизни отца Авилы; ибо похвала плодам служит к прославлению их первопричины. Однако не могу умолчать о том, что государыня императрица, пребывая в Лиссабоне, вопрошала меня, знаю ли я сию инокиню; на что я ответил, что знаю её давно. Тогда Её Величество вручила мне собственноручное письмо к ней и бесценную частицу Святого Древа в богатой оправе, прикрепленную к большим четкам, и велела отослать ей сие с просьбою, дабы и инокиня прислала Её Величеству что-либо свое.

Я исполнил поручение, и преподобная инокиня отписала мне, что приняла дары; однако же просьба государыни привела её в великое смущение. Ибо не подчиниться воле августейшей правительницы было бы тяжким проступком, но послать нечто свое, словно святую реликвию, значило бы впасть в грех тщеславия. В сем затруднении она нашла мудрое средство, коим отвела хвалу от себя и обратила её на своего отца Авилу. Взамен просимого государыней, она отослала ту дивную проповедь, которую помянутый отец произнес в день её пострига, тридцать лет тому назад. Так сия благоразумная дама уклонилась от почестей и исполнила просьбу.

Из сего мы можем уразуметь, насколько добродетель дороже знатности рода, ибо именно за свои добродетели сия госпожа удостоилась столь великой милости и чести от Её Величества.

4. О некоторых примечательных призваниях знатных особ, совершившихся чрез учение сего отца

Доселе мы вели речь о местах, где проповедовал сей отец, о действенности его учения и о многих людях всякого звания, кои чрез него вверили себя Господу нашему. Ибо слово Божие в устах его было, по речению Апостола, мечом обоюдоострым (ср. Евр. 4:12), коим он со всею силою пронзал сердца слушающих. Муже же рассудительные говаривали, что речь его необычайна и весьма отлична от речей иных проповедников.

И хотя, перечисляя края, где он благовествовал, мы уже в общих чертах упоминали об обращениях тех, чьих душ Господь коснулся его словом, ныне я счел за благо описать некоторые наиболее примечательные из них особо. Пусть предстанут они пред нами как духовные триумфы слова Божия, покорившего не тела, но сердца людей и изведшего их из пленения князя мира сего (ср. Ин. 12:31; Еф. 2:2).

5. О донье Санче

Среди упомянутых нами лиц на первое место мы поставим донью Санчу, законную дочь владетеля Гвадалькаса. Она проживала в Эсихе и должна была вскоре стать фрейлиной королевы, ибо обладала благоразумием и иными достоинствами, кои мир ценит в подобном звании. Но Господь наш заметил её для иного, высшего удела — соделать её Своею невестою (ср. 2 Кор. 11:2).

Началось же сие с её решения исповедаться у блаженного отца. Когда она вошла в исповедальню, её тафтяное покрывало громко зашуршало; за что отец сурово укорил её, спросив, почто является она в столь суетном блеске, когда должно ей в сокрушении оплакивать грехи свои? Позднее она, шутя, говаривала отцу: «О, как же вы тогда "отделали" моё покрывало!» Сия исповедь возымела столь чудесную силу, что до основания сокрушила всё то здание суеты, которое мир на столь глубоких основаниях воздвиг в её сердце. И воистину, наблюдая столь великую и внезапную перемену, мы можем с полным правом назвать её чудесной.

Блаженный святой Бернард, благовествуя во Фландрии, обратил ко Христу одного знатного господина по имени Ландульф, убедив его оставить мир и принять иночество в Клервоской обители. Когда же настал час облачить его в хабит, святой изрек, что обращение Ландульфа — не менее дивное дело Божие, нежели воскрешение Лазаря (ср. Ин. 11:43–44). То же самое мы можем с полным правом сказать и о преображении сей дамы.

Удалившись в сокровенный покой отчего дома, она вела жизнь истинно подвижническую, пребывая в непрестанной молитве и изнуря плоть долгими постами, власяницей и бичеванием (орудия коего были обнаружены лишь после её кончины). Она соделала себя живою жертвою всеожжения (ср. Рим. 12:1), целиком пламенеющей во славу Божию. Поелику же Господь поедает Свою благодать в меру готовности и расположения души, то соразмерно её усердию Он и посещал её Своими щедрыми милостями, утешениями и дарами.

Сам отец Иоанн не раз поминал её глубокое смирение, послушание и любовь; в подтверждение же сих добродетелей он рассказывал о тех великих милостях, коими Господь удостоил её, открывая ей дивные тайны и предвозвестив ей как саму её кончину, так и всё, что должно было свершиться во время её болезни.

Было бы негоже умолчать здесь о примечательном случае, происшедшем со мною в ту пору, когда она пребывала в родительском доме, терзаемая тяжким недугом; в нем во всей полноте открылись крепость и величие её духа. Она призналась мне, что её мучит сомнение, не стала ли она сама виновницей столь долгой и мучительной болезни? Я просил её поведать о причинах таких мыслей, дабы рассудить, есть ли в том её вина.

Она ответила, что болезнь могла произойти от двух причин. Первой было то, что в тридцатые годы (XVI века — пер.) долго не было дождя, и земле грозил великий неурожай и голод. Она столь сильно сострадала беднякам, что предложила Господу нашему свое здравие и самую жизнь за них, моля Его ниспослать ей любую болезнь по Его воле, лишь бы утолить нынешнюю нужду народа. В том, по её мнению, могла крыться причина её тяжкого состояния.

Вторую же причину, достойную того, чтобы внимать ей во славу благодати Христовой и веры, столь ненавидящей грех, она изложила так. Когда она подверглась жестокому искушению духом блуда — тем адским дыханием, коим враг раздувает угли наших страстей, — и видя, что под угрозой чистота ее девства, обещанного Жениху, она исполнилась такого негодования против плоти своей и злого духа, что не удовольствовалась обычными : крестным знаменем и молитвой. Вспомнив, как св. Бенедикт в подобной брани победил врага, бросившись нагим в терновник и врачуя ранами тела раны души, и как достославный отец св. Франциск в таком же противоборстве восторжествовал над врагом иным, необычайным образом — выйдя нагим в зимнюю стужу и слепив огромный ком снега вместе с малыми, говоря: «Франциск, эти малые комья — твои дети, а сей большой — твоя жена; обними же её», и тем самым холодом тела угасил огонь, разожженный врагом; так вот, помышляя о сих героических деяниях и укрепляемая тем же духом, наша дева погрузилась в огромный сосуд с холодной водой. Так, охладив плоть, она угасила пламя, коим распалаял её враг, и оставила его посрамленным и в

смятении, ибо своими кознями он лишь дал случай к славной победе той подвижнице, которую надеялся в этой брани одолеть.

На сем примере благочестивый читатель может уразуметь высоту духа сей невесты Христовой; равно и то, сколь велик страх совершенных христиан пред оскорблением Бога и сколь удивительна их ненависть к греху, раз решаются они на столь крайние меры, дабы не впасть в него. Ибо, вне всякого сомнения, именно сие и послужило причиною болезни девы Христовой: одним из тягостных проявлений её недуга было то, что, сколько бы теплых одежд ни возлагали на её ложе, она никак не могла согреться. Видимо, тот великий холод до такой степени пронзил всё её естество и завладел им, что никакие покровы не могли вернуть ей тепла.

Для сей невесты Христовой отец Авила и написал превосходный трактат «Audi, Filia», поучениям коего весьма сообразно следовать пребывающим в девическом чине. Она столь дорожила этим трудом, что называла его не иначе как «сокровище мое». Позже, уже после её кончины, отец Иоанн расширил и обогатил его столь многими вескими и благочестивыми изречениями, что ныне книгу сию по праву можно именовать великим сокровищем.

На том мы и завершим рассказ о сей девице.

6. О донье Леоноре де Инестроса

В той же Эсихе жила некая знатная госпожа, ревностная ученица блаженного отца и супруга Тельо де Агилара, владетеля известного в том городе майората. Звали её донья Леонора де Инестроса, и была она высокого и благородного рода. Но она предпочла сменить сие мирское звание на иное, еще более славное: в письмах ко мне она неизменно именovala себя «доньей Леонорой Прободенного бока», поелику питала величайшее благоговение к сей прекраснейшей розе.

Отец Авила часто гостил в доме этой госпожи, и на ней исполнилось слово Спасителя: если в доме, где вас примут, обретется сын мира, то на нем почиет мир ваш (ср. Лк. 10:6); сиречь таковой соделается соучастником ваших благ и даров.

Я поведаю о двух примечательных случаях, касающихся сей госпожи. Первым было то, что когда в полдень скончалась её дочь лет одиннадцати или двенадцати, я, бывший при том, предложил предать её земле в тот же вечер, ибо опасался той скорби, которую испытала бы мать, проведя всю ночь в доме подле тела усопшей. На это она ответила: «Отче, к чему мне страшиться того, чтобы всю ночь под моим кровом покоились святые мощи? Ибо именно таково тело сей малютки».

И призналась она мне после, что столь великое утешение приняла душа её от помышления о том, что дочь её отныне вкушает блаженство общения с Богом, что никакими словами того не изъяснить. Еще добавила она, что великую тягость доставили ей дамы, пришедшие в тот час навестить её; ибо они мешали ей сполна предаться тому великому утешению, в коем она желала бы пребывать день и ночь.

Миру не понять сего языка. Но его разумел Апостол, увещевавший христиан не подражать язычникам, кои оплакивают своих усопших, не имея надежды на иную жизнь (ср. 1 Фес. 4:13); христианин же, сопричастный духу сей госпожи, радуется в твердом уповании на жизнь грядущую.

Она поведала мне и о другом примечательном случае. Когда настал ей срок разрешиться от бремени, отца Авилы не оказалось рядом — а ведь прежде он, в признательность за гостеприимство, всегда подкреплял её в такие часы своими молитвами. Ощувив себя лишенной

привычной помощи, она с глубочайшим смирением обратилась духом к Господу нашему. И Господь, благоволящий вознаграждать за приют, оказанный Его служителям, Сам стал для неё тем добрым гостем. Она со всею искренностью подтвердила мне, что в самый разгар родовых мук, обыкновенно чрезвычайно тяжких, не испытала никакой боли: Господь по особому Своему Промыслу и любви к сей благочестивой душе освободил её от того наказания, на которое при родах осуждены все жены (ср. Быт. 3:16).

Сия госпожа была весьма боязненной совести; и хотя она часто повторяла, что Господь наш любит её, сама она постоянно сомневалась, довольно ли любит Его в ответ. Посему отец Авила писал ей многие письма, дабы умерить сии чрезмерные страхи и укрепить её упование; письма сии ныне изданы в собрании его трудов. Среди них обретается и то превосходное послание, помещенное в конце первого тома его «Эпистолярия», коим он столь действенно ободряет души унывающие и малодушные.

Причащалась сия госпожа с великим благоговением и со свойственным ей разумением говаривала, что в день причастия питает особенное благоговение перед чревом своим, ибо в недра его сподобилась принять несравненное Величество Божие.

При всех её великих добродетелях не пожелал Господь наш, дабы отошла она из жизни сей без высокого венца терпения. Ибо за пять лет до кончины в персях её зародилась раковая язва; во всё сие время она исподволь подтачивала её, исполненная столь зловредных соков, что разъедала самые грудные кости, а достигнув сердца, положила предел её жизни. Причина же, по коей Господь наш порой посещает великих Своих слуг таким испытанием, в том и состоит, дабы не лишить их славного венца терпения, когда узрит Он в душе довольно добродетели и благодати, дабы снести сие бремя.

7. О другой госпоже, донье Марии де Осес, и о доне Антонио де Кордове, доне Диего де Гусмане, отце Хуане Рамиресе и святом Иоанне Божиим

Покинем же Эсиху и направимся в Кордову, где блаженный отец, помимо иного, о чем помянуто было в надлежащем месте, совершил одно из славнейших деяний, когда-либо виденных в наши времена. В проповедях своих он часто обращался к женщинам, кои по причине нищеты пребывали в грехе; он повторял им те слова, с коими сыны пророков зывали когда-то к Елисею: «Смерть в котле, человек Божий, смерть в котле!» (ср. 4 Цар. 4:40). И так восклицал он: «Бедная, несчастная душа! Смерть в твоём котле! Смерть в том самом котле, коим ты питаешься! Яд — то, что ты вкушаешь, и несёт он с собою не временную смерть, а вечную!»

Сими и подобными им словами, остро уязвлявшими сердца, среди прочих была тронута одна благородная дама, которую нищета ввергла в столь бедственное положение, что она уже многие годы состояла в греховной связи с неким знатным мужем, от коего имела троих детей.

Но Господь наш, чье милосердие беспредельно, коснулся сердца этой женщины столь глубоко, что она всей душой решила оставить сей путь погибели. Однако она не находила к тому возможности как по причине своей нищеты, так и оттого, что тот муж был могуществен и за долгие годы обрел над нею великую власть.

Узнав о том и убедившись в твердости намерения дамы, отец Авила, уповая на Бога, решился извлечь сию душу из греха. Для совершения сего дела потребовалось немалое искусство и мужество, а также великие усилия, ибо противник был весьма могуществен; он рычал, точно медведица, у которой похитили медвежат, и грозил смертью и иными бедами. Но, невзирая на всё это, святой отец не отступил от своего замысла.

Сперва женщина покинула свой дом и укрылась в монастыре св. Марфы, а оттуда отец велел перевезти её в Монтилью, дабы она пребывала в безопасности под защитой и покровительством маркизы де Плиего. А поскольку опасались, что тот муж, повсюду имевший своих соглядатаев, нападет на неё в пути с вооруженным отрядом, отцу пришлось исполнить долг доброго военачальника: он снарядил конную стражу и призвал судебного пристава, дабы вывести её из Кордовы и препроводить в вышеназванное место.

Поскольку же и там она не была в полной безопасности от козней врага, отец Иоанн распорядился перевезти её в Гранаду. Там, под его неусыпным водительством, она неуклонно следовала путем добродетели и достигла столь высокого совершенства, что по совету самого наставника, который обычно был весьма скуп на дозволения к частому причащению, сподобилась принимать Святые Тайны ежедневно с великою пользою для души. И так мы можем сказать, что в ней исполнилось слово Писания: где преизбыточествовал грех, там преизобиловала благодать (ср. Рим. 5:20).

В таком святом устроении она пребывала тридцать лет, до самого своего блаженного преставления. Всё это время, до последнего её вздоха, отец Иоанн со всяким тщанием заботился о ней, с неизменным постоянством и верностью опекая душу, которая, вверившись его слову, отдала себя в его руки. Ради сего спасения она отринула негу, в которой жила прежде, и, что несравненно труднее, оставила любовь к дочерям своим и малому сыну, коего нежно и трепетно любила.

И хотя вначале это дело сопряжено было с великими трудностями и угрозами, опасениями перед мирским злословием и судами, а равно и с немалыми издержками, коих требовало сие предприятие, отец Иоанн, преисполненный упования на Господа, не остановился перед расходами, не убоился поношения, не утрастился опасности и не уклонился от труда. Напротив, закрыв очи для всяких судов человеческих и открыв их лишь для Бога, он совершил сей славный подвиг, дабы извлечь душу из того плачевного пленения, в коем она томилась; ведь ради этой единственной души Христос пролил бы Свою Кровь снова, если бы прежней Жертвы было недостаточно. Сам же исход этого дела, а равно святость и постоянство сей новой Магдалины, ясно свидетельствуют, что было то истинным делом Божиим.

Не воспротивится и добрый друг мой и господин дон Антонио де Кордова, сын христианнейшей госпожи маркизы де Плиего, если я включу и его имя в число сих триумфов, хотя и другие имели долю в этом свершении. Ибо в пору его учения в Саламанке, когда вступил он в близкое общение с отцами Общества Иисусова, Господь наш начал открывать ему очи на суету и обман мира сего. Тогда же стал он вести жизнь сосредоточенную, предаваясь молитве и покаянным подвигам. Слуги, преданно любившие его за великое благоразумие и добродетель, известили о том госпожу маркизу. Рассказывая мне об этом, Её Светлость поведала, что ответила им в письме так: «Дозвольте ему поступать по воле его, ибо сие послужит к преумножению его добродетелей. Ибо скажу вам, отец брат Луис, что нет в мире большей радости, чем видеть добродетель в том, кого любишь».

Сия госпожа узрела красоту добродетели теми самыми очами, коими, как сказывают, взирал на неё Платон¹; ибо истинно она прекраснейшее, что есть в подлунном мире, оттого и были изречены сии достопамятные слова. В то же самое время сей господин встретился с о. Франциском² . зеркалом всякой добродетели, святости и презрения к миру; и тот молвил ему, что намерен потребовать от него отчета в том свете [разумения], коим наделил его Господь.

Видя же столь благое устроение сего господина, отец Авила посоветовал ему вступить в Общество Иисусова, ибо именно на сей путь Господь уже призывает его. И не потребовалось долгих увещаний, ведь душа его уже была к тому расположена; так он и поступил, презрев

все посулы мира сего и отрекшись от всех преимуществ своего высокого звания и родовитости, дабы последовать смиренному и нищете Христовой. А совершилось это в то самое время, когда Папа Юлий III уже возвел его в достоинство кардинала. И как само вступление его на сей путь было осияно особой благодатью Божией, так же отмечены ею были и всё его пребывание в ордене, и неколебимая верность призванию до самой его кончины³.

Среди иных добродетелей его более всего примечательна была великая ревность к молитве, коей пребывал он и неустанным проповедником. Призывая к ней в своих поучениях, он диву давался, как люди в жизни сей, столь обремененной трудами, нуждами и искушениями, могут пребывать без помощи сего делания. Обращаясь же к людям всякого звания, он вопрошал: «Женка, как можешь ты жить без молитвы? Пахарь, как можешь ты жить без молитвы?» — и так, повторяя сии слова, обходил он в мысли своей и все прочие сословия.

И имел он, несомненно, полное право тому удивляться: ибо нет у нас иного исцеления после той духовной наготы, в коей оставили нас прародители наши, кроме как прибегать в молитве к милосердию нашего Искупителя.

Не премину упомянуть здесь и об одном обстоятельстве, которое может показаться мало важным среди столь многих великих добродетелей, однако же оно достойно того, чтобы о нем узнали все, связанные долгом чтения церковного правила.

Однажды блаженный отец предложил мне вместе вычитать утреню, а едва мы преклонили колена, молвил: «Иные призывают друг друга к молитве так, словно речь идет о деле самом пустячном, говоря: "Пойдем-ка, вычитаем 'Отче наш' за час первый или третий". Мне же мнится, — добавил он, — что не должно приступать к службе часов без некоего внутреннего приуготовления души, и посему поступим так и ныне». И так пребывали мы оба на коленях изрядное время, в сосредоточении собирая помыслы в сердце; по совершении же сего начали молиться весьма размеренно и благоговейно.

О, если бы Богу было угодно, дабы с таким же духом и приуготовлением все клирики совершали Божественную службу! Ибо тогда души их обретали бы великую пользу; ныне же плод сего делания мал, поелику приступают к нему с приуготовлением ничтожным или вовсе без оногo.

Дабы не отдаляться от дел Общества Иисусова, я счел уместным помянуть здесь отца Диего де Гусмана, сына графа Байленского по плоти и чада отца Авилы по духу. Он столь преданно почитал своего наставника и был столь признателен ему за благодеяние своего призвания, что именно по его неотступным просьбам я взял на себя труд по написанию сей истории; он же обещал мне вспоможение своими молитвами и служением месс, и я уповаю на Господа, что моления его восполнят мои недостатки.

Я же поведаю о нем лишь то, чему был очевидцем. Еще до вступления в Общество он сошелся с неким весьма добродетельным и ученым отцом, и оба они странствовали по разным краям без всякой пышности и свиты, служа спасению душ всеми силами и разделяя между собою труды. Тот, будучи богословом, проповедовал с великим жаром духа; сей же Диего взял на себя заботу наставлять детей в начатках христианского учения, помогая каждому своим добрым примером и советом.

После долгих лет сего евангельского подвига оба они вступили в Общество Иисусова. И один из них, много потрудившись в винограднике Господнем к великому назиданию душ, ныне уже вкушает дневной динарий — ту награду, что Домовладыка обещал работникам по уговору; ибо был он из тех, кто вышел на труд в час первый и вынес все тяготы и дневной зной (ср. Мф.

20:1–16). Другой же отец жив и поныне и, насколько мне ведомо, пребывает в том же смиренном служении, обучая детей катехизису.

Блаженный отец Хуан Рамирес также был из числа тех, кто был призван в час первый (ср. Мф. 20:1), ибо с самых юных лет начал он служить Господу нашему под водительством отца Авилы. По его совету вступил он в Общество Иисусово, прежде проповедавав многие годы вне оногo; в ордене же он пребыл до самой смерти. На протяжении сорока лет благовествовал он в разных провинциях и городах Испании, принося величайший плод и даруя душам великое утешение. И какова была жизнь его, таков был и конец её.

Во время Страстной седмицы, будучи при смерти от тяжкого недуга, он преисполнился неизреченной радости, когда в среду к нему принесли Святые Тайны. Узрев их, он воскликнул с присущим ему пылом: «О Возлюбленный, Возлюбленный! Неужто и вправду дано мне будет умереть в тот самый день, когда Ты умер за меня?» Так он взывал, о том молил Господа, и Господь внял ему, изведя его из сей жизни с таким утешением именно в тот час, когда Спаситель испустил дух на Кресте, о чем свидетельствуют все очевидцы. И погребение его было столь же многолюдным и славным, сколь чудесен был час его преставления.

В завершение рассказа о сих призваниях я помяну Иоанна Божьего, о коем можно было бы поведать немало, не будь его житие уже описано, и описано превосходно. Сей брат был португальцем, уроженцем Монтемор-у-Нову. Долгое время был он пастухом, после — воином, а под конец — простым тружеником.

Когда он прибыл в Гранаду и услышал в день святого Севастиана проповедь отца Авилы, Господь столь дивно посетил его и он был так глубоко уязвлен в самое сердце, что впал в крайнее исступление, которое все сочли безумием. Однако же я не мню его таковым по причине, о коей скажу далее.

Дабы уразуметь сие, должно знать, что есть два рода сокрушения и скорби о грехах: один — обычный и повседневный, а другой — исключительный, подобный тому, что явила Магдалина. Она вошла посреди дня туда, где Спаситель вкушал пищу с учениками и прочими гостями, не обращая внимания на всё, что окружало её, ибо порыв скорби закрыл её очи для всего земного.

В житии отца нашего св. Викентия Феррера повествуется, как по причине того великого духа, коим наделил его Господь для проповеди, люди, уязвленные силой его слов, во всеуслышание при всем народе громко исповедовали грехи свои. И в пятой главе творений св. Иоанна Лествичника, где рассуждает он о покаянии, описываются потрясающие воображение подвиги тамошних иноков.

Посему меня не смущают крайности, замеченные за Иоанном Божиим; тем более что за ними последовала жизнь, исполненная столь великой святости. Свидетельством тому стало и то дивное торжество, с коим вся Гранада и все монашеские ордена провожали его в последний путь.

Как само обращение сего брата свершилось чрез поучения отца Авилы, так и всё дальнейшее его житие было ими направляемо. В нем мы видим буквальное исполнение слов Апостола о том, что Бог избирает негодное и презренное в мире, дабы совершить дела преславные (ср. 1 Кор. 1:27–28). Сие явила нам и судьба этого брата: Господь наш пожелал, чтобы он, в прошлом пастух, поденщик и воин, стал основателем нового монашеского братства ради вспоможения больным и неимущим. Ныне оно всё более распространяется по миру, будучи уже утверждено властью Святого Престола.

¹ Речь идет о фрагменте из диалога Платона «Федр» (250d): «...ὄψις γὰρ ἡμῖν ὀξυτάτη τῶν διὰ τοῦ σώματος ἔρχεται αἰσθήσεων, ἢ φρόνησις οὐχ ὁραταί· δεινοὺς γὰρ ἂν παρέιχεν ἔρωτας, εἴ τι τοιοῦτον ἐαυτῆς ἐναργεῖς εἶδωλον παρέιχето εἰς ὅψιν ἰόν...» («Ибо зрение наше — самое острое из телесных чувств, но мудрость им не видна. Ибо она возбуждала бы в нас невероятную и грозную любовь, если бы являла взору некий столь же ясный свой образ...»). Эта цитата была излюбленным местом христианских гуманистов и аскетических писателей XVI века, так как она философски обосновывала притягательную силу святости. Луис де Гранада использует эту аллюзию, чтобы показать: для доньи Леоноры добродетель перестала быть отвлеченным понятием. Благодаря благодати она «узрела» её красоту внутренними очами. Для автора это «платоническое» созерцание становится прообразом блаженного видения Бога, когда душа пленяется красотой Творца и уже не может желать ничего иного.

² Речь идет о св. Франциске Борха (1510–1572). Это был выдающийся испанский аристократ, 4-й герцог Гандийский и гранд Испании, который после смерти супруги отрекся от всех титулов и вступил в орден иезуитов, став впоследствии его третьим генералом. Его жизнь стала для современников (включая Луиса де Гранадю и Иоанна Авильского) живым воплощением идеала презрения к миру, так как он добровольно променял блеск высшей власти на смиренное монашеское служение.

³ Антонио де Кордова, S.J. (1527–1567) — испанский иезуит, сын Каталины Фернандес де Кордова (II маркизы Приего) и Лоренсо Суареса де Фигероа (III графа Ферия). Ректор коллегии Сан-Бартоломе в Саламанке (1549), каноник и схоластик кафедрального собора Кордовы. В 1552 г. отказался от кардинальской шапки и вступил в Общество Иисуса по совету св. Франциска Борхи. Первый ректор иезуитской коллегии св. Екатерины в Кордове (1553) — первого иезуитского учебного заведения в Андалусии. Вице-провинциал Андалусии (1558–1559). Умер в Оропесе 26 января 1567 г., похоронен в Монтилье. Луис де Гранада посвятил ему «Libro de la Oración y la Meditación» (1554).

Глава V. О путях стяжания духовных плодов и преуспeyания душ, о коих повествовалось прежде

Поскольку мы узрели столь дивные плоды — или, вернее сказать, преславные победы, одержанные благодаря наставлениям сего евангельского проповедника, — самый ход нашего повествования требует ныне открыть те пути, коими он их достиг. Мы делаем это, дабы ищущие столь же славного торжества над нашим общим врагом и грехом, принесенным им в мир, ведали верную стезю. И хотя отчасти сии способы уже явлены в примерах добродетельной жизни отца Иоанна, о коих шла речь выше, мы восполним сказанное новыми свидетельствами.

Среди всех средств, кои споспешествовали ему в стяжании сего плода, первейшим и главнейшим была молитва: он неотступно молил Господа нашего даровать его слову силу и действенность. Сей человек Божий помнил: подобно тому как мрежа святого Петра, закинутая ночью одними лишь человеческими силами, не уловила ни единой рыбицы, но по слову Божественному наполнила обе лодки (ср. Лк. 5:5–7), так же бывает и с проповедниками в их духовном лове душ.

Посему он неизменно прибегал к молитве, обещая Господу, что закинет сеть лишь во имя Его. Таково было первое и самое важное правило, коего сей ловец держался в своем служении; он утверждал, что духовные чада, обретенные проповедью, — это скорее плод слез, нежели слов.

Вторым из средств, кои он полагал в основание своего успеха, было стройное расположение всех изречений и доводов проповеди. Сие делал он ради того, чтобы извлекать души, падшие и

умерщвленные грехом, а также укреплять наставлением тех, кто уже стоял твердо. Однако же первое он почитал своей главной задачей. Подобно тому как ловец, выходя на ловлю, стремится воротиться домой с добычей, так и сей отец в своих поучениях не искал ничего иного; посему всё то, что не служило этой цели, он отметал как излишнее. Это же побуждало его всегда взывать к самому сердцу, не отвлекаясь на рассуждения мудреные или праздные.

Отличала его и другая черта: хотя он, как муж ученый и проницательный, строил проповедь весьма последовательно, однако же, не отступая от главной темы, то и дело вплетал в речь краткие увещевания и мысли, уместные для самых разных случаев. Одними словами он ободрял искушаемых, другими — утешал скорбящих, иными — обличал гордецов или давал советы людям всякого звания; так, идя одной стезей, он успевал свершить множество дел. Помню, как однажды, когда мы слушали его вместе с лиценциатом Варгасом (ставшим впоследствии послом в Венеции), мой спутник, подметив сию особенность, весьма удачно сравнил его проповедь с неводом, захватывающим всякого рода людей. Я же находил здесь сходство с иным, жутким изобретением человеческой злобы — мушкетом, заряженным множеством дроби ради пушшего урона; но сей слуга Божий использовал ту же хитрость, дабы стяжать душам как можно больше пользы.

Согласно общему мнению учителей Церкви, проповедь о нравственности приносит мало пользы, если она ограничивается лишь общими истинами. Посему сей мудрый проповедник считал необходимым переходить к подробному разбору частных вопросов: он разъяснял, как именно надлежит упражняться в добродетелях и каких пороков следует избегать. В пояснение этого правила я приведу слова святого папы Льва, который призывал к деятельному милосердию так:

«Пусть радостью нашей, братья, станут дела благочестия — те яства, что питают нас для вечности. Будем находить отраду в том, чтобы кормить голодных и одевать нагих. Пусть больные и немощные, изгнанники и безутешные вдовы ощутят нашу помощь и человеколюбие. Никто не бывает настолько беден, чтобы не найти возможности явить в подобных делах хоть малую долю милосердия; ибо не скудно достояние того, чье сердце велико. Заслуга благочестия меряется не ценою приношения: у того, кто владеет немногим, богатство доброй воли никогда не остается без награды. Богатые подают больше, люди среднего достатка — меньше, но плод их трудов одинаков, если одинаково чувство, с коим они их совершают.

Помимо этого, есть и иные случаи для упражнения в добродетелях, кои не требуют трат из нашего кошелька и не уменьшают нашего имущества: если мы отринем постыдные пороки, если будем бежать от излишества в еде и питии, если законами целомудрия обуздаем плотские вожеления. Добродетель сия — в том, чтобы сменять ненависть любовью, вражду — миром, платить терпением за гнев и прощать обиды с кротостью. Она и в том, чтобы так устроить нравы господ и слуг, дабы власть одних была милосерднее, а послушание других — ревностнее» (St. Leo, *Sermo IX de Collectis*).

На сих словах мы окончим свидетельство святого папы Льва. Их довольно, дабы уразуметь вышеупомянутое правило: проповедь достигает цели лишь тогда, когда она обращена к отдельным поступкам человека.

Отличала нашего проповедника и еще одна черта: он не ограничивался тем, чтобы пробуждать в сердцах страх Божий, любовь к Господу и отвращение к греху. Он также предлагал наставления и духовные врачевства против всякого порока, и прежде всего — против греха смертного, в коем все прочие находят свое начало. В этом он был не схож с теми проповедниками, которые, довольствуясь лишь тем, чтобы тронуть сердца слушателей, не дают им частных советов и средств к исправлению сообразно тем чувствованиям, что были в

них пробуждены. Плутарх весьма удачно уподобляет таких наставников тем, кто зажигает светильник, но не наливает в него масла, дабы тот горел долго. Иначе поступают те проповедники, чей помысл — принести истинную пользу и буквально за руку вести тех, кто жаждет исправления. Именно так действовал наш проповедник: всеми силами своего духа он стремился известить людей из греховного состояния и наставить их на путь добродетели, подобно искусному наставнику новоначальных иноков.

Дабы пояснить, к какого рода врачествам прибегал он против греха, я отступлю ненадолго от хода повествования и раскрою сей предмет в самом его корне. Должно знать, что грехи рождаются вовсе не от неведения христианами добра и зла; ибо помимо естественного света, коим наделил человека Бог при сотворении, тому же учат нас и вера, и закон, кои мы исповедуем. Причина же кроется в порче нашего чувственного хотения, которое отвращается от заповеданного законом; ибо, по слову Апостола, закон духовен, я же — плотян, привержен помышлениям плотским, кои противны духу (ср. Рим. 7:14).

Оттого плотяный человек подобен больному, который утратил вкус к пище: он ведаёт, что жизнь его зависит от еды, но принудить себя поесть не может. Так и человек сей: по вере своей он разумеет, что спасение его — в соблюдении закона Божия, но беспорядочное плотское вожеление отвращается от сей пищи, и он позволяет себе умирать, коснея в грехах своих. Сей недуг происходит от порчи, внесенной в наше естество первородным грехом, в коем мы зачаты. Ибо яд, коим древний змий адским своим дыханием отравил сердца прародителей наших, перешел и на детей их; он-то и повредил, и развратил наше сердце настолько, что оно гнушается полезным и жаждет пагубного — подобно тому, как бывает с больными, чей вкус совершенно испорчен.

Где же искать избавления? Мы видим, что против яда змей и гадюк люди изобрели снадобье, именуемое териакон; сказывают, что состоит оно из великого множества веществ, способных даровать исцеление. Подобно сему и христианская вера — учение совершеннейшее, ибо преподано Самим Богом, — зная, что корень всякого нашего зла таится в дыхании древнего змия, дарует нам против него иное, превосходное врачество. Оно составлено из всего, что служит исцелению от сей отравы, дабы противостать повреждению наших чувств и тем самым уберечь нас от греховной смерти.

Вы спросите: что же это за врачества? Отвечаю, вот они: избегание поводов ко греху, ежедневное испытание совести, посты, молчание, уединение; хранение внешних чувств — наипаче же зрения и речи, — и хранение сердца, дабы со всею решительностью пресекать самый вход и прилог злых помыслов. Но среди всех сих средств главнейшие — таинства исповеди и святого причастия, молитва, чтение слова Божия, памятование о смерти и о Божественном суде, что следует за нею, а также созерцание тайны и благодеяния святых Страстей — единственного избавления от греха, ибо ради искоренения его в мире пострадал и умер Сын Божий.

О сих шести последних врачествах наш проповедник дивным образом рассуждает в книге «Audi, Filia» (Внемли, дочь). К ним же он прибегает и в своих поучениях, почитая их за действеннейшие лекарства против греха, способные укрепить во всякой добродетели и благочестии.

Итак, возвращаясь к предмету: вот те части, что входят в состав упомянутого духовного териака, коим врачуются урон, нанесенный ядом древнего змия всему роду Адамову. Сим снадобьем во всей его полноте неизменно стремились пользоваться великие святые; применяя его к исцелению от сей отравы, они столь совершенно выздоравливали, что не только избавлялись от смертных грехов, но и от многих прегрешений простительных. И тогда они уже

не чувствовали в себе ни сопротивления, ни тягости в соблюдении Божественных заповедей, но, напротив, обретали в них такую сладость, что каждый из них мог бы воскликнуть вслед за Пророком: «На пути откровений Твоих я радуюсь, как во всяком богатстве» (Пс. 118:14).

Поскольку не каждому дано прибегнуть ко всем помянутым нами средствам, пусть всякий использует те из них, кои ему по силам; и чем прилежнее он будет в их употреблении, тем совершеннее станет исцеление, тем свободнее будет он от всякого греха и тем более преуспеет в каждой добродетели.

Сие есть врачевство, обретаемое в одном лишь христианском учении, которое наставляет нас в способах борьбы с недугами человеческого естества, с тиранией и злобою греха. Философы и мудрецы века сего почти ничего не ведали о том; и хотя они высокопарно писали о пороках и добродетелях, выдавая себя за учителей нравов, сами они не были добродетельны, равно как не соделали таковыми и своих учеников. Не имели они от добродетели ничего, кроме окладистых бород да особого платья, коими прельщали мир. Ибо недоставало им сего врачевства, без коего плоть берет верх над духом, а чувственное хотение — над разумом.

Я счел уместным вкратце упомянуть здесь об общеизвестных средствах, коими сей отец пользовался, дабы направлять души к Господу нашему. Но описать все остальные способы, к коим он прибегал для достижения этой цели, было бы не под силу человеку, ибо они неисчислимы — что и подобает мужу, Богом наставленному и всецело поглощенному сим попечением. Подобно искусному военачальнику, обложившему крепкую и хорошо защищенную крепость и неустанно помышляющему о том, как вернее в нее проникнуть, так и сей служитель Божий был всегда занят поиском разных средств овладеть человеческим сердцем — этой самою неприступною твердынею в мире, особенно когда охраняет её евангельский «сильный с оружием» (ср. Лк. 11:21), что столь зорко стережет свое достояние.

Глава VI. О блаженной кончине отца Авилы

Настало время подойти к концу того земного пути, на исходе которого Господь наш возжелал призвать Своего верного раба из юдоли изгнания. Он судил даровать ему венец, заслуженный спасением множества душ, направленных им на служение Богу, а равно и многими трудами и недугами, кои томили его долгие годы — о них мы повествовали прежде, во второй части сей истории.

Однако милосердный Мздовоздаятель, никогда не оставляющий труды без награды, не пожелал, чтобы и самая смерть отца Иоанна была лишена новых заслуг, стяжаемых в страданиях. В марте 1569 года слуга Божий был вновь удручен жестокими болями в боку и почках. В начале же следующего мая, в день Явления Архангела Михаила¹, к коему он питал великое благоговение, его постигла новая боль — в левом плече и спине. Одному из отцов, что ухаживали за ним, сие недомогание показалось весьма опасным и отличным от прежних приступов. Посему он спросил его: «Чувствуете ли вы, ваше преподобие, что Господь желает ныне забрать вас к Себе?» На что тот ответил: «Нет».

На следующее утро пришел лекарь и, осмотрев больного, понял, что тот находится на самом пороге вечности. Он сообщил об этом упомянутому отцу, добавив, что если больному надобно составить завещание, то медлить не стоит. Отец же ответил, что составлять завещание нет нужды, ибо как жил он в нищете, так в нищете и умирает. Подойдя к постели страждущего, врач молвил: «Сударь мой, ныне настало время, когда друзья должны говорить правду: вы умираете; сделайте же все необходимые распоряжения перед исходом». Тогда отец возвел очи к небу и произнес: «*Recordare, Virgo Mater, dum steteris in conspectu Dei, ut loquaris pro nobis bona*» («Помяни, Дева Матерь, предстоя пред лицом Божиим, дабы глаголать о нас благое»). И

тотчас добавил: «Желаю исповедаться, — а после молвил, — хотел бы я иметь еще немного времени, дабы лучше приуготовиться к отшествию».

Госпожа маркиза, бывшая при том, рассудила, что помянутому отцу, ухаживавшему за ним, должно совершить литургию. Она спросила слугу Божия, какую мессу он желал бы ныне слышать: о Святейшем Таинстве или о Пречистой Деве, к коим он питал особое благоговение. Но он ответил: «Нет, [совершите службу] о Воскресении», — словно бы уже чувствовал утешение в надежде на грядущую жизнь. Тогда госпожа маркиза велела принести светильники, дабы преподать ему Святые Дары. И когда их внесли в покой, он воскликнул: «Дайте мне Господа моего, дайте мне Господа моего!» Было тогда около восьми или девяти часов утра; боль же, начавшаяся накануне вечером, перешла в левый бок, а затем поднялась к груди и самому сердцу.

Едва миновало полчаса после причащения Святых Таин, как он попросил о Последнем помазании. Когда же ему заметили, что час еще не пришел и можно бы повременить, он настоял на немедленном совершении таинства, ибо желал пребывать в полном сознании и со вниманием созерцать и слышать всё, что при нем возглашается и совершается. Просьба его была исполнена в самый полдень. Боль же всё росла, стесняя грудь; ибо Господь желал, чтобы даже сей малый срок остался не без заслуги, ибо ждала его награда вечная.

Госпожа маркиза спросила тогда, что ей сделать для него. Он ответил: «Мессы, сударыня, мессы». Тут подошел отец ректор коллегии Общества Иисусова и молвил: «Верно, великие утешения ощущает ныне ваше преподобие от Господа». Он же отозвался: «И великий трепет за грехи мои».

Не подобает нам проходить мимо этих слов, ибо в каждом из них — великое назидание. Поистине, грозен сей последний переход, если такой муж, пребывавший в беспрестанном приуготовлении, ибо он ежедневно исповедовался и причащался, говорит, что жаждал бы еще времени, дабы лучше приготовить к исходу. И сколь страшен грядущий суд, если слуга Божий трепещет пред ним и молит о помощи зауспокойными мессами, дабы облегчить муки чистилища. Ведь даже если и оставалось в нем нечто, нуждавшееся в очищении (в чем трудно не усомниться, зная высоту его добродетелей), неужто не довольно было семнадцати лет лютых недугов? Тем паче что один день страданий, принятых в этой жизни добровольно, стоит более многих лет мук в чистилище, кои несут более по нужде, нежели по воле.

Если нас страшит подобный трепет в столь праведном муже, то не меньше должны нас поражать примеры иных великих святых, кои точно так же боялись предстать пред Господом в этот час. Великий Арсений, славный в миру и еще более славный среди пустынных иноков, явил в смертный миг такое сокрушение, что ученики его, дивясь, вопрошали: «Отче, неужто и ты ныне трепещешь?» На что святой муж отвечал: «Дети, страх сей для меня не нов, ибо я всегда жил с ним».

То же самое вопрошали ученики в тот же час у святого аввы Агафона, и он отвечал, что боится, ибо ведает: суды Божии бесконечно высоки и отличны от помышлений человеческих. Иларион Великий, зеркало всякой святости, видя, что душа его содрогается перед исходом, ободрял её словами: «Выходи, душа моя, выходи; чего ты страшишься? Семьдесят лет служишь ты Христу и неужто боишься смерти?»

Что же скажу я о многотерпеливом и непорочном Иове, коему не было равного на земле? Сколь сильно, по его собственным словам, страшился он сей грозной тяжбы, когда восклицал: «Что буду я делать, когда восстанет Бог на суд? И когда Он взыщет с меня, что я отвечу Ему?» (Иов 31:14).

Из приведенных примеров христианин уразумеет, что трепет сего отца не только не признак несовершенства, но, напротив, свидетельство великого благоразумия и духовной полноты. Ибо сказано в Книге Сираховой: «Храни страх Божий и состарься в нем» (ср. Сир. 2:6); сиречь будь ты хоть старым и верным слугою в доме Господнем, не оставляй сего страха. И Соломон глаголет: «Блажен человек, который всегда в страхе» (Вульг. Притч. 28:14). Праведен был святой Симеон; но при всей своей святости и правде был он исполнен трепета, ибо, по слову одного толкования, «чем больше человеку есть что терять, тем больше у него причин для страха».

У сего же слуги Божия, помимо сказанного, была и иная причина для трепета — глубочайшее смирение, пустившее в нем крепкие корни. Сия добродетель, заставляя человека быть недовольным собою, побуждает его еще более страшиться, когда взирает он на себя и зрит одни лишь недостатки и немощи. С сим святым страхом и окончил жизнь свою слуга Божий, явив нам в этом светлом примере, что и всем нам надлежит жить и умирать в подобном священном трепете.

Затем госпожа маркиза спросила его, где желает он быть погребен; ибо и её светлость, и сестра Ана, почитавшие его, как было упомянуто прежде, отцом своих душ, желали бы упокоить его в обители св. Клары. Но он отвечал: «Нет, [похороните меня] в коллегии отцов Общества Иисусова»; ибо как любил он их при жизни, так пожелал оставить им сей залог своей любви и по кончине своей.

Наступил вечер, и боль поднялась к самой груди. Один из учеников передал ему Распятие; он принял его обеими руками и с глубоким благоговением приложился к стопам и к пречистой ране в боку Спасителя, прижав образ к себе. В руку ему вложили также четки, дабы он призывал имя Иисуса, которое он и произносил многократно вместе с именем Пречистой Девы. Ночью боль усилилась, и он взывал к Господу: «Довольно уже, Господи, довольно». Страдания длились до полуночи, а он всё повторял слабеющим голосом: «Иисус, Мария; Иисус, Мария».

Один из отцов держал Распятие у его правой руки, другой же стоял со свечой у левой. Лицо его ничуть не исказилось и взор отнюдь не помутнел, как то часто бывает у умирающих; напротив, ту ясность лика, что была присуща ему в жизни, он сохранил до самого конца. Лишь четверть часа пробыл он в безмолвии, а после в мире и тишине предал дух свой Господу, переходя из покоя благодати в покой вечной славы, к венцу, заслуженному многими трудами и обильными плодами в душах верных.

Какова же та мера славы, которой он удостоился в обителях горних, являет нам Господь в Евангелии, глаголя: «Кто сотворит и научит» (Мф. 5:19) — то есть тот, кто сам соблюдает заповеди Божии и иных наставит в их соблюдении, тот великим наречется в Царстве Небесном. За сие служение подобает сугубая слава и венец тем, кто полагал силы свои в деле спасения ближних, согласно пророчеству Даниила: «Праведники воссияют, яко твердь небесная, а наставившие многих на путь правды — яко звезды, во веки веков» (Дан. 12:3).

О грядущей судьбе сего слуги Божия пророчествовал и сам день его рождения — праздник Богоявления, когда звезда путеводила святых волхвов к яслям Спасителя. Сие предзнаменовало, что младенцу, рожденному в этот день, суждено стать сияющей звездой в Церкви Божией и направить многие души на служение Творцу, о чем свидетельствует всё вышесказанное. И подобно тому как родился он в день, знаменующий его служение, так и умер он в день, когда согласно Римскому мартирологу окончил свой путь святой Иов. Тем дано нам понять, что Иоанну надлежало приять не только венец учительства, но и венец терпения, коего он не обронил на протяжении семнадцати лет своих лютых недугов.

Наш проповедник глубоко почитал апостола Павла и стремился во всем подражать ему как в образе проповеди и в совершенной нестяжательности, так и в безмерной любви к ближним. Послания сего апостола он знал на память. Дивны были те истины, коим он поучал, изъясняя слово Павлово; он питал к нему исключительную любовь и благоговение, и в своих собственных письмах чудесным образом наследовал его духу. Примечательно было видеть: всякий раз, когда представлялся ему случай истолковать какое-либо изречение святого апостола, делал он это с великим воодушевлением и дивным мастерством, о чем свидетельствуют все его поучения и писания.

В сем Житии, нами начертанном, читатель-христианин обретет немало поводов для истинного назидания и благоговейного изумления. Особо же примечательна та ревность и ненасытная жажда спасения душ, коими пламенел сей человек Божий; ради этой цели он прибегал к многоразличным способам и средствам: благоговествовал, писал послания, устраивал училища и коллегии, поддерживал нищих и во всякий час готов был ответить приходящим к нему за советом.

Более же всего я дивлюсь тому, что при всей неисчислимости непрестанных забот о ближних он не терял ни свойственного ему самообладания и спокойствия во внешнем поведении, ни внутренней сосредоточенности и умного делания. Причиной тому, мнится, был сам строй его жизни: ибо день он отдавал ближним, ночь же, подражая Христу, проводил в общении с Богом. Сверх того, он так общался с людьми, что не утрачивал вполне единения своего духа с Ним, стремясь, по наставлению св. Иоанна Лествичника, хранить внутренний покой души среди многообразия и множества дел телесных, что является уделом мужей совершенных.

Хотя сама жизнь и добродетели сего мужа, нами здесь описанные, уже являют собой чудо — столь возвысился он над обыденным человеческим естеством, — ученики его свидетельствуют и о других сверхъестественных знамениях. Однако я не дерзнул запечатлеть их на письме, поскольку они еще не получили должного удостоверения от епархиальных властей.

Преставился сей отец 10 мая 1569 года. Кончина его отозвалась глубокою скорбью в сердцах госпожи маркизы и сестры Аны, кои почитали его своим истинным духовным отцом. Всё духовенство городских храмов, иноки орденов св. Августина и св. Франциска, а также отцы Общества Иисусова проводили его останки до церкви сего Общества. Там он и был погребен в главной капелле, со стороны Евангелия; в стене же было устроено арочное надгробие, где ныне покоится рака с его мощами, и положена плита с начертанными на ней стихами:

MAGISTRO JOANNI AVILAE
PATRI OPTIMO, VIRO INTEGERRIMO, DEIQUE AMANTISSIMO

FILII EIUS IN CHRISTO P.

Magni Avilae cineres, venerabilis ossa Magistri,
Salvete extremum condita ad usque diem.
Salve, dive Pater, pleno cui flumine coelum
Affluxit, largo cui pluit imbre Deus.
Coeli rore satur, quae mens tua severat intus
Mille duplo retulit foenore pinguis ager.
Quas Tagus ac Betis, quas Singilis aluit oras
Ore tuo Christum buccina personuit.
Te patrii cives, te consulturus adibat
Advena; tu terris numinis instar eras.

Quantum nitebaris humi reptare pusillus
Tantum provexit te Deus astra super².

IPSE LECTORI

Avila mi nomen, terra hospita, patria coelum;
Quaeris quo functus munere? messor eram;
Venerat ad canos falx indefessa seniles
Quae Christo segetes messuit innumeras³.

AM.D.G.

¹ Речь идет о празднике Явления святого Архангела Михаила (*Apparitio Sancti Michaelis*), который в католической традиции отмечается 8 мая. Праздник установлен в память о явлении Архангела Михаила на горе Гаргано (Монте-Сант-Анджело) в Италии в конце V века (около 490 года). Архангел явился местному епископу и объявил пещеру на этой горе местом своего особого присутствия и защиты. Этот праздник не следует путать с основным днем почитания Архангела Михаила (Михайловым днем), который празднуется 29 сентября. Майское празднование исторически было связано именно с конкретным местом паломничества на горе Гаргано, которое было крайне популярно в Европе во времена Луиса де Гранады. Считалось, что именно архангел Михаил сопровождает души в момент смерти и защищает их в последней духовной брани, поэтому автор биографии подчеркивает, что роковые боли начались именно в этот день.

² УЧИТЕЛЮ ИОАННУ АВИЛЬСКОМУ
ЛУЧШЕМУ ИЗ ОТЦОВ, МУЖУ НЕПОРОЧНОМУ И БОГОЛЮБИВОМУ

ВОЗДВИГНУТО СЫНОВЬЯМИ ЕГО ВО ХРИСТЕ

Праха великого Авилы, кости почтенного Учителя,
Покойтесь здесь до скончания времен.
Радуйся, святой отче! Небеса полноводной рекой
Излились в тебя, и Господь оросил тебя щедрым дождем.
Напоенная небесной росой, нива души твоей
Вернула посеянное с тысячекратною прибылью.
Там, где текут Тахо и Бетис, где вьются берега Сингилиса,
Твои уста, точно трубы Христовы, гремели повсюду.
К тебе, как к пророку, шли сородичи и иноплеменники;
Ты был для земли словно образ Самого Божества.
И чем глубже стремился ты смириться в ничтожестве своем,
Тем выше Господь вознес тебя — превыше самих звезд.

³ ОТ ЛИЦА УЧИТЕЛЯ К ЧИТАТЕЛЮ

Авила — имя моё, земля — лишь приют, а небо — отечество;
Спросишь, каков был мой труд? Я был жнецом.
Был дан мне, седовласому, неутомимый серп,
Который собрал для Христа неисчислимую жатву.

*Перевод: Константин Чарухин
Корректор: Ольга Самойлова*

Подготовлено для сайта РУСКАТОЛИК.РФ

ПОДДЕРЖАТЬ ПЕРЕВОДЧИКА:

PayPal.Me/ConstantinCharukhin

или

Счёт в евро: PL44102043910000660202252468

Счёт в долл. США:

PL49102043910000640202252476

Получатель: CONSTANTIN CHARUKHIN

Банк: ВРКОPLPW

**БИБЛИОТЕКА ПЕРЕВОДОВ
КОНСТАНТИНА ЧАРУХИНА**